

СЕМЬЯ И ШКОЛА

3/1972

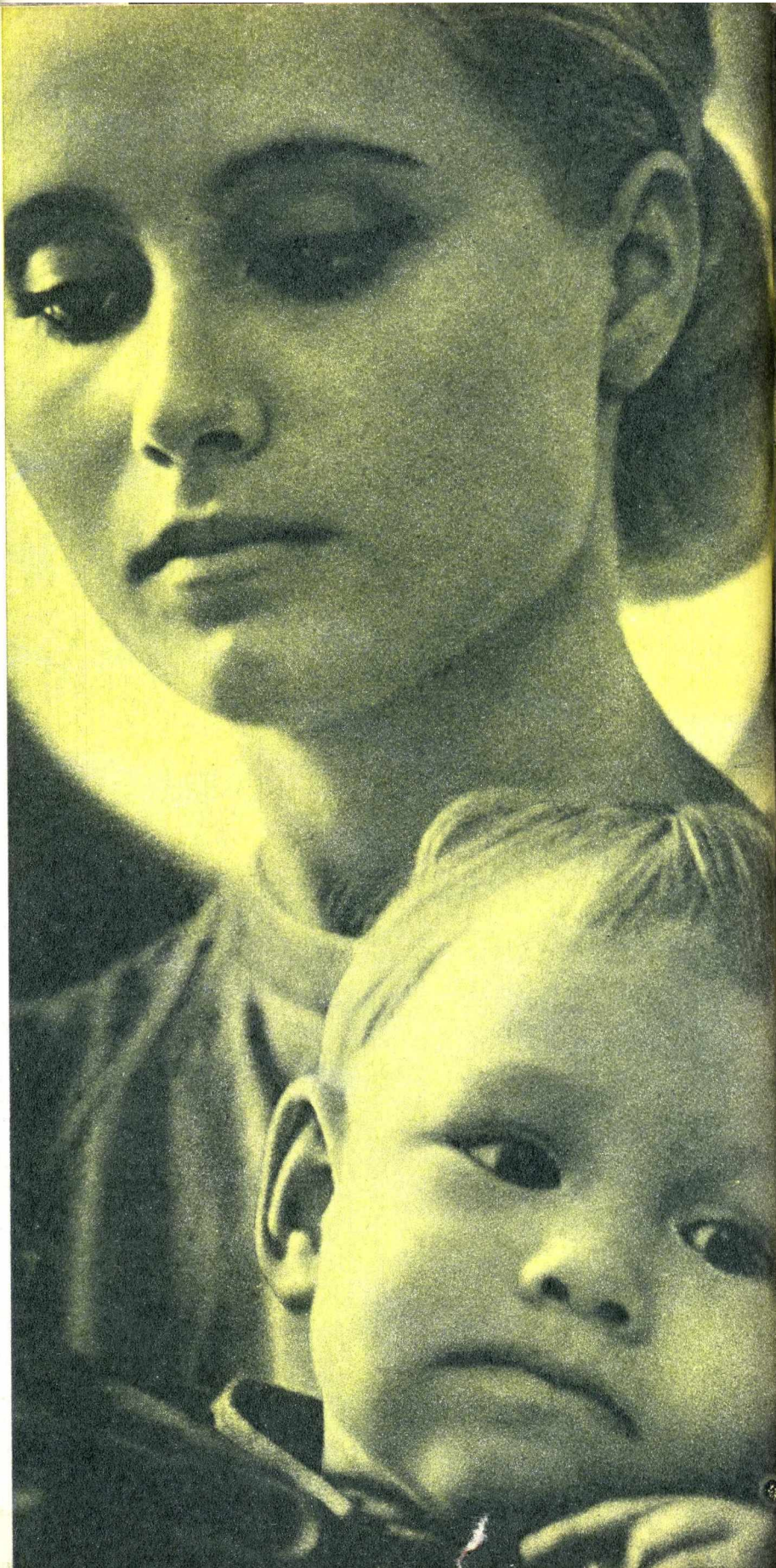
ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

*4 часа в день — не много ли времени
расходуют старшеклассники на то,
чтобы „поболтать с приятелями?“
Друзья и товарищи —
это так важно для каждого человека.
„Пик“ потребности в общении
приходится именно на раннюю юность*

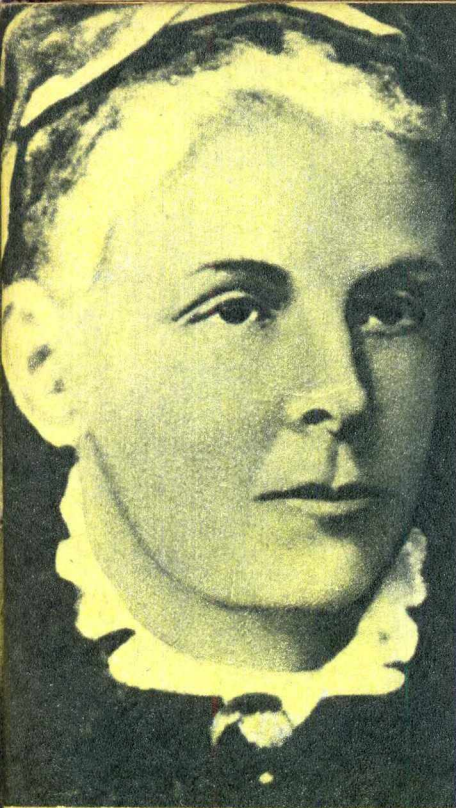

На соседней странице:
вверху —
Мария Александровна Ульянова,
мать Владимира Ильича Ленина;
Анна Кирилловна Заломова,
мать Петра Заломова
(прототип Пелагеи Ниловны,
героини романа А. М. Горького
„Мать“);
Анна Тимофеевна Гагарина,
мать Юрия Алексеевича Гагарина;
внизу —
Татьяна Федоровна Есенина,
мать Сергея Есенина;
Елена Игнатьевна Дзержинская,
мать Феликса Эдмундовича
Дзержинского;
Любовь Тимофеевна
Космодемьянская,
мать Зои и Александра
Космодемьянских

без матери нет ни поэта, ни героя...

О чем думает
мать,
тихо качая дитя
в колыбели?
Думает она
о простых
вещах —
чтобы ребенок
ел, не капризничая,
весело смеялся.
Хочет она,
чтобы стал он,
выросши,
верным
товарищем,
умным
работником.
Мечтает
она о том,
чтобы был он
самым лучшим
не только для нее.
Восьмое марта —
праздник
всех женщин,
но в первую
очередь
народ чествует
матерей.
От святой их
заботы
растут поэты,
растут герои.
Хорошие люди
растут.

СОДЕРЖАНИЕ

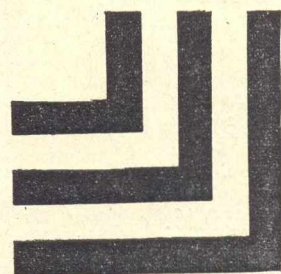
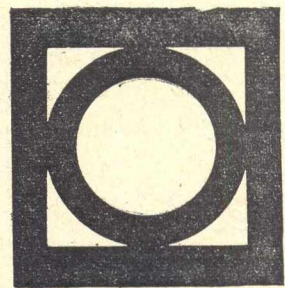
Для самых маленьких. (На вопросы отвечает начальник Управления по дошкольному воспитанию Министерства просвещения СССР Р. А. Курбатова)	2	Детство замечательных людей В. Шатчинин. Мольер	35
Навстречу 50-летию пионерии В. Ханчин, В. Грандова, И. Афанасьев. Пионеры: давно и сегодня	5	Н. Баранская. Борин велосипед	36
Педагогические исследования А. Мудрик. Пустое ли это время?	8	Листая журналы	41
Наши права, наши обязанности Н. Ветров. Воспитание и надзор И. Гамаюнов. Семь рублей мелочью	10 12	Старинные наставления	42
А. Фонарев. Жизнь до рождения	15	К. Кострин. Шерлок Холмс — химик	44
Из педагогического наследия М. Т. Сидги. Просвещение умов и вразумление людей. (С вступлением А. Агаева)	18	Книги Л. Жак. Отец и сын	46
Почта Н. Батолин. По дороге домой Пусть играют. (Отклики читателей Т. Снегиревой, В. Воронова, Н. Л. на письмо «Как быть с Испандерией?»)	21 21	Г. Румянцев. «А я везде с тобой...»	48
На теплые ноги. (Ответ на письма читателей Г. Куликовой и В. Сойкиной)	22	В. Шитова. День на всю жизнь	49
Н. Ашомко. Теперь не тревожусь	22	Т. Владимиров. Нужна ли неправда?	51
Консультации «Семьи и школы»	23	В. Кречетов. В единоборстве со стихией	51
Над детскими письмами М. Ценципер. «Не отвлекайся!»	24	Недавно выпущено...	52
Л. Демина. Читать и читать!	26	Кино Л. Трауберг. Вот это была любовь	53
Природа А. Онегов. Дружба на время	28	Пластинки Н. Танаев. Мир не кукольный, но живой...	54
Событие семейного значения Г. Терехова. Идем в театр!	31	Приглашение к танцу В. Бовт. Всегда ново и прелестно	56
Музыка и каждый из нас Ф. Розинер. Таня, музыка и...	32	Снова о хороших манерах А. Макаров. Чему надо учить и что надо чувствовать	58
		С. Глазер. Спорт на столе	60
		На 64 клетках	62
		В. Чирков. Мы рисуем на асфальте!	63
		Картины нравов В. Алексеев. Образ «прекрасной Франции»	64
		На 2-й странице обложки фото Н. Свиридовой. На 2-й странице вкладки фото И. Ципина. На 4-й странице обложки фото А. Геодакова.	

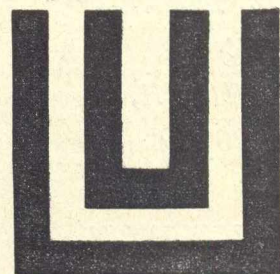
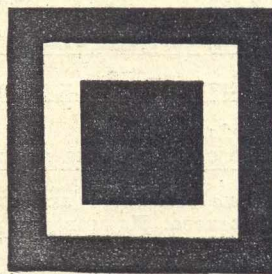
СЕМЬЯ И ШКОЛА

Ежемесячный журнал
для родителей
Академии
педагогических наук СССР
Март 1972 года
№ 3 27-й год издания

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

На вопросы отвечает
начальник Управления
по дошкольному воспитанию
Министерства
просвещения СССР
Роза Алексеевна
КУРБАТОВА

Как развивается сеть дошкольных учреждений?

— Сеть дошкольных учреждений в минувшей пятилетке значительно выросла и еще более вырастет в пятилетке девятой. В 1970 году по сравнению с 1965 годом число детей в яслях и детских садах страны увеличилось на 1 миллион 600 тысяч. Теперь в них воспитывается примерно каждый третий ребенок. Директивы XXIV съезда КПСС предусматривают *построить в новой пятилетке более 2 миллионов мест.*

Уже сейчас во многих городах и поселках определить ребенка в ясли, в детский сад — никакая не проблема. Но читатели «Семьи и школы» лучше, чем кто-либо, знают, что так дело обстоит еще не повсюду. Трудности возникают прежде всего в новых, быстро растущих городах — здесь много молодежи, много молодых семей, много маленьких детей. Поэтому совершенно недопустимо, когда средства, щедро отпускаемые государством на строительство детских дошкольных учреждений, осваиваются не полностью. Не только органы власти на местах, но и родительская общественность, комсомольские и профсоюзные организации должны взять под контроль введение в строй дошкольных учреждений.

Как обстоит дело с детскими садами на селе?

— Это особая проблема. До недавних пор детских садов здесь было гораздо меньше, чем в городе. Понятно, что в деревне присмотр за детьми не так сложен, как в городе: и опасностей меньше, и соседями рядом, да и старшие члены семьи — бабушки, дедушки — живут, как правило, вместе с молодыми родителями. Но, во-первых, многие женщины все-таки не могут пойти работать в поле, на ферму именно потому, что заняты весь день с ребенком. А во-вторых, дело ведь не только в присмотре. Детское дошкольное учреждение помогает развитию ребенка, готовит его к успешному обучению в школе. Так что не только экономическая выгода должна усматриваться в общественном воспитании детей.

За последние годы в деревне сделано многое по организации общественного дошкольного воспитания. Если в 1965 году в колхозах страны насчитывалось 6,7 тысячи постоянных детских садов, то сейчас мы имеем их уже более 11 тысяч.

Конечно, серьезное значение имеют и детские площадки, которые открываются в большом количестве на время полевых работ. Но все-таки главная цель — постоянно действующий сад. Причем такой, который был бы ничем не хуже городского. Всесоюзный смотр дошкольных учреждений, проходивший в 1966—1969 годах, показал, что таких садов у нас немало. Назову для примера детские сады совхозов «Бугры» Ленинградской области, «Сахарово» Калининской области, «Кудиново» Калужской области, совхоза «Пригородный» Алма-Атинской области, колхоза «Победа» Таласского района Киргизии. У них есть благоустроенные здания, все удобства, хорошее оборудование, хорошая мебель, много игрушек и книг, с детьми работают квалифицированные воспитатели.

Пример заботливого внимания к нуждам малышей и их родителям дает Свердловская область. Здесь на селе более 700 детских садов, в которых воспитывается почти 25 тысяч ребят. Две трети детей обеспечены дошкольными учреждениями! Многие сделано для детей в Крымской и Херсонской областях Украины, в других областях страны.

И здесь я снова хочу подчеркнуть — дело не только в присмотре, не только в том, что, уходя на работу, отец и мать спокойны за ребенка. Родители — в том числе и сельские жители — хотят, чтобы ребенок получал в детском саду необходимые умения и навыки, готовился к поступлению в школу...

Итак, не один присмотр...

— Да, первостепенную задачу детского сада мы видим во всестороннем гармоническом воспитании ребенка. Справляются ли наши детские сады с этой задачей? Мне хотелось бы сослаться на результаты исследования, проведенного полтора года назад Институтом дошкольного воспитания АПН СССР. В ходе его были получены данные об уровне развития нескольких сот детей, поступавших в школу в Москве, Туле, в сельских районах Саратовской и Воронежской областей, в Литве, Армении, на Украине.

Поступление ребенка в школу — своеобразный экзамен и для родителей, и для воспитателей детских садов. Широко распространилось понятие «школьная зрелость». Как глубоко знакомство ребенка с окружающим миром? Умеет ли он жить в коллективе? Воспитаны ли у него необходимые привычки поведения? Как он развит физически?

Результаты исследования показали, что общее развитие дошкольников существенно повысилось и в основном соответствует требованиям школы.

Рост детей в среднем на 7 сантиметров выше, а вес на 3 килограмма больше, чем у детей, которые обследовались около 40 лет назад. Количественные показатели основных движений (прыжки, метание) значительно выше, чем те, что содержатся в рекомендациях программы детского сада.

Справляются ли дети со сложными умственными заданиями: могут, например, обобщить предметы по существенным признакам, могут использовать схематические и условные изображения...

Относительно высок уровень подготовки к усвоению грамоты и счета.

Хорошо пересказывают дети прослушанный художественный текст (то есть у них высокое речевое развитие, что очень существенно для обучения в школе).

И вот важный для нас вывод: *те дети, которые посещали подготовительные группы детского сада, оказались в среднем более развитыми и лучше подготовленными к школе, чем их сверстники, которые воспитывались только в семье.* (Особенно явно это выступает в условиях сельской местности).

В общем это понятно. Семья не может дать ребенку столь широкий круг разнообразных сведений, навыков, умений, которыми он насыщается ежедневно, ежечасно в детском саду. И дело не только в том, что ребенка в саду легче «натаскать» к школе. Нет, «школьная зрелость» предполагает другое — общее развитие ребенка. Загляните в программу детского сада — здесь предусмотрено все: от умения зашнуровывать ботинки до музыкально-ритмических занятий, от овладения культурно-гигиеническими навыками до усвоения простейших математических представлений. Не менее важно, что дети умеют действовать сообща, дружно жить в коллективе, обладают известным кругом знаний о Советской стране, о труде взрослых. А вот посмотрите, над чем работают ученые-методисты. Как воспитать в ребенке чувство юмора с помощью веселой книжки? Как знакомить детей с законами неживой природы? Как научить ребенка выразительно чтению? Как видите, детский сад ставит перед собой очень многообразные задачи.

Ребенок живет жизнью не менее взволнованной, не менее напряженной, не менее размышляющей, чем

взрослый человек. По тонкому замечанию советского психолога Л. С. Выготского, ребенок «сам строит теории, целые космогонии о происхождении вещей и мира». Откликнуться на эту большую внутреннюю работу, помочь ей, направить ее — это важная забота воспитателей детского сада.

Требования к воспитателям? Как готовят их?

— Воспоминания об Анатолии Васильевиче Луначарском донесли до нас любопытный эпизод двадцатых годов. Нарком приехал в детский сад, и там среди общего праздника и веселья, вызванного визитом такого почетного гостя, обратил внимание на одиноко стоявшую в стороне маленькую неприметную девушку. Анатолий Васильевич стал расспрашивать о ней. Оказалось, что это педагог, работой которого не удовлетворены и собираются уволить. Правда, ребята так и льнут к ней, но это ведь непедагогично: «она настолько говорит с ними как с равными, что эта фамильярность снижает роль педагога...».

И как раз в этот момент произошло маленькое событие: двое ребят не ладили и никак их нельзя было разнять. Пока педагоги безуспешно уговаривали и страшили зачинщика, который не хотел оставить свою жертву, Луначарский быстро подошел к «непедагогичному педагогу». «Будьте так любезны, товарищ, помогите нам урезонить этого маленького драчуна... У вас, говорят, это хорошо получается». Девушка, помедлив немного от неожиданности, подошла к малышам и что-то сказала. Задира бросился к ней, прижался к груди и залился горькими слезами. Девушка погладила его по головке и вновь что-то сказала... Через минуту недавние враги мирно и весело играли вместе. «Какой вы молодец, — громко сказал Луначарский, — как хорошо, что ребята вас так слушают. Откройте нам ваш секрет». — «Их просто надо любить, — произнесла смущенно девушка. — Ребята непосредственны и настолько любовь понимают». — «Разрешите мне пожать вашу руку, товарищ. Вы настоящий, хороший работник...»

Их просто надо любить! О душевной отзывчивости, чуткости, бережности к детству вспоминаем мы прежде всего, когда задумываемся о той широкой гамме профессиональных качеств, которые должны быть присущи дошкольному педагогу.

А гамма эта действительно ши-

рока. Сегодня детскому саду нужны высокообразованные специалисты, хорошо владеющие педагогической теорией, глубоко разбирающиеся в психологии ребенка, умеющие насытить жизнь его разумной игрой, посильным трудом, художественным творчеством, думающие о его здоровье и полноценном физическом развитии. Как далеко это от представлений иных скептиков, полагающих, что вся премудрость «детсадовской педагогики» в том, чтобы вовремя накормить ребенка или вывести гулять, да еще посмотреть, чистые ли у него уши...

Нет, если уж мы говорим о больших возможностях раннего возраста, если мы ставим задачу всестороннего и гармонического развития ребенка с малых лет, то именно «детсадовские педагоги» только и в силах эту задачу решить. Но для этого они должны уметь рисовать и затевать хороводы, собирать из «конструктора» тележку и дирижировать детским хором...

Любознательность «почемучек», как правило, умиляет родителей. Но она же и озадачивает их... Дома один «почемучка», а в группе? Легко понять, сколько же должен знать воспитатель — от названия цветочка до устройства ракеты, — чтобы быть на уровне вопросов ребят. Так что и широкая общая образованность, культурный кругозор — непререкаемое качество того, кто приходит работать с детьми.

Надо сказать, что сегодня уже три четверти дошкольных педагогов (а всего их в стране около 600 тысяч) имеют специальное образование. О повышении образовательного уровня говорят и следующие цифры: в 1965 году высшее образование имели 36 тысяч дошкольных работников, а теперь — 67 тысяч. Если в том же 1965 году из дошкольных училищ пришло в детские сады 8 тысяч молодых специалистов, то в 1970 году эта цифра возросла до 25 тысяч...

В детские сады с каждым годом будет приходиться все больше всесторонне подготовленных, полных энергии молодых воспитателей. Повышению социального престижа этой профессии, как мне кажется, будет способствовать и значительное (более чем на 20 процентов) повышение заработной платы, которое намечено провести с сентября нынешнего года.

«Детей должны воспитывать люди, которые по природе своей тяготеют к этому делу, требующему великой любви к ребятишкам, великого терпения и чуткой осторожности в обращении с будущими строителями нового мира», — по этим замечательным горьковским словам

надо «измерять» всякого, кто хочет ступить на благородную, благодарную, но и трудную стезю «работника детского дошкольного учреждения».

Детский сад и молодая семья... Каковы их взаимоотношения?

Некоторые наивные люди полагают, что общественное воспитание если уж не полностью заменит семейное, то весьма сильно потеснит его, и роль родителей в воспитании ребенка будет снижаться. Это, конечно, не так. Никто и ничто не заменит ребенку семьи.

Если говорить о практической стороне взаимоотношений детского сада и семьи, то прежде всего важно добиться их полного единства в подходе к детям. Поэтому дошкольные учреждения должны проявить заботу о том, чтобы молодая семья своевременно получала необходимые медицинские сведения, педагогические знания. Сейчас распространены школы молодых матерей. Воспитатели проводят здесь не только беседы. Они учат изготавливать поделки и показывают игры для детей. В школе молодых матерей можно узнать о том, как научиться шить детскую одежду. Даются здесь и своеобразные уроки по детскому питанию, к проведению которых привлекаются медики и повара.

Большую просветительную работу ведут воспитатели и в специальных лекториях, и в дошкольных секциях при университетах педагогических знаний.

Работа с родителями может выглядеть, конечно, по-разному. Мне запомнился детский сад, где педагоги подготовили фильм о трудовом воспитании детей. В нем было показано и как убирают малыши игровую комнату, и как ухаживают они за растениями, и как мастерят игрушки из дерева. Родители посмотрели фильм и удивились: неужели они все это могут? Взрослые наглядно убедились в возможностях своих детей. И это не могло не сказаться на поручениях, которые они теперь сами стали давать малышам дома. Вот как много может принести родителям даже само знакомство с жизнью дошкольного учреждения.

Чем ближе будут стоять друг к другу детский сад и семья, чем больше будут знать друг о друге, чем больше будут друг друга поддерживать — тем вернее оправдаются наши надежды на то, что вырастут наши дети умными, добрыми, достойными людьми.

навстречу
50-летию
пионерии

ПИОНЕРЫ: ДАВНО И СЕГОДНЯ.

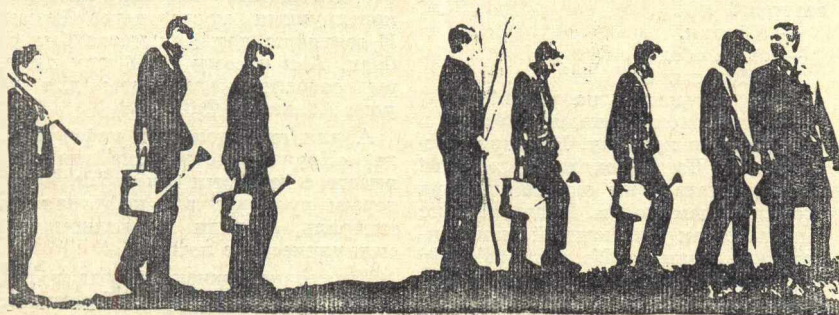

Старший научный сотрудник Академии педагогических наук СССР В. С. ХАНЧИН был вожатым первых пионерских отрядов в Киеве. Его рассказ о юных спартаковцах, как называли себя пионеры Украины, относится к 1923 году.

СВОИМИ РУКАМИ...

При клубе Печерского района четыре отряда юных спартаковцев. Два раза в неделю они занимаются в «Царском саду» (ныне Пролетарский сад) строевой подготовкой, гимнастикой, «специальностями» (учатся ставить палатку, разжигать костер), играми в разведку. Собирались у клуба и возвращались к нему под звуки задорной песни:

Стой, буржуй.
Стой, не сийай.
Нэпман нам не страшен.
Нос не задирай!..

Пока наша организация была мала, голос вожатого был слышен на обоих флангах. Но организация росла, а Николаевская улица (ныне К. Маркса) образует колено, и уже невозможно было видеть всю шеренгу сразу. Поэтому представьте такую картину: вожатый на велосипеде в красной косоворотке стремительно проносится перед стро-

ем, выкрикивая: «Печерск, смирно!»

Помещение клуба сначала было запущенным, но юных спартаковцев это не испугало. Столы и скамьи тащили из дому. На воскресник с ведрами и тряпками явилась вся организация, да еще «сочувствующие». Постепенно на глазах у всех рождался настоящий детский клуб.

Те же спартаковские руки крепко держали цепь поперек улицы во время сборов в пользу голодающих немецких детей.

— Своих еще не накормили, чего немцам дарить-то! — ворчал иной обыватель, прорываясь сквозь детскую цепь. Но ребята, душой принявшие интернациональную пролетарскую солидарность, негодовали:

— У-у... пять копеек жалко!

...Вспоминаю такой случай. Две дочери раввина тайком вступили в наш отряд. Отец узнал об этом и выгнал девочек на улицу. Пару дней они жили в клубе и ребята их кормили. Вернуться домой девочки не хотели — ведь это значило бы расстаться со спартаковцами. Тогда активисты пригрозили отцу: если он не пустит дочерей домой и не разрешит им посещать клуб, они обратятся за подмогой... к милиционеру. Подействовало.

говорят, будто на улице дождь?

Смелости мы учились в походах с ночевкой, в первых пионерских лагерях. Несли круглосуточную вахту у знамени, а знамя водружалось в глухом месте — в полукилометре от лагеря.

А вот как учились выдержке. Однажды, когда все четыре отряда занимались в Царском саду над Днепром, на горизонте появилась грозовая туча. Я, как старший вожакий, отдал приказ: собирать отряды. Когда выходили из сада, упала первая капля дождя, и вскоре хлынул ливень.

— Лево!.. Лево!.. — не нарушая строя, шли юные спартаковцы по Крещатику. Босые (обувь тогда была далеко не у всех), промокшие до нитки, они хорошо держали шаг и пели. Жители из окон своих квартир, прохожие из подворотень и парадных удивленно смотрели на необычное шествие и улыбались...

Завернув на Николаевскую, мы организованно вошли в свой клуб. Поднявшись на подмостки, я обратился к ребятам с такими словами:

— Злые языки говорят, будто на улице дождь. Верно это?

— Нет! — раздался голоса. — Мы его не видели!

— И еще говорят — простудимся...

— Нет! — дружно откликнулись мне.

— И правильно! Что мы, неженки? Готовимся в комсомол, как же можем испугаться дождя? Слушайте! Домой идти так: двадцать шагов бегом, двадцать — шагом, поочередно. Дома все снять и растереться так, чтобы кожа горела. Ясно?

— Ясно! — грохнул зал, и по ступенькам весело зашлепали босые ноги.

яблочный день

Лагерь был разбит в лесу, у ручья в районе Старой Дарницы. Ребята все делали сами: ставили палатки, рыли погреб, устраивали очаг, покупали продукты и готовили пищу. Вечером слушали рассказы о Ленине и большевиках, о событиях в стране и за рубежом. Пели песни «Белая армия, черный барон», «Молодая гвардия», «Картошка» — шуточная и самая популярная.

Однажды поздно вечером — после трехдневного отсутствия — я приехал в лагерь и тут узнал, что у хозяйственной комиссии еще вчера кончились деньги, а в долг — кроме садовника — никто ничего не дает. Я тут же уехал обратно в Киев хлопотать о финансах. К сожалению, сразу получить деньги не удалось, и я вернулся в лагерь снова вечером.

«Каково им там, голодным!» — думал я, шагая от станции к лагерю. Смотрю, впереди мои пионеры несут на палке тяжелую корзину. «Дали им все-таки в долг, — обрадовался я. — Наверно, есть и картошка, и хлеб, и молоко, и мясо». Ребята заметили меня и весело поздоровались.

— Что у вас сегодня было на завтрак?

— Яблоки.

— А на обед?

— Яблоки.

— А что несете на ужин?!

— А вот, смотрите, в корзине.

Поднимаю крышку. Корзина полна яблок. Ну и хохотали же мы! Во всем лагере ни одного пионера с опущенным носом. Тогда еще не был известен знаменитый макаренинский лозунг: «Не пицать!» Но практически юные спартаковцы следовали ему.

Поколения советских людей прошли в рядах пионерской организации имени В. И. Ленина школу патристического воспитания, школу коллективизма, дружбы и трудолюбия. Эта пионерская традиция неизменна. О ней рассказывают журналисты «Пионерской правды» В. ГРАНДОВА и И. АФАНАСЬЕВ.

в общем туде

Экспедиционный отряд пионеров из города Коломыя Украинской ССР путешествовал в Карпатах. Однажды в узком ущелье внимание ребят привлекли темные жирные пятна на куске породы. Метр за метром обследовали они ближайшие склоны ущелья. На выступе скалы обнаружили темные подтеки. Молотком раскопав породу — из глубины ее вдруг побежала темная струйка нефти. А потом в Карпаты пришли геологи, чтобы установить запасы нефти, найденной пионерами.

5 миллионов ребят искали полезные ископаемые по заданиям ученых-геологов. 500 пионерских заявок на обнаруженные месторождения были приняты геологическими управлениями страны.

«Украшим Родину садами!» — призвала ребят пионерская организация. Осуществляя этот девиз, пионеры посадили 40 миллионов плодовых и декоративных деревьев, обсадили деревьями много тысяч километров шоссе и железных дорог, приняли участие в посадке защитных лесных полос.

В апреле 1959 года пионерский актив школ Московского железнодорожного узла обратился с призывом ко всем пионерам Советского Союза: собрать 200 000 тонн металлолома на выплавку рельсов для комсомольской стройки — железной дороги Абакан — Тайшет. Себе пионеры железнодорожных школ взяли дополнительное обязательство: собрать металлолом на железные конструкции моста через Енисей. К сентябрю лом для моста был собран. А к новому 1960 году пионеры собрали металлолом для дороги Абакан — Тайшет.

А для строительства нефтепровода «Дружба» советские пионеры вместе с ребятами тех стран, по которым проходит эта нефтяная магистраль, собрали 1 миллион тонн металлического лома.

Пионерская жизнь всегда в движении. Нынешний Всесоюзный

марш отрядов «Всегда готов!», посвященный 50-летию пионерской организации, проходит по маршрутам: «В страну Знаний», «Пионерстрой», «Мое Отечество — СССР», «Равнение на пионерское знамя», «Звездочка», «Мир и солидарность», «Зарница». Следовать по этим маршрутам — значит стать участником важных, полезных и разнообразных дел в своей дружине, поселке, городе, республике.

Юные ленинцы 70-х годов строят Дворец пионеров на Чукотке. На текущий счет № 700 008 Госбанка СССР операции «Чукотка» уже перечислено пионерами страны полтора миллиона рублей.

750 пионерских патрульных отрядов охраняют «живое серебро» рек и водоемов Белоруссии. А пионеры Хабаровска только за одну зиму спасли 899 000 мальков ценных пород промысловых рыб.

6 785 000 пионеров — участников конкурса по сбору макулатуры — собрали 47 402 тонны старой бумаги.

Операцию «Шевченковский сад» начали пионеры Украины и Казахстана. Только в Казахстане посажено 10 миллионов деревьев и кустарников, заложено 400 парков, 380 скверов, 170 садов, создано 41 пионерское лесничество. 1220 школьных ученических бригад действуют в республике.

МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Около 10 миллионов пионеров РСФСР стали участниками экспедиции «Мое Отечество — СССР».

Перед нами дневник следопытов из г. Обнинска Калужской области.

Страница первая: «...Наши отцы строили город. Кто приехал сюда первым? Лена Майстришина сказала: «Думаю, что мой папа. Он здесь был еще во время войны, сражался за эти места». Мы решили найти первых строителей и узнать, как строилась в нашем городе атомная электростанция».

Страница двенадцатая: «...Уже собрано много воспоминаний. Вчера бывшие комсомольцы-строители рассказали, что первая дорога на стройку шла по лесной тропинке, что было трудно, но все чувствовалось: строится очень важный объект. И работали, не считаясь со временем. Теперь у нас тут и промышленные корпуса, и научные лаборатории, и школы, и девятиэтажные дома. А какие улицы! Бульвар Молодости, бульвар Энтузиастов,

улица Курчатова, улица Космонавтов, улица Красных Зорь!.. И самое главное — первая в мире атомная электростанция! Только жаль, что не пришлось самим строить ее и город. Ну ничего, скорее бы вырости!..»

Маршрут «Мое Отечество — СССР» посвящается 50-летию образования СССР. Не только глазами видят, но и сердцем чувствуют ребята, как воплотились в жизнь заветы Ленина о братстве народов Советского Союза. Пионеры изучают творчество народов СССР, собирают фольклор, проводят фестивали и смотрят художественной самодельности, переписываются с детьми разных национальностей. Пионерские делегации республик ездят друг к другу в гости. Они реально познают могущество нашей огромной страны, хозяевами которой готовятся стать.

СИЛЬНЫЕ, ЛОВКИЕ, СМЕЛЫЕ!

«Твой год рождения?» — «1964». — «Место рождения?» — «Редакция газеты «Пионерская правда». — «Где ты сейчас проживаешь?» — «Везде, где ребята любят хоккей. Сегодня таких больше трех миллионов». Так можно было бы начать шуточное интервью с «Золотой шайбой».

Сегодня клуб юных хоккеистов «Золотая шайба» — один из самых массовых и популярных у ребят. Возглавляют его известные всему хоккейному миру люди — Анатолий Владимирович Тарасов, Анатолий Фирсов, Вячеслав Старшинов, Константин Локтев.

Вот рассказ Александра Алексеевича Панютина — учителя средней школы № 3 г. Салехарда:

«Зима у нас с октября по май. Что ни день — метель и мороз около пятидесяти... Однажды получили мы «Пионерку» и узнали о «Золотой шайбе». Прочитали наши мальчишки и носы повесили. Какой тут хоккей!

Прошло несколько дней, но о «Золотой шайбе» все говорили. Тогда-то у старшеклассников и родилась идея... построить крытый каток, настоящий дворец. Идея показала мне фантастической, прямо скажу. Но в конце концов нашим проектом заинтересовались. А потом началась ударная стройка. Строили крытый каток во дворе нашей школы всем городом. Однажды плакат вывесили: «Стройке нужен гвоздь! Принеси!» И нанесли, сколько нужно. Пока мальчишки вместе со взрослыми были заняты на стройке,

девочки шили ребятам куртки, защитное снаряжение.

Когда забил последний гвоздь, в городе был настоящий праздник. Десятки вездеходов подкатили к нашему «дворцу», привезли болельщиков на открытие городских соревнований на приз «Золотой шайбы»... После матча от родителей можно было услышать: «Хоккей — это здорово!» Но особенно обрадовались они, когда нашу «Молнию», ставшую чемпионом города, вызвали на всесоюзный финал».

Таких историй можно рассказать сотни. И везде в них рядом с мальчишками взрослые люди — тренеры-общественники по хоккею, футболу и другим спортивным играм. Ими становились иногда самые неожиданные люди. Мальчишкам из Канавинского района города Горького, наверное, пришлось бы расстаться с мечтой о футболе, если бы не Лидия Ивановна, оператор железной дороги и общественница 7-го домоуправления. Ее разговор с мальчишками был кратким: «Хотите быть настоящей командой?» — «Хотим, тетя Лидя». — «Тогда завтра в 6 часов вечера быть всем на площадке!» А в 7 часов вечера авторитет свежеепеченного тренера был уже непоколебим. Лидия Ивановна прекрасно разбиралась во всех ситуациях на поле. Так родилась футбольная команда имени Германа Степановича Титова — «Титовец», одна из команд многомиллионной армии «Кожаного мяча».

Шесть лет назад открылся клуб «Кожаный мяч». А сегодня он объединяет в своих рядах более четырех миллионов мальчишек. Тысячи друзей клуба, тренеров-общественников и родителей награждены Грамотами ЦК ВЛКСМ, редакции газеты «Пионерская правда».

Юбилейный год пионерии. На старты пионерских соревнований вышли миллионы ребят. На хоккейных и футбольных полях этого года будут разыграны юбилейные медали любимыми ребячьих клубов. За «Призом чемпионов мира» отправились в поход десятки тысяч команд юных шахматистов, членов клуба «Белая ладья». За переходящий приз «самого сильного человека планеты» Василия Алексеева борются миллионы пионеров в сельских школах.

О каждом из соревнований можно очень много рассказать. Это были бы не сухие отчеты о голах, очках, секундах. Это были бы увлекательные рассказы о решении главной задачи соревнований: не только приобщить ребят к спорту, но вырастить гармонически развитых людей, которым строить коммунизм и жить в нем.

Интересно, как отнесутся родители к тому, что, по данным ученых, занятые, перегруженные сверх головы старшеклассники умудряются расходовать до 4 часов в день на то, чтобы поболтать с приятелями? Обычно родители называют такое времяпровождение пустой тратой времени и, будь их воля, сократили бы его до минимума. Но ученые называют его иначе — а именно: общение — и относятся к нему гораздо более уважительно.

Потребность в общении с себе подобными — одна из основных социальных потребностей каждого человека. Предполагают, что «пик» этой потребности приходится на раннюю юность. Именно в юности больше всего занимает вопрос «какой я?». Ответить на него можно только тогда, когда почувствуешь, увидишь, поймешь, как к тебе относятся окружающие, что они в тебе одобряют, ценят, что вызывает их осуждение. Кем быть, какие жизненные позиции выбрать — это решить в одиночку невозможно: не хватает опыта, знаний. А главное — нужно соотнести свои сооб-

педагогические исследования

*Красноречивые цифры
рассказывают о том,
чего мы не слышим*

ражения с мнением людей, с которыми связан, ибо без одобрения окружающих очень трудно сделать любой выбор в любом возрасте.

Наш век еще больше увеличил потребность в таком общении старших школьников между собой. Это и понятно: раннее физическое созревание детей, или акселерация, приводит к тому, что у них раньше появляется и необходимость в социальном самоутверждении. Добиться же этого становится все труднее: нужно долго учиться, чтобы стать самостоятельным, и верзила ученик сам неловко себя чувствует, прося денег на кино, но что поделаешь. Товарищи — вот кто дает возможность в это время утвердиться в глазах других, и поэтому их мнение очень дорожат. Не случайно на вопрос: «Что, по твоему мнению, движет поступками твоих сверстников?» — 38 процентов юношей ответили — желание завоевать любовь и уважение окружающих. Еще больше оказалось тех, кто самым большим для себя несчастьем считает плохое отношение товарищей, — каждый второй.

Из наблюдений за другими людьми, из разговоров с ними старшеклассник получает определенную информацию о самом себе. Она складывается как из реальных, так и из предполагаемых им оценок его другими людьми. Так у юноши формируется определенный образ самого себя, или самооценка личности. Это очень важный показатель. Самооценка во многом определяет поведение, притязания, жизненные планы. Интересный эксперимент выявил, как зависит самооценка и оценка юноши со стороны окружающих от того, насколько успешно сложилось его общение и с товарищами, и с друзьями. (Друг, конечно, категория более высокая.) Были высчитаны средние баллы самооценки и оценки группой двух категорий старшеклассников. В первую входили юноши, у которых были и товарищи и друзья, во вторую — те, у кого были только товарищи. Первая группа довольно реально смотрит на себя, имея возможность истинной, откровенной дружеской поддержки и в такой же мере — критики (разница между самооценкой и оценкой группы сравнительно невелика — 0,18 балла). Те же, у кого нет друзей (вторая группа), которым можно полностью доверять, более склонны переоценивать себя (у них разница между самооценкой и оценкой группы — 0,33 балла, то есть почти вдвое больше, чем у первой группы). В дальнейшем такое расхождение между тем, как оценивает человек себя

ПУСТОЕ ЛИ ЭТО ВРЕМЯ?

сам, и тем, как он выглядит в глазах окружающих, может обернуться для него сложностями на работе, в семейной жизни. Но это еще не все. Те, у кого есть друзья, и самооценку имеют более высокую (причем реальную!), чем те, у кого их нет, и окружающие их оценивают выше. И не случайно. Очевидно, общение с друзьями дает старшеклассникам особый опыт взаимоотношений с людьми, который сказывается и в дальнейшем. Они более дружелюбно относятся к окружающим, склонны искать доверительных контактов с ними.

Значит, не так уж бесполезно время, проведенное среди товарищей. Однако, признавая это, воспитатель не может остаться в стороне, решаящим всегда будет интерес родителей к тому, что именно получают сыновья и дочери от встреч и бесед со своими товарищами. Мы только хотим заметить, что желание изолировать молодого человека от сверстников из-за боязни, как бы он «не набрался» от них дурного, может обернуться для юношей вялостью и неуверенностью в себе или, наоборот, зазнайством, высокомерием. И то и другое помешает их сближению с людьми, затруднит понимание коллег по работе и своих будущих домашних.

Да и сами старшие дети стремятся как можно чаще выходить из-под надзора взрослых, особенно из-под родительского как наиболее пристального. Поэтому старшеклассники так любят туристские походы, поездки. Не удивительно, что более 51 процента старшеклассников созналось в том, что разлука с семьей помогла им почувствовать и утвердить свою взрослость.

Да и в обычной обстановке юноши ценят независимость. Только 17,8 процента учащихся считают целесообразным и полезным проводить свободное время в основном в школе, тогда как 44,7 процента тяготеют к улице. Как ни пугающе звучит подобное утверждение, но это «стремление на улицу» естественно. Ведь иначе юноши лишились бы того знания реального мира людей, вещей и отношений, в котором они живут и в котором им предстоит действовать после окончания школы.

Медленно, но идет процесс сближения юношей-старшеклассников с другими социальными группами молодежи. Восемь лет назад, в 1963 году, с молодыми рабочими, учащимися ПТУ, техникумов общалось 10—11 процентов старшеклассников. Сегодня их число выросло до 30 процентов. Это нетрудно объяснить. Нынешние молодые рабочие, учащиеся ПТУ в подавляю-

щем большинстве имеют за плечами ту же восьмилетку, что и старшеклассники, а то и полное среднее образование.

Здесь как бы идет обмен нормами, ценностями, эталонами поведения. С одной стороны, это обогащает социальный опыт ребят, с другой, конечно, привносит в него и псевдоценности. Но это только подчеркивает важность моральной закладки подрастающего человека, о которой обязана заботиться семья.

Итак, почти каждый вечер, пусть хоть недолго, юноши проводят в компании товарищей и друзей. Чем же они заняты? Вот их собственный рассказ о вечерней прогулке.

«Мы говорим. Говорим на самые различные темы, порой бросая на полуслове одну и начиная обсуждать другую, которая неожиданно всплыла в разговоре. О чем мы говорим? В первую очередь, обычно подробно обсуждаем последние хоккейные или футбольные матчи. Детально анализируем действия любимых игроков. Но спорт привлекает нас не только как зрелище. И вот уже идет спор о достоинствах того или иного вида спорта, о по-

становке его в школе, о спортивных успехах нас самих. Порой разговор касается и того, как развить музыкалы — тут у каждого свои методы. Постепенно разговор о спорте затухает, и страсти вновь накаляются, когда речь заходит о музыкальных записях, которые мы недавно прослушали. О преимуществах ансамбля «Битлов» перед «Роллингами». Тут же возникает большой вопрос: где достать магнитофонную пленку, лучше бы ТИП-2, целая кассета которой есть у Витки из десятого класса?..

Кстати, о Витке... И разговор переходит на обсуждение сверстников, взаимоотношений в классе, на школьные дела, новости, курьезы. При этом, конечно, не остаются без внимания и учителя».

«Самое плодотворное и естественное упражнение нашего ума — по моему, беседа», — писал Мишель Монтень. Безусловно, беседы бывают различными, и упражняют они ум тоже по-разному. Это во многом зависит от кругозора и интересов собеседников.

Интенсивный рост информации приводит к тому, что особый интерес ребят вызывают проблемы международных отношений, войны и мира, перспективы развития человечества и т. д. Ни один из опрошенных старшеклассников не сказал, что эти проблемы никогда не обсуждает с товарищами. И это очень важно. В то же время для 16 процентов — это тема регулярных общих бесед.

Пристальный интерес к жизни, стремление разбираться в самом себе очень часто порождает разговоры о человеческих взаимоотношениях в самых разных аспектах. Работа взрослых, их отношения в семье, область их интересов, умение отдыхать — все подлежит разбору на этих несложных нами сборах. 20 процентов опрошенных «всегда» обсуждают эти проблемы с товарищами. 21 процент — «довольно часто» и только 5,6 процента — «никогда».

Степень откровенности в таких беседах разная. Особенно это заметно, когда затрагиваются взаимоотношения между полами, а это бывает довольно часто: 40 процентов обсуждают их регулярно и только 20 процентов — довольно редко. С теми, кто им не так уж близок, юноши могут и прихвастнуть, изображая, что знают больше других, и побоятся обнаружить свою «сентиментальность», но перед друзьями они не рисуются, остаются сами собой, и можно с трудом поверить, что так светло и трепетно может говорить о своей однокласснице вчерашний циник.

Старшеклассников сильно занимают школьные дела (19 процентов опрошенных указывают, что они фигурируют в их разговорах «всегда» и только 4,7 процента — что «никогда»). Это и разговоры об уроках, о занятиях, об обучении, о знаниях. Это обсуждение общественной жизни школы. Это, наконец, и суждения об учителях, в которых юноши проявляют порой очень зрелое понимание мотивов и поступков людей.

Вопросы собственного будущего — среди важнейших, это признали 44 процента юношей. Рассуждают об этом и в личностном, и в социальном аспекте: о трудностях поступления в вуз вообще, о возможностях работы на предприятии, о службе в армии.

Очень большое место занимают разговоры о спорте (44 процента ответов — «всегда»). По значимости в бюджете общения с ними может соперничать лишь обсуждение прочитанного в журналах и книгах, увиденного в кино и по телевизору (92 процента указывают на регулярный обмен такими мнениями).

В темах, которые обсуждаются только в определенных группах юношей, видны серьезные жизненные интересы. Занимающиеся в научных кружках и обществах во внешкольных учреждениях и особенно при вузах, говорят между собой не только о новостях науки и техники, но и о научном творчестве как таковом. И если в «общих» разговорах еще много детского и суждения могут вызвать улыбку, то эти специальные разговоры поражают своей глубиной, споры доказывают эрудированность собеседников, умение мыслить и отстаивать свою точку зрения. К сожалению, в семьях такие разговоры слышат редко — взрослых или стесняются или... просто считают не сильными в этой области.

Исследования показали, что общение со сверстниками влияет и на накопление знаний, и на формирование жизненных планов, и на стремление иметь те или иные вещи, и на умение отдыхать.

Из того, что сказано, может создаться впечатление, что любое знакомство — на пользу. Это не так. Вернее, это может быть так, если ко времени вступления в пору социального созревания вы уже снабдили своего сына верным ориентиром в жизни, стойкими правилами поведения, внутренним неприятием дурного. Тогда он сможет брать не то, что ему дают, а то, что нравится, и отказаться от противных его натуре приобретений.

А. МУДРИК,
кандидат педагогических наук

наши права, наши обязанности

Отдел ведет
член коллегии
Министерства
внутренних дел
СССР,
доктор юридических наук,
профессор
И. И. КАРПЕЦ

воспитание и надзор

Н. ВЕТРОВ,
начальник отдела
Министерства
внутренних дел
СССР

Поезд подходил к Ростову-на-Дону. В нашем купе шел обычный разговор случайных попутчиков. Вдруг дверь отодвинулась и в просвете появилась голова мальчугана.

— Дяденьки, можно у вас спрятаться?

— Что случилось?

— Ревизоры с двух сторон идут...

Заметив в наших глазах сочувствие, мальчишка быстро закрыл за собой дверь. Так мы познакомились с юным «путешественником» Сережей Ярцевым. Путь его лежал в Сочи. «Не был еще в нем, — объяснял он. — Говорят, тепло там круглый год. Прожить, значит, можно...» Мы стали расспрашивать Сережу о его жизни. Рассказ пестрел названиями городов, где он побывал, и учреждений, где после очередного задержания пребывал в ожидании отправки домой. Но именно дома — в смысле семьи, домашнего очага со всем их теплом и любовью — у него как раз и не было.

Был лишь почтовый адрес...

В Ростове Сережу пришлось вновь сдать в милицию, но попросить не отправлять к родителям, а устроить в профтехучилище.

Таких беглецов немало среди ребят. Кто бежит из дому? Основную часть составляют ребята от 10 до 16 лет. Изучение показало: более чем у половины подростков причиной явились ссоры с родителями, обиды на старших за нанесенные оскорбления и побои. Около четверти подростков увлекла романтика путешествий, желание посмотреть Москву, Ленинград, Черное море. 15 процентов — те, кто бежал из-за слабой успеваемости.

И все же это не прямые причины. Ведь не каждый подросток, вступив в конфликт с родителями, получив в школе двойку или отдавшись романтическим мечтам, обязательно бежит из дому. Во всех подобных случаях есть еще одна общая причина — безнадзорность,

Что такое безнадзорность? Тут, как говорится, надо «глядеть в корень». А корень слова — надзор. Попробуем же разобраться, что есть надзор и как он относится к воспитанию.

Явления эти разные, хотя они и тесно связаны. Воспитание всегда активно, но его не следует превращать в назойливую опеку. Дети нуждаются в самостоятельности, и воспитатель обязан предоставить для нее достаточно широкие возможности. При этом он не отрывается от детской жизни, а внимательно и заинтересованно следит за ней, вмешиваясь лишь тогда, когда того требует дело. Вот что такое педагогический надзор.

Малыши прямо нуждаются в нем — ведь они еще слишком беззащитны перед опасностями, которые таятся для них в окружающем мире. Подростку эти опасности не страшны, но его подстерегают другие, более сложные. И надзор здесь требуется более тонкий и гибкий. Отсутствие его вдвойне рискованно. Не следя за жизнью подростка, взрослый лишает себя возможности своевременно помочь ему в трудную минуту, в сложной обстановке. В свою очередь подросток, не ощущая за собой контроля со стороны взрослых, впадает в иллюзию «ложной свободы», он не испытывает необходимости отвечать перед кем-то за свои действия и поступки. Его поведение при этом неизбежно становится игрой чужих влияний и собственных случайных влечений. Поэтому, в частности, и уход из дому представляется ему наиболее простым и легким способом разрешения жизненных трудностей.

Подросток тем легче покидает свой дом, семью, чем меньше душевных уз связывает его с родителями. Иногда он переселяется к какому-нибудь из родственников (бабушке, тете) или переходит на бродячий образ жизни, ночуя на чердаках, в подъездах, у товарищей, случайных знакомых. Бродяжничество среди некоторой части детей и подростков — наиболее зримое проявление детской безнадзорности.

Безнадзорность с ее «вольной жизнью» не только нарушает нормальный режим жизни ребят, отрывает их от школы, но и отдаляет во власть уличной стихии, толкает на путь попрошайничества, воровства. Исследования показывают: 90 процентов правонарушений, совершаемых подростками, — следствие их безнадзорности, отсутствия надлежащего контроля со стороны родителей и заменяющих их лиц.

Опасности, порождаемые безнадзорностью, требуют решительной

борьбы с этим злом. И прежде всего надо поднять ответственность взрослых за поведение детей.

Здесь снова приходится вернуться к взаимоотношению воспитания и надзора.

Некоторые родители оправдываются тем, что они, мол, не специалисты-педагоги, воспитывать не умеют и потому не могут отвечать за учение и поведение своих детей. Но подобные рассуждения неосновательны. Ведь не будет же отец или мать оправдывать болезненное состояние своего ребенка тем, что они сами, мол, не врачи и, как его лечить, не знают. Ответственность взрослого проявляется в другом: он вовремя обращается за помощью в больницу, к врачу, строго соблюдает предписанный ребенку режим и курс его лечения. Так же обстоит дело и в воспитании. Закон возлагает на родителей ответственность за воспитание детей — независимо от того, умеют или не умеют они воспитывать. Чувство ответственности и побуждает отца и мать (если даже они не умеют воспитывать) своевременно обращаться за советом к опытным педагогам, точно следовать указаниям школы, читать педагогическую литературу. Это чувство заставляет родителей быть ближе к своим детям, интересоваться их жизнью, решительно предотвращать возможные с их стороны опасные действия.

Идея родительской ответственности за воспитание детей красной нитью проходит через многие статьи советского законодательства. Так, статья 18 Основ законодательства о браке и семье обязывает родителей «воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно полезной деятельности». Как видим, согласно закону, воспитание не может рассматриваться родителями как дело, которым они вправе заниматься (или не заниматься) по собственному усмотрению. Это их общественная и государственная обязанность, за нее они лично отвечают перед законом.

У нас в стране действует ряд законоположений и постановлений, возлагающих на детей и подростков определенные обязанности. Так, всеобщее обязательное восьмилетнее обучение обязывает их посещать школу до восьмого класса включительно. Или, например, решениями исполкомов местных Советов депутатов трудящихся установлены правила поведения детей и подростков в общественных местах. Но первоочередную ответственность за выполнение этих обязанностей и пра-

вил несут родители и заменяющие их лица. За нарушение закона о восьмилетнем всеобщем к ним могут применяться меры общественного воздействия: обсуждение на товарищеском суде, на собрании коллектива, на родительском комитете школы. Комиссия по делам несовершеннолетних вправе подвергать родителей в случае злостного невыполнения обязанностей по воспитанию, а также в связи с безнадзорным образом жизни детей и совершенными ими правонарушениями штраф до 30 рублей. Родители штрафуются и за нарушение детьми и подростками правил поведения в общественных местах. С них взыскивается стоимость содержания и питания несовершеннолетних детей за время нахождения последних под стражей за мелкое хулиганство (если у тех нет самостоятельного заработка). Родители могут быть привлечены и к материальной ответственности за последствия хулиганских действий своих детей.

Бывает, в доме хранятся предметы, неумелое обращение с которыми может привести к тяжким последствиям, скажем, когда дети балуются с ружьем или пистолетом, принадлежащим старшим. В этом случае родители привлекаются к уголовной ответственности за небрежное хранение огнестрельного оружия. Такая же ответственность предусмотрена за нарушение правил хранения взрывчатых и радиоактивных веществ, за своевольное ведение подростками радиопередач.

Дело, конечно, не в самих по себе правовых санкциях. Главное — они постоянно напоминают родителям об их ответственности за воспитание и поведение детей.

Конечно, сравнительно редко родительский надзор совершенно отсутствует. Гораздо чаще сталкиваясь с его ослаблением в той или иной форме.

Родители нередко ссылаются на то, что они заняты на работе. Конечно, сбрасывать это со счетов нельзя. Но ведь работают все, и тем не менее в большинстве семей умеют — и, может быть, именно благодаря строгому трудовому распорядку — строить свои отношения с детьми так, чтобы родительские требования уважались и соблюдались. Гораздо чаще пресловутая занятость выступает в качестве оправдания там, где дети рассматриваются как помеха жизни взрослых.

Недавно, находясь в командировке в городе Октябрьском (Башкирская АССР), я обратил внимание на то, что вечером в городском парке очень много детей и подростков. В один из субботних вечеров со-

трудники милиции вместе с оперативным комсомольским отрядом провели здесь рейд и доставили всех задержанных ребят в детскую комнату милиции. Стали разбираться, поехали по домам. Оказалось, большинство родителей — дома; они смотрели телепередачи, принимали гостей, были заняты личными делами. Ни один не мог сказать, где их дети, чем они занимаются в такой поздний час. Между тем больше половины правонарушений совершается подростками после 22 часов, то есть когда родители, как правило, находятся дома. Тут уже не оправдаешься «занятостью на работе».

Чем старше дети, тем шире круг их занятий, связей, знакомств, и это явление вполне естественное. Но оно не означает, что педагогический надзор уже невозможен. Зная интересы своего сына (дочери), постоянные места его занятий и досуга, поддерживая контакт с его учителями, товарищами и их семьями, родители всегда будут в курсе его жизни. Этому поможет и атмосфера дружбы, доверия в собственной семье, общая привычка к порядку и режиму, привитая с детских лет. Так или иначе отцы и матери не должны забывать предупреждения, сделанного А. С. Макаренко: «...о каком можно говорить воспитании, если сын или дочь встают и ложатся, когда вздумается или когда придется, если по вечерам они «гуляют» неизвестно где, или почуют «у подружки» или «у товарища», адрес которых и семейная обстановка просто неизвестны...»

С самого раннего возраста дети должны быть приучены к точному времени и точным границам поведения...»

Школа со своей стороны обязана помогать семье в организации надзора. Ни один случай пропуска урока не должен оставаться без выяснения причины. Школа обязана учить родителей основам педагогического надзора, разъяснять, что правильный надзор не имеет ничего общего с грубым запретом, с подозрительностью. Наоборот, нужно искреннее доверие к разуму подростков, к их самостоятельности. Это воспринимается самими детьми как живой интерес родителей к их жизни, как готовность помочь им словом и делом, как справедливую требовательность взрослого, которую ребенок сам принимает как естественное и должное. В конечном счете, такой надзор воспитывает в подрастающем человеке чувство самоконтроля — необходимое качество зрелой, самостоятельной личности.

семь рублей мелочью

Вечером Кореньковым позвонили из милиции. Трубку сняла Анна Евгеньевна, маленькая, сухонькая старушка, только что пришедшая с улицы — она прогуливала свою болонку. Анна Евгеньевна заглянула на кухню, где у открытой форточки курил Филипп Гаврилович, и сказала:

— Кого-нибудь из Кореньковых просят.

Филипп Гаврилович подошел к телефону.

— Павел Кореньков — это ваш сын? — спросили его из милиции.

— Что значит ваш? — насторожился Филипп Гаврилович. — Разумеется, наш... В чем, собственно, дело?

— Дело небольшое, ограбление павильона. Приходите в отделение, на месте узнаете.

— Вы со мной не шутите, слышите! — закричал в трубку Филипп Гаврилович.

— А я с вами не шучу, я нахожусь на работе, — жестко отчеканил говоривший.

Филипп Гаврилович положил трубку и сел на скрипучий, расшатанный стул у телефонного столика.

Кореньковы появились в этой квартире недавно — они вселились в две освободившиеся комнаты. Ранса Степановна быстро сошлась со всеми. Бывало, на кухне, гремя под крапом тарелками, она частенько жаловалась на сына.

— И что за парень растет?! Все напоминать надо — сделай то, сделай это. А сам — никак. Говорит — забывает.

Вечером появлялся отец Павлуша — Филипп Гаврилович, высокий, грузный мужчина с рыжеватыми насупленными бровями и прямым, как негнувшийся стержень, взглядом. Когда мы с ним говорили о чем-нибудь, сталкиваясь в коридоре у телефона или на кухне, мне все-

гда казалось, что он глядит на меня и не видит.

Филипп Гаврилович шумно раздевался, шурша плащом и сморкаясь, и отдавал распоряжения:

— Рая, чайку! Павел — полотенце!

Шел в ванную комнату, плескался, выходил взлохмаченный, розовый, спрашивал сына:

— Уроки выучил? Все? Не все? Почему не все?

И упирался в него взглядом, громы металлом в голосе:

— Что значит не успел? А ну марш за уроки!

Иногда Павлуша заходил ко мне. Непременно что-нибудь задевал, обо что-то стучался и, почесывая ушибленное место, протягивал листок с новым стихотворением. Стихи были такими же неуклюжими, как и он сам. Он писал их для школьной стенгазеты к праздникам.

Как-то я его увидел во дворе.

Мальчишки гоняли мяч, толкались, кричали, били по воротам, обозначенным сваленными в две кучи портфелями. А он стоял в стороне, взглядом следил за мячом, крепко сжав пухлые губы.

Мяч, пролетев над его головой, укатился в дальний угол двора. Кто-то из мальчишек кричал ему:

— Эй ты, Луша, чего смотришь?! Принеси мяч.

Павлуша нерешительно переступил с ноги на ногу, не зная, обижаться ли ему на то, что возникшее прозвище или радоваться поводу войти в игру. Наконец кинулся за мячом, поднял его и чуть подбросил, чтобы на лету ударить свечой в небо... И промахнулся, ударив ногой по воздуху.

— Целься лучше, Луша! — засмеялся мальчишка.

Павлуша покраснел до слез, сердито пнул ногой покотившийся мяч и пошел к своему подъезду.

Потом я не раз видел, как он бегал за мячом в дальние углы двора. Но в игре не участвовал. Все так же стоял в стороне.

А однажды я наткнулся в нашем подъезде на группу ребят. Они выворачивали карманы, звеня мелочью. Был среди них и Павлуша. Он догнал меня у дверей квартиры и, краснея, попросил взаймы до вечера пятьдесят копеек.

— Ребята на новый мяч собирают, — торопливым шепотом объяснил он. — Спасибо!

Вечером Раиса Степановна заявила на кухне:

— Вы подумайте, у мальчика денежные дела! Складчина будто бы на мяч. А на мяч ли? Ведь сейчас, глядишь, сопливки, а уж выпивают.

О денежном деле было немедленно доложено отцу. Филипп Гаврилович, повесив плащ и закинув на полку шляпу, посмотрел на сына долгим взглядом.

— На мяч, говоришь? А если не на мяч? Ну? Лучше сразу признайся. Чего молчишь?

Павлуша стоял с полотенцем в руках, опустив голову.

Ему стыдно было признаться, что если бы мальчишки собирали деньги и «не на мяч», он бы все равно внес свой пай. Обманул бы, но внес. Он бы выполнил любую просьбу мальчишек, чтобы только не стоять в стороне, когда они играют, чтобы ходить вместе с ними, чуть сдвинув назад кепку, слушать их разговоры и самому разговаривать и вообще быть как все.

...Потом оказалось — мальчишки действительно купили новый мяч.

Раиса Степановна взволнованно ходила по коридору. Филипп Гаврилович курил на кухне, роняя пепел на пол. Ждали Павлушу.

Раиса Степановна порывалась звонить куда-то, но Филипп Гаврилович осаживал ее:

— Подождем до двенадцати.

И смотрел на часы. Шел двенадцатый час.

Наконец стукнула дверь. В коридоре послышался торопливо-приглушенный голос Павлуши.

— Я, мам, с ребятами... Мы заговорились... В третьем подъезде сидели...

Его перебил неторопливый голос отца, вышедшего из кухни.

— В подъезде? На троих соображали? Или еще что, а?

— Мы про хоккей говорили, — оправдывался сын.

— Про хоккей, говоришь? А кто тебе разрешил про хоккей говорить

до двенадцати ночи? Кто? А ну марш в комнату!

Из-за их двери еще долго были слышны голоса.

На следующий день на кухне Раиса Степановна, удивляясь, всплескивала руками.

— Вы подумайте, до чего дошло! Такой послушный был, а вчера стал огрызаться. Что улица с детьми делает!

— Может быть, — осторожно осведомилась Анна Евгеньевна, — Филипп Гаврилович его незаслуженно обидел?

— Да что вы говорите такое! — возмутилась Раиса Степановна. — Он же в двенадцатом часу пришел! Ну, конечно, отец погорячился, ну стукнул его... Так на то он и отец. Надо же его проучить, чтоб не повторялось!

Несколько дней Павлуши не было видно совсем. В коридоре он появлялся и исчезал, как тень.

Но примерно через неделю тетя Вера по дороге в булочную увидела его в скверике с какими-то, не из нашего двора, ребятами.

Он сидел с ними на скамейке, бросив портфель на тротуар, держал в руке сигарету и, затягиваясь, надсадно кашлял.

Ребята хлопали его по спине, громко смеялись и советовали:

— Ты сильнее, сильнее! Не бойся!

Об увиденном тетя Вера рассказала Раисе Степановне.

Вечером за дверью Кореньковых опять были слышны голоса... И какое-то клохотанье, очень похожее на плач.

— Нет, ну вы подумайте только!

Раиса Степановна возводила руки вверх и, сдвинув их, бессильно опускала. Она то садилась у стола на табуретку, то ходила по кухне.

— Вдруг ни с того ни с сего нагрубил учительнице! И это — мой сын!

Час назад к Кореньковым приходила Алла Васильевна. Это ей нагрубил Павлуша.

На кухне были все. Филипп Гаврилович сидел у окна, угрюмо курил.

— И мы же еще оказались виноватыми! — восклицала Раиса Степановна. — Мы к нему невнимательны... Мы с ним не считаемся... Да разве мы его учили грубить и врать? Ведь вы подумайте, он врать стал!

— Ох-о-хо! — шумно вздохнула тетя Вера. — Держите-ка вы его подальше от этих шалопаев. Они до добра не доведут.

— Всю жизнь при себе не удержишь, — заметила Анна Евгеньевна.

— Всю не всю, — хрипло кашлянув, отозвался Филипп Гаврилович, — а держать в узде надо. Пусть сначала на ноги станет, а потом и живет своим умом. А то заумничались совсем. Пальцем его, видите ли, не тронь, оскорбляется. И учителя туда же, заладили: уважать, уважать... Вот поживет он с мое, тогда и уважать.

— Да ведь дорога-то ложка к обеду, — опять заметила Анна Евгеньевна.

В дверь негромко стукнули. В щель просунулась белесая голова Павлуши.

— Можно у вас посидеть?

Уже с месяц примерно его нигде не пускали. Иногда, правда, мама брала его с собой в магазин, он помогал ей нести продуктовую сумку. А все остальное время слонялся по коридору под мерный стрекот швейной машинки, стучавшей за дверью Анны Евгеньевны, дразнил ес болонку да изредка звонил кому-то, тихо спрашивая:

— Можно Петю к телефону? А когда он будет? Спасибо...

Вот он подошел к книжному шкафу, скользнул по нему скучным взглядом, вздохнул. Я спросил, не написал ли он нового стихотворения, Павлуша пожал плечами.

— Зачем? Чтоб ребята насмехались? Все равно газету никто не читает.

Вдруг спросил:

— А вы «Записки Серого волка» читали? Петька говорит, мировая книжка! Обещал дать.

И понизив голос, торопливо заговорил:

— Он парень мировой, хоть и курит, честное слово! А дружок у него есть Мишка Дюк, то есть Родюков по фамилии... Приемы самбо знает! Он в жэке слесарем работает.

Петька, оказывается, жил в соседнем доме, и они вместе ходили в школу. Но, рассказывая о Петьке, Павлуша все чаще вспоминал Мишку Дюка. Дюк сказал, Дюк посоветовал, у Дюка мировецкие магнитофонные записи.

— Ты у него дома был?

— Не-е... У него маг портативный, Дюк его везде с собой носит.

— Где ж ты его видишь?

— Да когда где. Из школы идем, а он в сквере на лавочке сидит. К Петьке заходим, если родителей нет. Дюк веселый. Он меня, знаете, как зовет? Корешок. Ну то есть дружок.

Павлуша заулыбался. Ему, видно, было лестным такое обращение.

— А смелый он! Дядьку одного на улице раз обругал — не побоялся!

— Это, Павел, не смелость, а обычное хамство.

Павлуша пожал плечами и ничего не сказал.

Ему нравилась демонстративная грубость Мишки Дюка.

Ему в этой грубости виделась та желанная независимость, которая была для него синонимом взрослости и самостоятельности.

— Может, думаете, он дурак какой-нибудь, да?! — вдруг снова заговорил о Дюке Павлуша. — Он у одного профессора в квартире краничил и запросто с ним разговаривал, ну, про наследственность, про этих, как их, гены что ли... Профессор потом ему даже сказал... Вы, говорит, молодой человек, далеко пойдете...

— Можно подумать, ты сам слышал, как профессор с Дюком разговаривал.

Павлуша насутился, оттопырив пухлые губы.

— Не верите? Да он все-все знает, про что ни спросишь!

— Ну, например, про что ты его спрашивал?

— Да про разное... Про артистов... Про джаз... Про жизнь вообще.

— А с отцом ты про жизнь вообще говорил когда-нибудь?

У Павлуши вдруг задрожали губы. Он отвернулся к книжному шкафу и, водя пальцем по стеклу, пробубнил:

— С ним разве поговоришь? Он чуть что: «Не твоего ума дело!» Только уроки заставляет учить и сидит, газеты свои читает.

Как-то Райса Степановна сказала:

— Ну вот, и товарища себе нашел... Сегодня подхожу к телефону, опять Павлушу Петя спрашивает. Хороший, видно, мальчик. Вежливый такой.

Павлуша регулярно ходил в школу. По вечерам бывал дома. Не просился на улицу. По-прежнему покорно откликался на мамин голос: «Да, мама. Хорошо, мама».

Только появился у него новый жест. Он теперь не пожимал плечами, а нетерпеливо дергал одним плечом, отводя глаза в сторону. И чувствовалась в нем какая-то настороженность, будто он все время ждал чего-то и готов был дать отпор.

Он стал зачитываться приключенческо-детективными книжками.

— Давно бы так, — ворчливо заметил по этому поводу на кухне Филипп Гаврилович, стоя с папиросой у открытой форточки. — Все

лучше, чем по двору без толку шататься.

Родители Павлуши успокоились.

Однажды, пересекая сквер, я увидел группу ребят. Они медленно шли, занимая весь тротуар, шумно разговаривали. Был там и Павлуша, почему-то без кепки, неузнаваемо растрепанный и возбужденный. Он неуклюже размахивал рукой, рассказывал о чем-то, громко повторял: «Чисто сработано!» В центре группы шел невысокий, даже чуть пониже мальчишек, парень в распахнутой кожаной куртке, с черной до плеч шевелюрой и удлинненными висками, остроносый, с насмешливым, настороженно-быстрым взглядом. Видимо, это и был Мишка Дюк.

Группа шла плотной стеной, прохожие, шедшие впереди меня, сходили с тротуара, чтобы обойти их.

Павлуша заметил меня, когда мы были уже в двух шагах друг от друга. Он осекся, порозовел от смущения, буркнул чуть слышно: «Здравствуйте» — и посторонился...

А вечером он зашел ко мне аккуратно причесанный, тихий и вдруг сообщил:

— Мишка Дюк с работы уволился. Начальник жэка его притеснять стал. Бюрократ еще тот! Ну, Мишка не пропадет. Мишка где хочешь устроится.

Потом случился этот телефонный звонок.

...В детской комнате милиции мне показали дело, заведенное на семиклассников Петра Зотина и Павла Коренькова. Там были подшиты и протоколы допросов.

В протоколе, подписанном Кореньковым, говорилось: «17 октября сего года в 19 часов я пошел к Петру Зотину домой за книжкой. Там встретил Михаила Родюкова, по прозвищу Дюк. Он сказал, что у него день рождения и предложил отметить. Родителей Зотина не было дома, потому что они работали во вторую смену. Мы выпили бутылку красного вина. Родюков попросил нас сходить в павильон «Воды — соки» и принести еще. Шел уже девятый час, и Петр Зотин сказал, что павильон закрыт. Родюков сказал: «А вы откройте». И дал нам эту железку. Я не хотел идти. Тогда Родюков сказал: «Трус ты». И я пошел».

Они пошли, а Родюков остался. Они взломали дверь павильона, взяли из кассы семь рублей мелочью, насыпали в ящик конфет и положили сверху две бутылки водки. Обратно шли дворами и несли прикрытый бумагой ящик в подвал того дома, в котором жил Мишка Дюк —

так он велел. Мелочь в их карманах звенела и брякала на каждом шагу.

В одном дворе у подъезда стояли женщины, разговаривали. Одна из них, увидев мальчишек, заинтересовалась:

— Что это вы, ребята, несете?

— Металлолом! — бодро откликнулся Петр Зотин, а Павел Кореньков вдруг споткнулся о горбинку тротуара и, потеряв равновесие, упал. Из ящика посыпались конфеты, покатались к ногам женщин бутылки с водкой.

— Бежим! — крикнул Зотин. Они побежали. Но женщины стали кричать им вслед: «Ловите их!» — и их, уже, правда, на улице, схватили прохожие.

Через час Кореньковым позвонили из милиции.

...Михаил Родюков на допросе, артистически закинув голову и чуть прищурившись, заявил, что видит Коренькова и Зотина в первый раз.

— Они, однако, утверждают, что давно знакомы с вами.

— Они меня с кем-то спутали, — невозмутимо ответил Родюков.

— Действительно они вас по наивности приняли не за того, кто вы есть, — сказал следователь, ведший его дело.

...На заседании комиссии по делам несовершеннолетних решался вопрос: отправлять или не отправлять в колонию Коренькова и Зотина.

Мать Павлуши, Райса Степановна, очень волнуясь и без конца промокая платком уголки глаз, сказала, что они начали хлопотать об обмене жилплощади.

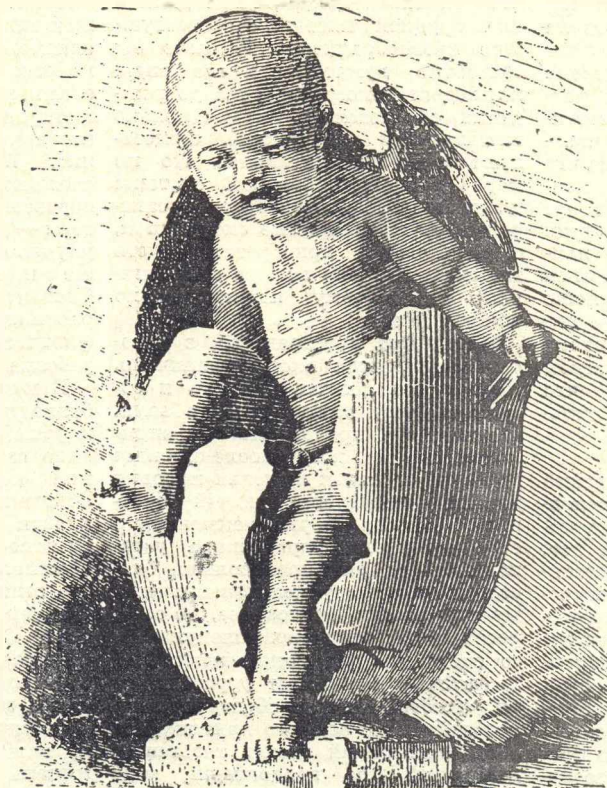
— Мы переедем в другой район, — говорила она, — мы сделаем все, чтобы оторвать его от улицы...

— Ну а если там, куда вы переедете, тоже будет своя улица? — спросила пожилая учительница-пенсионерка. — Не будете же вы сына все время взаперти держать?

Райса Степановна молча мjala в кулаке платок...

И. ГАМАЮНОВ

ЖИЗНЬ до рождения

А. ФОНАРЕВ,
доктор биологических наук

Завершив, наконец, работу над статьей, я снова возвращаюсь к началу, испытывая настоящую потребность сделать читателю несколько чистосердечных признаний. Существует мнение, что автор популярной статьи должен как-то представлять себе читателя, время которого он намерен занять. По-видимому, это осуществимо в отношении любой категории читателей — кроме родителей. Эта категория бесконечно разнообразна, она включает людей самого разного образования, профессий и интересов, и единственным объединяющим признаком яв-

ляется наличие детей. Впрочем, надо полагать, есть и еще один признак, общий для подавляющего большинства людей «родительского сословия» — это забота о детях, стремление понять их. А если так, то есть надежда, что почти каждый родитель сможет найти на этих страницах что-нибудь, соответствующее своим интересам и потребностям. Далее. Мне так и не удалось преодолеть многих специальных терминов латинского происхождения (этих живучих слов мертвого языка), за которыми подчас укрываются весьма гипотетические те-

ории. Раскрывая содержание подобных терминов, я, возможно, переусердствовал в популяризации идей, главная ценность которых заключена в способности вызывать на себя огонь критики. В любом случае эти идеи не принесут вреда.

В равной мере я стремился избегать универсальных педагогических рецептов, но боюсь, что мне, как и многим, не удалось преодолеть искушения. Наконец, я пытался рассказать о той совершенно поразительной науке, которой овладели живые существа в процессе эволюции. Но при этом я вспомнил, как

еще в детские годы мне вдруг захотелось зрительно оценить бесконечность пространства и как, запрокинув голову, я тревожно вглядывался в звездное небо, а взгляд мой терялся где-то, не находя предела и оставляя в душе чувство тревоги и беспомощности... Нечто подобное испытал я и теперь, стремясь рассказать родителям о том, как начинается формирование нового человеческого существа, и понимая, что эта тема необъятна, как бесконечность. Много сотен миллионов лет потребовалось природе, чтобы среди миров Вселенной возмечить планету Земля, населив ее живыми существами, в среде которых homo sapiens — человек разумный — еще с доисторических времен по праву владеет царственным скипетром властелина. Так случилось, что «голый лягушонок» оказался сильнее грозного Шерхана.

*

Всего за 50 дней человеческий зародыш успевает пройти те основные этапы, на которые природа потратила более полумиллиарда лет. За этот период из одной единственной клетки образуется человеческий организм с такими сложнейшими органами, как мозг, печень, почки, скелет... Никакой электронный микроскоп не в состоянии обнаружить в исходной клетке даже подобия этих органов — их нет там и в помине. Существует только проект будущего организма, скорее даже — только его эскиз, нанесенный резцом эволюции на молекулах нуклеиновых кислот.

Спустя всего 20 дней после начала этого удивительного самосозидания в глубине крохотного зародыша, около четырех миллиметров, начинается мерцать красная точка. Отныне в организме женщины будут биться сразу два сердца. В чреве матери плод обеспечивается всем необходимым для своего роста: строительным материалом, питанием, кислородом, а также защитой от многих болезнетворных микробов.

Многие полагают, что создание такого суперкомфортного, тепличного изобилия и составляет единственный смысл внутриутробного периода развития ребенка. Может показаться, что все эти 280 дней ребенок находится в жестком плену своей наследственной программы и слепо повинаясь ей, «созревает» в преддверии грядущей жизни. «Его рот закрыт, его пупок открыт», — лаконично определяли древние эскулапы. Метко, но не совсем точно. Плод периодически заглатывает окружающую его жидкость и тем самым исподволь готовит пищеварительный аппарат к выполнению

своих далеко не простых функций. Известно также, что задолго до рождения ребенок способен производить многообразные движения конечностями, дыхательные движения грудной клетки, способствующие кровообращению. И было бы ошибочно думать, что все виды жизнедеятельности ребенка до рождения обусловлены исключительно генетической программой. Существуют основания полагать, что по мере созревания нервной системы плод способен целесообразно реагировать на те или иные ситуации и, следовательно, приобретать пусть элементарный, но все же свой личный, и поэтому исключительно важный опыт.

Жизненное пространство, в котором развивается плод, ограничено. Поэтому он должен принять и сохранить позу наименьшего объема. Как же это происходит? По-видимому, вначале, когда после слияния гамет (мужская и женская половые клетки) образуется новый организм — зигота, форма наименьшего объема (то есть форма шара) устанавливается самопроизвольно, благодаря высокому межмолекулярному сцеплению. Но позднее, по мере роста плода, сил межмолекулярного сцепления уже оказывается недостаточно. Возникает угроза потери наиболее целесообразной позы под действием земного притяжения.

Но всемирный закон тяготения, держащий в неодолимой уде всю небесную механику, оказывается беспомощным перед приспособительной мудростью механизмов, охраняющих новую жизнь. Примерно с третьего месяца после начала развития у плода начинает функционировать орган равновесия, имеющий почти техническое название — вестибулярный аппарат. Этот чуткий, своеобразный сейсмограф способен фиксировать не только положение своего тела, но и движения матери. Женщина ходит, нагибается, встает, ложится, ускоряет или замедляет шаги, вследствие чего ребенок испытывает действие сил ускорения. Как ни умеренны эти перегрузки, они воспринимаются и вестибулярным аппаратом, и специальными нервными датчиками, расположенными в сухожилиях, суставах, мышцах. Мозг перерабатывает поступающую информацию и подает соответствующую команду мышцам. Так еще до рождения познает ребенок одно из важнейших свойств движущейся материи — гравитацию. Он, конечно, не осознает этого свойства. Но ведь и великому Ньютону, чтобы осознать законы тяготения, пришлось ждать до 44 лет.

Итак, можно без преувеличения

сказать, что когда женщина движется, ребенок получает представления о дорогах, по которым ему предстоит ходить. Недаром многовековой опыт предписывает будущей матери частые прогулки. Если, однако, перспектива овладения законами гравитации для ребенка столь раннего возраста покажется матерям недостаточно заманчивой, мы выскажем еще одно соображение. Поскольку функциональное состояние мышц плода теснейшим образом связано с движениями матери — движения эти не только улучшают ее самочувствие, но также и укрепляют мышцы плода. Словом, движения матери следует рассматривать как одну из форм физического воспитания будущего ребенка.

К моменту рождения в мозгу ребенка насчитывают 15 миллиардов нервных клеток! Эта цифра — не дань статистике. Это дань изумления перед мастерством природы. Вспомните: из одной единственной клетки за короткий срок образуется такое астрономическое число необыкновенных, талантливых, просто гениальных клеток. Сотни ученых мира пытались создать модель хотя бы одного нейрона. Увы... Нервная клетка — это сложнейший электрохимический агрегат, способный запоминать, анализировать, синтезировать, творить. Стоп, стоп, я, кажется, слегка увлекся. Запоминать, пожалуй, нервная клетка способна, а вот все остальное доступно только совокупности клеток, то есть мозгу в целом и, конечно, после обучения. Начинать приходится со способности определять наипростейшие свойства предметов: твердое, жидкое, холодное, кислое... Это самые первые истоки сенсорного (чувственного) обучения. Существуют ли в период внутриутробного развития подходящие для этого условия? Очевидно, существуют. Уже на девятой неделе развития начинают функционировать почки плода и выделять в околоплодную жидкость мочевину и мочевую кислоту. Еще через три недели образуются чувствительные элементы языка (так называемые вкусовые почки); отныне ребенок может получать первые представления о вкусах и запахах. Не случайно младенец сразу же после рождения умеет различать вещества по вкусу и энергично отказывается от горького, соленого и кислого.

Несколько раньше, в середине восьмой недели, начинает развиваться кожная чувствительность. К семнадцатой неделе наиболее обширная (по чувствительным площадям) кожная поверхность уже по-

тенциально готова к приему информации. С этой поры связь по информационному каналу осязание — мозг становится постоянной — в течение всех двадцати трех недель, оставшихся до родов, ребенок десятки и сотни раз в день получает разнообразные осязательные впечатления, столь важные для развития его нервной системы.

Кожа ребенка обладает также болевой и температурной чувствительностью. Но среда, в которой он развивается, отличается высокой устойчивостью температуры. Следовательно, нервные окончания, предназначенные для восприятия температуры — терморецепторы — получают весьма однообразную информацию. Точно в таком же, или, пожалуй, в еще «худшем» положении находится кожная болевая чувствительность. Не потому ли, повзвизывая на свет, ребенок в первые дни обладает слабой болевой и температурной чувствительностью? Не скывается ли здесь недостаток тренировки?

Особенно, надо полагать, богаты звуковые впечатления, которые испытывает растущий ребенок. Ведь жидкость отличается способностью передавать звуковые колебания в значительно большей степени, чем воздух. Следовательно, все звуки, способные преодолеть ткани человеческого тела, легко достигают слуха плода. Мне представляется заслуживающим внимания существовавшее некогда увлечение беременных женщин слушанием музыки. Известно немало наблюдений, сделанных женщинами, ощущавшими интенсивное шевеление плода во время концертов или при сильных звуках. Но дело не только во внешних звуках. Много недель подряд слышит ребенок, как бьется материнское сердце.

...В детской палате родильного дома включили магнитофон, на ленте которого были записаны тоны сокращений спокойного и «взволнованного» сердца. На спокойное сердце новорожденные почти не реагировали, но при звуках взволнованного в палате поднялся почти поголовный плач. Можно думать, что еще до рождения ребенок чувствует себя намного спокойнее, когда сердце, под которым он растет, не бьется тревожно.

Не менее отчетливо слышит ребенок и звуки, произносимые матерью: смех, пение, разговор, плач. Может ли в таком случае мать позволять себе кричать или плакать? Не лучше ли ее ребенку слышать спокойный голос или радостную песню? И пусть он не станет от этого певцом или музыкантом, но, возможно где-то в веществе его мозга, среди

миллиардов нервных клеток сохранится неясный след материнского голоса. И когда потом, уже после рождения, он будет засыпать под звуки колыбельной песни, в глубине зарождающегося сознания вспыхнет, как далекая зарница, едва уловимая память о чем-то знакомом и родном, уже слышанном когда-то. Но даже если опустить эту поэтическую сторону, можно думать, что голос матери, интенсивно и в течение длительного времени передающийся ребенку, подготавливает его слух к восприятию звуков специально в диапазоне частот человеческой речи.

И еще одно наблюдение. Американский аэродром на японской земле. Один за другим поднимаются в воздух гигантские самолеты. От гула реактивных моторов звенят окна, болят барабанные перепонки. Как живут в таких условиях маленькие дети? Группа ученых провела исследование сна японских детей, живущих вблизи аэродрома. Оказалось, что подавляющее большинство детей, матери которых поселились здесь, когда срок беременности не превышал пяти месяцев, не реагируют на грохот двигателей и продолжают спокойно спать. (Благо, они еще не ведают, какой груз несут в своих люках военные самолеты). Другая группа детей, начавших «знакомиться» с этим дьявольским шумом после пяти месяцев беременности, как правило, пробуждалась и начинала плакать.

Если отвлечься от физиологической интерпретации данных, мы все же придем к интересным для науки и практики выводам. Известно, что разные дети по-разному реагируют на одни и те же внешние воздействия. Это наблюдается даже у новорожденных. Почему? Видимо, среди совокупности причин, обуславливающих особенности психики ребенка, существенное место занимает и тот индивидуальный опыт, который приобретается во время внутриутробного развития. Мы видим также, что влияние этого опыта на поведение детей после рождения зависит от того, в какой именно период этого развития он приобретен.

Итак, среда, в которой развивается ребенок, по существу, позволяет его нервной системе еще задолго до рождения получить самые первые «отпечатки» физических свойств материи. Но, скажут мне, а как же обстоит дело со зрением? Ведь плод основательно изолирован от световых лучей. Во-первых, это справедливо только по отношению к современным условиям жизни. Дети наших далеких предков имели здесь, очевидно, преимущества: сол-

нечные лучи, как полагают некоторые ученые, способны проникать сквозь брюшную стенку внутри и воздействовать на глаза плода. Во-вторых, отсутствие световых раздражений компенсируется импульсами, поступающими из упоминавшегося уже органа равновесия, который тесно связан со зрительными областями мозга. Этот орган начинает функционировать очень рано и возбуждаться при любом движении плода или матери. Своими импульсами, говоря фигурально, он «делится» с испытывающим дефицит зрительным аппаратом. Вестибулярный аппарат, таким образом, должен работать «за двоих» — вот еще один повод к тому, чтобы беременная женщина вела подвижной образ жизни.

Процесс внутриутробного развития функций мозга обладает одной исключительно важной особенностью, не имеющей себе равных по значению во все последующие периоды. Речь идет о том, что формирование структур мозга, его точчайших элементов и связей происходит, с одной стороны, по наследственной генетической программе, а с другой — под неперменным и постоянным влиянием тех потоков информации, которые идут из внешней среды по рецепторным (органы чувств) каналам. Сейчас установлено, что, меняя продолжительность и концентрацию информационного потока, можно регулировать (ускорять, замедлять или даже прекращать вовсе) формирование нейронных структур. Этих данных пока еще явно недостаточно для разработки системы практических рекомендаций. Но очевидна тенденция развития этой области знаний. И трудно даже представить себе те грандиозные перспективы, которые откроются перед наукой, если она овладеет возможностью направленного количественного и качественного регулирования активности мозга ребенка в период внутриутробного развития.

В заключение статьи я хотел бы сказать следующее. Еще недавно считалось, что, появляясь на свет, ребенок преодолевает некий рубикон, принципиально отделяющий один мир от другого. В какой-то мере это справедливо. Но вместе с тем, жизнь (и даже «обучение») ребенка начинается задолго до минуты его рождения. Тот маленький опыт, с которым ребенок приходит в мир, принадлежит не только далекому прошлому, но и настоящему. Сегодня все яснее становится, что этот опыт намного значительнее, чем мы привыкли думать. Вероятно об этом полезно или, по крайней мере, интересно знать родителям.

из педагогического наследия

ПРОСВЕЩЕНИЕ УМОВ И ВРАЗУМЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ

М. Т. Сидги

В душе каждого народа, среди его самых сокровенных чаяний всегда и неизменно живет стремление к знанию, к свету высокой культуры. Но только Октябрьская революция, только победа социализма в нашей стране открыла путь к тому, чтобы это стремление стало реальностью. Сегодня мы по праву гордимся достижениями просвещения и культуры в Азербайджане. Но высоко оценивая их, мы никогда не забываем и первых национальных просветителей и педагогов. Масштаб их деятельности был поневоле скромнее, но и в трудных условиях дореволюционной России они делали немало. Среди тех, чей вклад в развитие народного просвещения мы всегда вспоминаем с благодарностью, видное место занимает М. Т. Сидги Сафаров (1854—1903). Его научно-педагогические, публицистические, литературные, философско-этические труды еще при жизни принесли ему широкую популярность. Работы Сидги были известны и за пределами его родины. Азербайджанский поэт и педагог Шурби писал о Сидги: «Он был таким педагогом и таким просветителем, глубоко просветительским умом которого был озарен весь Ближний и Средний Восток».

Сидги всю жизнь выступал за образование народа, против устаревших методов обучения и воспитания, бытовавших в то время в школах «усули-атик» («старый метод»), и всю свою энергию отдал делу создания новых школ «усули-джадит» («новый метод»).

М. Т. Сидги родился в Ордубаде — сравнительно развитом торговом центре Азербайджана. Начальное образование он получил дома, затем учился в медресе шаха Солтана Гусейна. После смерти отца 15-летний Сидги работал приказчиком у ордубадских купцов и, выполняя их поручения, более десяти лет провел в поездках по странам Востока. Эти поездки многое дали и самому Сидги — он основательно изучил арабский и фарсидский языки, познакомился с деятелями просвещения ряда стран Востока, собрал материалы по науке и литературе этих стран.

С 1885 года, окончательно поселившись в Ордубаде, Сидги объединяет вокруг себя местную интеллигенцию и создает литературное об-

щество «Энджумени-шуэра» («Общество поэтов»). Писал стихи и сам Сидги. В своих стихах он затрагивал в основном вопросы воспитания, ратовал за народное образование. Изучив самостоятельно еще и русский язык, Сидги знакомится в этот период с произведениями русских писателей и педагогов.

В Азербайджане в ту пору не было специальных национальных школ. В 1892 году Сидги основывает в Ордубаде первую национальную школу, дав ей название «Эхтар» («Звезда»). Через год слава о школе «Эхтар» распространяется по всей округе. Сидги приглашают в уездный центр — Нахичевань. Здесь в 1894 году Сидги основывает школу, названную «Тербия» («Воспитание»).

Открытые Сидги школы были для своего времени несомненным образцом передовых методов обучения и воспитания. Сидги стремится распространить свой опыт — он готовит различные методические и теоретические пособия (в числе их — один из первых национальных учебников педагогики), выступает с докладами на встречах учителей.

Чтобы дать возможность учиться детям бедняков, Сидги основывает в Нахичеванском уезде «Общество вспомоществования нуждающимся учащимся». Это начинание приветствовали также и учителя школ других уездов.

Большое внимание уделял Сидги и образованию женщин. В 1896 году он основывает в Нахичевани первую женскую школу. Он утверждает: «Женщина по своей природной одаренности не уступает мужчине. И поэтому она не должна ничем отличаться от мужчины и по своему образованию, и по месту, занимаемому ею в обществе».

Педагогическая деятельность Сидги не ограничивается лишь основанием школ с новым методом обучения. Он создает ряд работ, где излагает свои взгляды на образование, организацию учебного процесса и воспитание молодого поколения. Среди них: «Деустишие о культуре», «А. С. Пушкин», «Чахар чиз» («Четыре вещи»), «Крылатые слова», «Нумуней-ахлаг» («Образцы морали»), «Гираэти-феннийе» («Книга для чтения»), «Теневиры-эфкар и техфими-инсанийет» («Просвещение умов и вразумление людей»),

«Тохфее-бенат», («Подарок девушкам»), «Хифз-сеххет» («Школьная гигиена»).

М. Т. Сидги был одним из самых последовательных и настойчивых пропагандистов передовой русской литературы и просвещения. В 1899 году, в связи со столетием со дня рождения Пушкина, он выступил с докладом на юбилее в Нахичевани. Именно по его предложению одной из самых больших улиц Нахичевани было присвоено имя великого русского поэта. Эта улица и поныне носит имя Пушкина. В свои рукописные учебники Сидги включил стихи и рассказы Пушкина, Лермонтова и Толстого.

Сидги считал русский язык одним из обязательных предметов обучения. Он горячо призывал своих питомцев изучать великий русский язык — «язык таких корифеев, как Пушкин, Крылов, Лермонтов и Грибоедов...» Специально для этого им был составлен «Азербайджанско-русско-фарсидский словарь».

В эпоху, когда образование в Азербайджане да и в других странах Востока почти целиком основывалось на зубрежке и слепом подчинении воле учителя, Сидги настойчиво подчеркивал, что основой успешного обучения может быть только сознательность ребенка. Он писал: «Нельзя делать из учащихся попузав, надо прививать им мудрость, осмысленность»; «Все, что доводится до сознания учащихся, должно соответствовать их пониманию и знаниям, чтобы поданный материал не остался для малолеток мертвым грузом». Школу он образно называл «лекарством для лечения невежества и аллеей сада проницательности». О великой роли, которую играет воспитание в жизни человека, Сидги выразил так: «Человека, лишившегося родителей, еще нельзя назвать сиротой; но истинно сирота тот, кто не получил воспитания».

Читатели «Семьи и школы» могут познакомиться с некоторыми важными мыслями Сидги о молодом поколении и семейном воспитании по публикуемым сегодня фрагментам из его работы «Просвещение умов и вразумление людей».

А. АГАЕВ,
кандидат педагогических наук
г. Баку

...Воспитание и образование делают человека почитаемым и достойным и выводят его из мрака невежества к светлым знаниям и дорожке счастья... Именно поэтому истинная ценность человека определяется в большей или меньшей степени его поведением и знаниями. Другой оценки для человека, кроме его знаний и трудолюбия, нет. Каково его воспитание и образование, такова и его цена. А так как человек определяется таким образом, то отсюда следует, что надо всегда стараться улучшить те качества, которые определяют цену человека.

И потому детям с младенческого возраста, когда они уже начинают различать белое и черное, горячее и холодное, надо прививать хорошие качества, уделять серьезное внимание воспитанию.

Детство похоже на годовалое деревцо. Молодое деревцо, каким бы кривым оно ни было, легко выпрямить. Само собой разумеется, что и человек должен воспитываться с раннего детства. Если он развивался сам по себе, то перевоспитать его, улучшить его плохие качества будет очень трудно.

* * *

...Услышав от говорящих: «Какой хороший сын у такого-то, какой умный и прекрасного поведения», не будь гордым и не говори людям: «Я учился, а вы невежественны», а говори: «Я учусь и, научив других, принесу людям счастье». А для этого необходимо прилежание и усердие, необходимо читать, писать, получать знания, обучаться какому-либо ремеслу.

Но бывает и противоположное этому; среди народа говорят, стыдя кого-либо: «Вай, какие умные, воспитанные были отец, дед у этого несчастного ребенка, а сам он оказался бесполезным, несознательным...» Чтобы не привелось услышать такое, надо чтобы дети с самых малых лет достойно вели себя, с уважением относились к образованию и воспитанию. Так же, как земле необходим своевременный посев, так и развивать детский ум надо с раннего детства. Поэтому, если родители ленивы, то пропадает ценное для воспитания и обучения ребенка время, и они за это ответственны перед народом... Если

даже человек не сразу понял цену образования и воспитания, его пользу, в конце концов он все же будет вынужден признать это.

В далеком прошлом один человек для обучения и воспитания своего сына обратился к учителю. Учитель потребовал за это большую сумму. Рассердившись, этот человек сказал учителю: «Что ты говоришь! За эту сумму я могу нанять сыну слугу». Мудрый учитель ответил: «Очень хорошо, найми, через некоторое время тот слуга научит твоего сына, и тогда ты будешь иметь двух слуг».

* * *

Примерные правила поведения в обществе таковы:

Когда ты сидишь в обществе, стыдно задавать собеседнику бесполезные вопросы. Когда вопрос еще не задан, не спеши отвечать, и на один вопрос два ответа не давай. Во время беседы нужно дать возможность говорить и собеседнику тоже. Лучше больше слушать, чем говорить, так как, слушая, обогащаешься.

Людей, умеющих красиво вести беседу, мало, а пустых болтунов много. Некоторые все время первому встречному рассказывают обо всем, что происходило с ними с самого детства, не думая о том, есть у собеседника время или нет, нравится ли ему это или не нравится.

Другие же всегда говорят только о выпивке, драках, сплетнях. «Вчера мы были там-то, то-то поели, то-то выпили, такой-то обед так готовят, такое-то блюдо имеет такой-то вкус; или же тот — такой-то человек; если бы я был на месте такого-то, я так поступил бы, или я с таким-то человеком связан дружбой...»

По велению разума утверждаю, что от зависти и злобы, вражды и скупоści, пустой болтовни и неприязни — от всего этого детей надо оберегать. Эти качества в человеке — опасная болезнь и выздоровление требует многих усилий.

* * *

...Лень — серьезная болезнь. Если лень у детей еще с детства, то когда они уже вырастают, искоренить ее трудно. Ленивый, лежа под грушевым деревом, говорит: «Эй, гру-

ша, упави мне в рот», а некоторые, чтобы не трудиться поливать водой сад, просят у бога дождя. Существует такая поговорка: «Дай лентяю работу, чтобы он тебя уму научил». И действительно, эта болезнь является причиной того, что дети остаются невежественными, необразованными. Если ребенок не ходит в школу, не выполняет заданий, не занимается изо дня в день, болтает попусту с тем, с этим, сплетается без дела, без пользы губит свою жизнь, в конце концов он говорит с сожалением: «Эх, попусту я потратил время, а сам ни одной наукой, ни одним ремеслом не овладел». Если рано понять бесполезность сожаления и, не проводя дней в лени, уделять серьезное внимание наукам, тогда и в школу надо не идти, а как бы лететь.

* * *

Воспитанный человек всегда любит родителей, взрослых, учителя, слушает их, внимателен к тому, что они говорят; тех, кто ниже его, уважает и оказывает услуги. Проявив человечность по отношению к каждому, уважает и оказывает почтение и помощь, какие только в его силах. Такой человек, познав себе цену, не перейдет границы. Его поступки и действия соответствуют общепринятым нормам поведения. Никого не заденет, не обманет, не солжет. Всегда хорошее будет называть хорошим, плохое — плохим. Не отнимет ни у кого чести, имущества, вещи; каждое слово умеет сказать вовремя и кстати. В каждом слове и деле как себе, так и другому не скажет ничего бесполезного, пустого. В каждом деле руководствуется честью. Все дела исполняет на совесть и не берется за то, чего не может. Не обещает того, что не в силах выполнить. То, что обещал, выполняет. Будучи далек от сплетен, не слушает сплетен других. Если кто-то сделал ему хорошее, никогда не забудет. Когда сможет, сам ему взамен сделает хорошее. Если ему и сделал плохое тот, кому он сделал хорошее, или другой, все равно, подчиняясь разуму, он будет стараться делать ему и другому хорошее. Нет сомнения, что только такой человек получает у людей признание и уважение.

по дороге домой

Улица Мира — красивая улица, уютная, зеленая. Идешь по ней, а в листе прыгают солнечные зайчики и заглядывают в глаза. Мы с внучкой всегда возвращаемся по этой улице из садика домой. Правда, немного не по пути, но зато красиво и времени хватает обо всем переговорить. Сдвинув брови галочкой, Аленка спрашивает:

— Деда, а Земля больше Луны?

— Конечно, внученька. — (Вот ведь теперь чем дети интересуются!) — Земля по размеру как бы голова, а Луна — глаз.

А Аленка еще более трудный вопрос задает.

— Деда, а Земля правда вертится?

— Правда. Помнишь, когда мы ехали на «Ракете», ты закричала: «Деда, деда, пристань поехала!»

— Вспомнила, деда, вспомнила.

— А ведь это не пристань поехала, а мы на «Ракете». Вот так и Земля движется, и деревья, и наша улица. А Солнце, как пристань... На месте стоит.

Моя спутница сразу остановилась и стала смотреть себе под ноги, как бы проверяя, вертится Земля или нет.

— Нет, деда, не заметно.

Чувствую — не доказал.

Но тут выручила бабочка. Аленка кинулась за ней. Крапивница скрылась в листьях яблони. Аленка, провожая ее взглядом, запрокинула голову. Увидев мелкие яблочки, позвала:

— Деда, деда, смотри сколько яблочков! Это все золотые?

Я ей в тон:

— Лена, Лена, смотри сколько рябинок, это все рубиновые.

Не сговариваясь, мы взглянули друг на друга и громко рассмеялись. А я предложил соревнование.

— Вот клен. А ты назови другое дерево.

— Тополь.

— Карагач.

— Яблоня.

— Акация.

Где Лена затруднялась, я помогал, показывая, у какого дерева какие листья. Так мы все деревья на нашей улице изучили.

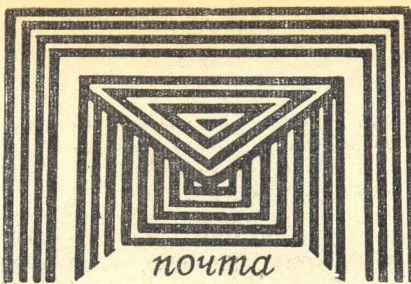
Аленка предлагает:

— Отагай загадку: без окон, без дверей, полна горница людей.

— Арбуз, — отвечаю, хотя знаю распространенный ответ.

— А вот и не арбуз, — торжествует Аленка, — а огурец!

— Но ведь и у арбуза есть семечки внутри, — не сдаю я. Тут же

про кабачок напомнил. Все похожие овощи мы перечислили.

Продолжаем прогулку, я рассказываю внучке, как улицу надо переходить, куда бумажки от конфет бросать, почему по газонам нельзя ходить и другие премудрости жизни. Аленкин голосок звенит рядом непрерывно. А я уже обдумываю застрашнее «путешествие»: как сделать его интересным, полезным и при этом неумолимым.

Н. БАТОЛИН

г. Челябинск

пусть играют

«Как быть с Испандерией?» — такое письмо было опубликовано в № 11 журнала за прошлый год. Испандерия — страна, которую придумали и в которую играют два мальчика-семиклассника. Но в этой игре не все нравится их родителям. Мы публикуем письма читателей, которые высказывают свое мнение. Любопытно: отвечают родителям из Грозного не только взрослые, но и школьники.

Я бы с удовольствием приняла участие в такой игре. Мне в ней не нравится, кроме «Я — бог». Меня это смущает, а так... Я еще не встречала таких увлеченных мальчишек даже среди старшеклассников. Мне кажется, что каждый человек должен чем-то увлекаться! А сама игра! Какой кругозор нужно иметь, чтобы руководить страной, хотя бы игрушечной! И ведь они со своей Испандерией отстаивают справедливость и борются за лучшую жизнь. И в будущем это может пригодиться.

Теперь о другой стороне. В самом деле, наверное, некоторым мальчикам могут показаться «странными», скучноватыми. Но ведь в Испандерии можно кое-что изменить. Сами родители могут вмешаться с хорошими намерениями. Напомнить, что в Испандерии «установлен социали-

стический строй», а ведь во всякой социалистической стране огромнейшее значение придается спорту. Например, в нашей школе все живут спортом! Пусть в Испандерии появятся не только министры, художники, кинорежиссеры, но и спортсмены!

Когда ребята поймут, что спорт необходим, они сумеют все устроить: создадут из своих «куклят» команды, назначат тренеров, откроют спортклубы. Сначала в Испандерии будут принимать спортивную делегацию другой страны, повезут гостей по клубам, познакомят с теми видами спорта, которые «процветают». А потом с ответным визитом поедут жители Испандерии.

Надо будет готовить тренеров. А чтобы их научить, волей-неволей придется самим заняться спортом. В четырнадцать лет это совсем не поздно. Я сама недавно первый раз встала на коньки и получается (хотя учусь в восьмом классе). Можно так преподнести, будто все это ребята увидели, узнали на планете Булан.

Желаю им успеха!

Тамара СНЕГИРЕВА

село Актабан

Курганской области

Читал письмо с особенным удовольствием, будто написано обо мне моими родителями. Вспомнил свое детство, а мне сейчас, слава богу, уже сорок пять лет, и у меня у самого есть дети.

Мне кажется, не надо особенно тревожиться. С возрастом у ребят появятся новые интересы. Все мы когда-то расстаемся со страной детства. А запретить Испандерию нельзя. Да и невозможно. Как запретить мечтать?

Вы вот за футбол. Но ведь часто ребята становятся заядлыми футболистами после того, как посмотрят передачу по телевизору, тогда и начинают подражать увиденному. Так почему же читая книги, смотря кинофильмы, они не могут попытаться воссоздать в своем воображении нечто похожее, но свое?

Ничего в этом плохого нет. Пусть играют!

В. ВОРОНОВ

г. Павлодар

Родители спрашивают: «Как быть с ребятами? Как прекратить их игру?» А зачем прекращать? Мне кажется, это великолепная игра. Я сама очень увлекаюсь фантастикой. Правда, у меня нет таких интересных стран, но все то, о чем я думаю, о чем мечтаю, стараюсь превратить в рассказы, хоть чуточку

похожие на произведения любимых писателей-фантастов.

Когда я увлеклась фантастикой, то мама даже стала ругать меня — я читала исключительно А. Белыева, И. Ефремова, Р. Шекли, а потом попробовала сама заняться наукой. Сейчас я занимаюсь в школе юных кибернетиков. Не знаю, что будет потом, но, по-моему, все большое и важное начинается с детских лет, бывает, и с игр, даже самых невероятных.

Может быть, потом эти ребята станут борцами за мир, за справедливость, но не в выдуманном государстве, а на нашей большой планете.

Н. Л.
Крымская область

на теплые ноги

Как быть со сменной обувью? Ребята носят ее с собой в мешочках. На Дальнем Востоке зима суровая, морозы нередко достигают 25—30 градусов, ветер, и пока ребенок идет в школу, туфли в мешочке промерзают основательно. А потом эти ледышки приходится надевать на теплые ноги. По-моему, такие «закаливающие» процедуры приносят только вред.

Г. КУЛИКОВ
г. Хабаровск

В школе ребята переодеваются, ходят в кедах, тапочках. Но я слышала, что тапочки носить вредно. Какая обувь лучше всего подходит для помещения?

В. СОЙКИНА
Вологодская область

Мы попросили ответить на эти письма старшего научного сотрудника Института гигиены детей и подростков Министерства здравоохранения СССР, кандидата медицинских наук Ольгу Владимировну КАЙСИНУ.

— От обуви во многом зависит наше самочувствие, наше здоровье. Те же валенки, если в них долго ходить в помещении, могут вызвать ангину. Ноги потеют, и тогда на улице, на морозе можно легко простудиться. Кроме того, от перегрева ослабевают связки, и нога становится менее устойчивой. Ребенок может легко споткнуться и повредить ногу. Недаром говорят, что валенки неуклюжие.

Стало правилом при входе в школу снимать теплые вещи — валенки, суконные ботинки, сапожки — и заменять на легкую обувь.

Но, конечно, промерзшие, холодные туфли крайне нежелательны.

В них тоже легко подхватить насморк, простуду. Для ног одинаково плохо, и когда они перегреваются и когда охлаждаются.

Выход? Наладить хранение сменной обуви в школе. Место можно везде найти: выделить уголок в раздевалке, прибить крючки для мешков или смастерить специальные ящики.

Теперь о том, какая обувь желательна. Мальчикам лучше всего ходить в ботинках, полуботинках, а девочкам в туфлях. Не надо торопиться переходить на высокий каблук. В обуви на высоком каблуке центр тяжести переносится на пальцы, походка становится нетвердой, а туловище отклоняется назад. Взрослому человеку это ничем не грозит, а у детей (так как не все кости еще хорошо развиты) может привести к нежелательным последствиям. Для младших школьников мы рекомендуем высоту каблука 20—25 миллиметров, для подростков 25—30 миллиметров.

Мы, врачи, отдаем предпочтение изделиям из кожи. Дети больше потеют, чем взрослые. За час стопа ребенка выделяет до 5 граммов пота. Благодаря особой структуре материалы из кожи быстро и хорошо удаляют лишнюю влагу. В кожаной обуви нога хорошо дышит.

А вот кеды как сменная обувь не годятся. Прорезиненный верх и подошва незаменимы в сырую, прохладную погоду. Если же надеть кеды в комнате, нога быстро потеет, а водоотталкивающая ткань задержит влагу и не даст ей возможности испариться. Ноги мокут как бы изнутри, это вызывает неприятный запах, могут развиваться и грибковые заболевания. Специальную обувь — кеды, резиновые сапожки — нужно использовать только по назначению.

Постоянно носить не годится и тапочки. Слишком тонкая подошва плохо сохраняет тепло. Но зато прыгать, бегать на уроках физкультуры, когда нога разогревается, в чешках очень удобно. Мягкие, эластичные, они не стесняют движе-

ний. Но все время ходить в мягкой обуви вредно. У детей кости еще недостаточно твердые, они легко деформируются. Поэтому лучше детям носить обувь с жестким задником. Тогда фиксируется, закрепляется правильное положение стопы, и она нормально развивается. Это предупреждает плоскостопие, искривление пальцев и другие заболевания.

теперь не тревожусь

По правде говоря, огорчилась я, когда узнала, что младший сын Юрий собирается в ПТУ. Мне казалось, что туда поступают далеко не лучшие ребята, которые в школе не успевают и вести себя не умеют. Училище представлялось мне вроде какой-то мастерской, где мастер учит и на ребят покрикивает.

Но когда я пришла первый раз в ПТУ № 76, увидела совсем другую картину. На территории и внутри училища — образцовый порядок. Со вкусом оформленные стены. И ребята ходят подтянутые, собранные. Ни шума, ни толкотни. Не так уж плохо на первый взгляд! На душе стало как-то легче.

Потом стала я больше к Юре и его товарищам присматриваться и окончательно переменяла свое мнение. Сын с восторгом рассказывал о каждом дне, с большим уважением отзывался о своем мастере. О школе, бывало, не любил говорить, а тут как подменили. Поначалу я слушала и думала: «Новая обстановка, пройдет». Но дело, оказывается, было в другом. Просто ему все здесь пришлось по душе. И удивительно: дисциплина не угнетала его — наоборот, он гордился тем, что у них нет лодырей, что их группа быстрее всех работу закончила.

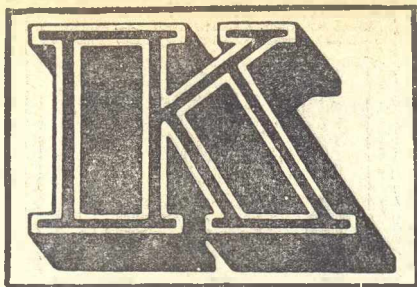
Конечно, в том, что сын так переменялся, что училище полюбил, прежде всего заслуга мастера Вячеслава Дмитриевича Нуждинова. Ему не безразлично, как внешне выглядит его ученик, кто как провел выходной день, сколько денег домой принес...

В летние каникулы Вячеслав Дмитриевич организовывал спортлагерь и сам отдыхал с ребятами.

Теперь я несколько не тревожусь за сына. Не сомневаюсь, что выпускники училища станут хорошими, честными тружениками: у них есть у кого поучиться и чему научиться.

Н. АШОМКО
Москва

Расскажите, пожалуйста, что это за болезнь глаз — блефарит, чем она опасна и как ее лечить?

А. СТРОНГИНА
Кустанайская область

Уважаемая товарищ Стронгина!

Вы не указали конкретно, о каком больном Вы проявляете заботу, не упомянули о его возрасте и продолжительности заболевания, возможных осложнениях и о том, что рекомендовал лечащий врач. Поэтому мы, естественно, можем поделиться с Вами лишь общими сведениями об этой болезни.

Блефарит — это заболевание краев век. Вызвано оно может быть как общими, так и местными причинами.

Общими причинами, способствующими развитию блефарита могут оказаться неправильное питание, нарушения обмена веществ (например, диабет), витаминная недостаточность, ослабление сопротивляемости организма при туберкулезе и особенно «скрофулезе» у детей и т. д. В таких случаях проводят аутогемотерапию, тканевую терапию, общее ультрафиолетовое облучение, пенициллинотерапию.

Местные причины возникновения блефарита обычно связаны с длительными внешними раздражениями век (химическими, механическими, физическими, бактериальными

ми), заболеваниями соседних тканей глаза — конъюнктивы, слезных путей. Дефекты зрения могут сделать уже возникшее заболевание более упорным. Дело в том, что «слабые глаза» при напряженной работе очень быстро устают; пытаясь «взбодриться», человек начинает их протирать — и тем самым вызывает раздражение век.

При легком течении блефарита наблюдается лишь незначительное покраснение и припухлость краев век, усиливающееся при всяком раздражении и напряжении глаз.

В далеко зашедших случаях (нелеченных или несистематически и неправильно леченных) на коже у основания ресниц и на ресницах появляются многочисленные чешуйки или корочки. В еще более тяжелых случаях под корочками или у основания ресниц образуются кровоточащие язвочки.

Даже легкие формы блефарита всегда сопровождаются ощущениями зуда в глазах, особенно вечерами, повышенной чувствительностью к различным раздражителям — свету, ветру, пыли, — быстрой утомляемостью глаз при работе и недостаточном сне.

Блефарит — заболевание в большинстве своем длительное, протекающее с осложнениями. Рубцевание язвочек ведет к неправильному росту ресниц (по направлению к глазу) и трению их по роговице. Возможны заболевания конъюнктивы и роговицы глаза.

Проводится общее и местное лече-

ние блефарита. Для воздействия на весь организм больного необходимо улучшение гигиенических условий, правильный режим дня, полноценное питание. Так как при блефарите отмечается повышенная чувствительность к различным раздражителям (аллергенам — они индивидуальны для каждого больного), то зачастую необходимо соответствующее дезаллергизирующее лечение. При нарушении зрения подбирают очки.

При проведении местного лечения учитывается тяжесть блефарита, состояние конъюнктивы, роговицы, слезных желез. Для размягчения корочек и удаления чешуек применяют различные мази (3% борная, 1% ртутная, 10—30% альбудиновая, 3—5% ортофозмная, 5—15% сульфатнозиловая, пенициллиновая). Эти мази есть в продаже.

Рекомендуется также смазывать края век 1% раствором бриллиантовой зелени, а язвочки век прижигать 3—5% раствором ляписа с последующим промыванием век физиологическим раствором. Неправильно растущие ресницы следует периодически удалять.

Лечение блефарита, особенно запущенного, часто требует большой настойчивости и терпения больного.

И разумеется, нельзя заниматься им собственными силами; оно должно проходить только под постоянным наблюдением врача.

С. СИДОРОВ,
кандидат медицинских наук

«не отвлекайся!»

над детскими письмами

Мне никогда не приходилось писать таких писем. Но я просто больше не могу. Очень хорошо помню день, когда все началось: первое сентября, первый день в восьмом классе. Тут-то все и пошло и поехало. «Учись и больше ни о чем не думай», — с утра до ночи я слышу от мамы одно и то же. Мама видеть не может, если я лишний раз во время уроков посмотрю в окно, сразу — «Не отвлекайся!» В этом году меня избрали звеньевой «Красных следопытов», а мама недовольна. Раньше занималась баскетболом, ходила в вокальный кружок. Были у меня подруги, сейчас больше ко мне не ходят.

Уроки готовлю до десяти вечера. Потом мама говорит: «Ложись спать, а завтра разбужу тебя в шесть, будешь повторять!»

Я пробовала говорить с мамой, но она и слушать ничего не хочет.

Оля К.
г. Торез

Может быть, ваш журнал только для родителей, но почему-то мне кажется, что вы должны помочь мне разобраться в сложных вопросах жизни. Скоро я закончу среднюю школу. Дома мне твердят, что у меня плохой характер. А в школе думают по-другому, там у меня много радостей. Но вот кончаются уроки, приходишь домой, и начинается... Я очень люблю своих родителей, особенно маму, но в последнее время избегаю ее. А началось все, когда меня избрали членом школьного комитета комсомола и еще дали два поручения. Работы много, но мне нравится, чувствуешь, что ты не просто ходишь в школу, а помогаешь товарищам. Но родители ничего знать не хотят. Никуда не пускают, требуют все время за учебниками сидеть. Из-за этого я иногда не могу сдержаться и говорю им грубости. Понимаю, что делаю плохо, но у каждого человека есть ведь предел терпения. Неужели родители не понимают, что их дети тоже люди?!

Валя П.
г. Стерлитамак

Конечно, в наше время человеку без знаний нельзя. Митрофанушки никогда не были в чести, а теперь менее, чем когда бы то ни было. Современному обществу нужны образованные люди. И все-таки уместен вопрос: всегда ли родители понимают, какое это трудное дело — учиться? И всегда ли отдают отчет в последствиях «сверхурочного» детского труда за письменным столом? По многим причинам не думать об этом нельзя.

Еще в прошлом веке Ушинский писал: «Умственный труд едва ли не самый тяжелый... Думать трудно». Ушинский имел в виду школьников своего времени. Сегодня ребятам не стало легче: уже в первом классе проходят они начатки алгебры. А завтра? С будущего года во всех десятых классах страны в курс физики вводится материал по теории относительности. А ведь каких-нибудь полсотни лет назад этот «орешек» был доступен только студентам университета — в школе о нем и думать не могли. Новые учебные программы введены ныне по всем предметам. Они полны большой наукой, ее фактами и идеями. Подумаем, какой же напряженной мысли, каких усилий требует от школьника буквально каждый урок! А на дне их у старшеклассника пять-шесть. Да и неделя долгая: один-то всего и денечек выходной.

Так в школе. А дома? Как правило, нужно три-четыре часа на приготовление уроков. Вот и посчитаем теперь — каков он, трудовой день старшеклассника? К счастью, сегодняшний ребенок способен взять от школы неизмеримо больше своих предшественников. Он и физически крепче, он и знает куда больше еще до школы. Радио, телевидение, весь строй нашей жизни питает детей обильнейшей информацией. И все-таки повторюсь еще раз: учиться трудно.

Я знаю семьи, где с этим обстоятельством не считаются: здесь всячески поощряются и непомерно долгий день за книгами и чрезмерное умственное напряжение.

За подобную интенсификацию умственного труда, к сожалению, приходится платить немалую цену. Прежде всего, непоправимый ущерб наносится здоровью. Бледные щеки, беспокойный сон, дурной аппетит — им порой не придают значения. Старшие радуются хорошим отметкам в дневнике и не замечают опасной сини под глазами хозяйки дневника. А ведь здоровье имеет коварную особенность: его нетрудно растерять и нелегко обрести вновь.

Та же проблема поворачивается и другой стороной: не убивает ли

мелочная и непрестанная опека живой интерес к учению? Мне, например, после прочтения обоих писем показалось, что девушки подошли к тревожной грани: вот-вот возненавидят они и школу, и все эти уроки, от которых ни на секунду никуда не денешься.

Однажды я предложил своим выпускникам анкету, в которой был такой вопрос: «Зачем тебе аттестат о среднем образовании?» Половина ответов совпала: «Чтобы поступить в институт». А вот остальные друг с другом сильно разошлись: «Родители заставляют», «Все пошли и я тоже», «Работать мне еще рано...» Только в одиннадцати случаях (а анкет было сто три!) я прочел то, что мне, учителю, более всего радостно: «Потому что учиться интересно».

Вот такая «арифметика».

Многое прояснила встреча с родителями. Один отец прямо-таки возмущился:

— Интерес! А не слишком ли вы в школах переоцениваете его роль в воспитании? Разве в жизни мы с вами, например, всегда делаем только то, что нам нравится? Ведь вот даже космонавты отдают уйму времени и сил скучным и однообразным тренировкам. А кому охота в мороз выкладывать кирпичные стены? Нет, как хотите, но я над своим сыном никогда не охаю. Пока молод, пусть покорпит как следует над книгами — ему же и польза будет. Потому и разговор с ним у нас всегда короткий: надо!

На первый взгляд может показаться, что человек прав: «надо» — довод и впрямь серьезный. Но только на первый взгляд. Мне «на выручку» пришел другой отец:

— Учиться из-под палки — напрасное дело. У нас в цеху есть молодой паренек: лет восемь назад сбежал из школы после девятого класса. С тех пор и думать забыл об учебе, книгу в руки никогда не возьмет. А почему? Бывало, отец все требовал: «Давай, давай уроки делай!». Даже гулять не разрешал, к телевизору не подпускал.

Горько подумать, что Валя или Оля могут повторить судьбу этого парня: напрочь порвут после школы с миром знаний. Пусть даже они и получат «аттестат» — на что он, постылый, отнявший все радости детства и юности!

«С меня и этого хватит», — говорят подчас вчерашние школьники, имея в виду когда-то полученные знания. Тоненькая серенькая книжечка — свидетельство о среднем образовании — становится для них не путевкой в мир культуры, а всего лишь казенным документом для служебной анкеты. Ум такого че-

ловека через некоторое время напоминает унылую кладовочку, где покоятся давние, устаревшие сведения.

Кто-то, а уж мы, учителя, наверное, не меньше родителей заинтересованы в том, чтобы школьники успешно учились. Но только ли для этого существует школа? Нет и нет! Учитель выкраивает время и для похода, и для кружка, и «Красные следопыты» ему в радость! Жизнь школьного дома увлекательна и разнообразна — к счастью детей и в великую пользу всем нам. Случается, кто-то из родителей допытывается: а что же все-таки «важней» — воспитание или учение? Жизнь давним-давно рассудила этот спор: недоучка-митрофанушка и обыватель с дипломом — они стоят друг друга. Кому от них прок?

Как хорошо что юности мало одних только уроков и учебников, что в свои пятнадцать-шестнадцать лет девушки пытаются выйти за пределы того маленького круга, который определили им родители. Они хотят быть не только ученицами, но и людьми. И подразумевают под этим не так уж мало. Оба письма и логикой своей, и мыслями свидетельствуют о безусловной культуре, о дружбе с книгой, об эрудиции. Перед нами не беззаботные пустышки. Девочки не хотят себе жизни попроще, жизни веселенькой и без обязанностей. Они жаждут общественного дела, изо всех сил тянутся к коллективу, к заботам школьного комсомола, к той большой жизни, которой живет страна.

Что сказать в заключение? Настроен я оптимистически. Разговор у нас шел о вещах непростых, о родителях, равнодушных к судьбам своих детей. Поэтому верю, что они еще и еще раз задумаются над письмами двух старшеклассниц.

*М. ЦЕНЦИПЕР,
директор 437-й московской школы*

*Важно,
чтобы ребенок
прежде всего сам
обладал потребностью
художественного творчества*

...Когда в квартире все засыпали, я тихо прокрадывалась на кухню и устраивалась с книгой на табурете под неярким желтым светом лампы. И уже через несколько минут приходило удивительное ощущение — словно мой горячий лоб планирует над страницами книги, как над новой, еще неведомой страной. Может быть, это воспоминание детства виновато в том, что и теперь чтение у меня невольно связывается с ощущением какой-то невесомости, с внутренним взлетом и — если не бояться слов — с парением души.

Слабый кухонный свет падал на страницы книги, которая называлась «Война и мир». Как я благодарна судьбе, что моя встреча с этой книгой была «преждевременной» (с точки зрения школьной программы), что произошла она не в классе на уроках. Иначе подошел бы ко мне князь Андрей? Обратился бы ко мне с учтивым и низким поклоном: «Я имею удовольствие быть знакомым, ежели графиня помнит меня?»..

И сейчас, когда я, уже учительница, читаю эту сцену ребятам, то не анализирую ее. Просто рассказываю, как десять лет назад в полутемной маленькой кухне мне посчастливилось танцевать с князем Андреем на своем первом — воображаемом! — балу.

Хожу по рядам и разглядываю ребячьи лица. Вспоминаю слова старой литераторши Таисии Михайловны: «Представьте себе, даже нарушения дисциплины на уроке имеют свою «моду». Одно время старшекласники любили доводить учителя до изнурения нескончаемым потоком вопросов и личных мнений. Сейчас в моде другое: смотреть в окно и считать ворон. И совсем, к сожалению, вышло из моды чтение из-под парты».

Действительно, не могу вспомнить случая, когда мне бы пришлось на уроке отбирать у ученика постороннюю книгу. И вдруг пришла поразившая меня мысль: а, кстати, читают ли сейчас вообще в полутемных кухнях по ночам? Кино, телевизор, бесконечные экранизации

классиков литературы... Стоит ли тратить многие часы и дни, чтобы прочесть о том, что уже видел собственными глазами? Я заметила: за книгу после просмотра экранизации берутся главным образом те, кто уже до того ее читал. Экранизация побуждает скорее к перечитыванию. А охоту к чтению, увы, подавляет. Не теряется ли здесь одна из великих человеческих радостей — самому «экранизировать» тихо шуршащие в одиночестве страницы?

Когда читаешь хорошую книгу, она рождается в каждом из нас как бы заново и живет своей — единственной для нас и неведомой для других — жизнью. Богатство и своеобразие этой жизни зависит не только от книги, но и от нашего умения читать. Но так или иначе, всегда это — наша собственная жизнь.

В зале кинотеатра мы смотрим один из бесконечного множества возможных зримых вариантов книги. Можно увидеть и несколько вариантов. Почти одновременно сделаны три экранизации романа Достоевского «Идиот» — японская, французская, советская. Г. Козинцев был семнадцатым кинорежиссером, взявшимся за «Гамлета». Возможно, будет и сто семнадцатый. Но никогда никто не сможет заменить нам того трепетного наслаждения, которое получаешь, когда сам, где-то там, на загадочном экране своего «я» создаешь свою неповторимую экранизацию, в которой ты и режиссер, и оператор, и актер, словом — творец.

Да, чтение вещь особая...

Смотреть на огонь можно часами. Во всяком движении есть что-то завораживающее. А если вдобавок это движение мяча по полю, от направления которого меняется пульс миллионов людей, то смотреть, как говорят, можно сутками. Зрелище!

Когда же открываешь книгу, на ее страницах все недвижимо. Буква к букве, стоят рядками, не шевелятся. Чего тут волноваться?

И все-таки волнуешься. Это потому, что тебя научили из спокойных строчек складывать беспокойные мысли, а за четырехбуквенным словом «м-о-р-е» видеть перекаты зеленых с белыми гребешками волн, слышать их шумные вздохи. Впрочем, кто-нибудь другой за этим словом увидит прежде всего прямую линию горизонта и пересекающий его далекий парус.

Побуждать читателя к сотворчеству — главная задача писателя. Это хорошо видно, например, из характера работы Льва Толстого над текстом. Сравним отрывок из сцены пребывания князя Андрея в От-

**ЧИТАТЬ
И
ЧИТАТЬ!**

радном как он записан в гранках и каким вышел после авторской правки.

Текст гранок:

«Он отворил окно... Перед самым окном был ряд подстриженных *лип*, темных с одной и серебристо освещенных с другой стороны. За *липами* была какая-то блестящая крыша, правее *большая береза*, с серебряными кое-где листьями, и выше ее почти полная луна на светлом, почти беззвездном весеннем небе».

Правка:

«Он отворил окно... Перед самым окном был ряд подстриженных *дерев*, темных с одной и серебристо освещенных с другой стороны. Далее за *черными деревьями* была какая-то блестящая крыша, правее под деревьями какая-то сочная мокрая кудрявая растительность с серебристыми кое-где листьями и стеблями и *большое кудрявое дерево с ярко-белым стволом и сучьями*, и выше его почти полная луна на светлом, почти беззвездном весеннем небе».

Почему Толстой словно избегает называть вещи своими именами? Вместо *лип* пишет *дерев*, вместо *большая береза* — *большое кудрявое дерево с ярко-белым стволом и сучьями*.

Дело-то происходит ночью, и природа предстает в более неопределенном и таинственном виде, чем днем. Но ведь автор знает: деревья эти — липы, а кудрявое дерево с ярко-белым стволом — береза. И все же он не называет их. Отчего? Чтобы читатель сам вовлекался в процесс сотворчества — и в малом и в большом.

Научить такому сотворчеству — не в этом ли главная задача уроков литературы? И как горько, если результат оказывается обратным. Вспоминая одного десятиклассника. Он воистинно заявлял:

— Окончу школу—ни одной книги не трону! Хватит с меня и того, как меня в школе мучили литературой.

Отказаться от книги? Да ведь это значит отказаться от самого себя как мыслящей личности!

Я перечитываю строки Марселя Пруста из его статьи «О чтении»: «Существуют умы, которым род лени или легкомыслие мешают самостоятельно погрузиться в те глубинные области своего «я», где начинается подлинная жизнь духа... Нужно вмешательство, хотя и исходящее от другого, но действующее в глубине нас самих; как раз такое — импульс, идущий от другого

ума, но полученный в уединении». То есть импульс, полученный от книг! Чтение в самом себе есть жизнь автора, слитая с жизнью читателя.

Теперь я иду на каждый свой урок, нагруженная книгами. Несу учащимся пластичную прозу Платонова, добрую драматургию Шварца, стихи Блока, письма Экзюпери. «Читать и читать! — только эти слова теперь твержу я на уроках. Пусть уединение с книгой поможет моим ребятам открыть в себе «подлинную жизнь духа». И потому, кстати, не удовлетворяюсь простым «понравилось — не понравилось», а пытаюсь зацепиться за росток этой жизни. «Нашел ли ты в себе что-нибудь общее с писателем? О чем бы тебе хотелось поговорить с ним? Что переделать в его книгах? В своей жизни?»

Книга — не справочник с готовыми ответами на вопросы жизни. Сама взволнованность, которую порождает книга, именно тем и хороша, что толкает на поиск самостоятельных ответов, будит мысль.

К сожалению, довольно редко охватывают моих учеников «колумбовы изумления» Алеши Пешкова, которые охватили его в момент встречи со скромным книжным сундучком унтера Смурного. Трудно новыми глазами прочесть книгу, когда «в учебном порядке» слышал что-то из нее, а потом и что-то видел на экране.

Иной четырнадцатилетний человек хвалится длинным списком прочитанных книг. Но что это доказывает? Книг много, очень много. Можно стоять перед библиотечными шкафами и понимать, что даже если ты всерьез хочешь заняться литературой, то за всю жизнь прочитаешь лишь скромную часть того, что в них содержится. Дело не в том, сколько книг прочитаешь. Главное — как их читаешь! Читать надо уметь, и следует учить чтению в высшем понимании этого слова — как схватыванию художественной атмосферы произведения, пульсации мысли автора, диалектики чувств его героев. Как умению принимать душой весь процесс творчества, радоваться открытиям художника. А для этого, мне кажется, важно, чтобы ребенок прежде всего сам обладал потребностью и опытом художественного творчества. Я понимаю это не как обучение писательскому ремеслу, а как приучение детей вообще вдумываться, выдумывать, создавать, творить.

Этим можно заниматься с самых ранних лет. Хорошо читать детям вслух. Еще лучше вовлекать их в процесс создания произведения. Приостановите чтение и спросите:

«Как ты думаешь, что будет дальше?» Сначала неуверенная и несмелая догадка, потом воображение нарисует новые картины, и сопоставление их с повествованием автора подтолкнет ребенка к невольному критическому анализу своей фантазии и авторской реальности. Но тем самым читатель глубоко войдет в мир книги.

Помню, как шестиклассник Витя все зимние каникулы писал продолжение повести «Дубровский». Он вручил мне толстую общую тетрадь. Чтобы новая «повесть» была достоверной, ему пришлось глубоко освоить пушкинскую — ведь надо было сохранить верность характеров, логику повествования, ритм событий.

Читаю ребятам самые интересные, на мой взгляд, главы из повестисказки Линдгрена «Пеппи Длинный чулок», потом предлагаю сочинить несколько своих историй о Пеппи. После, читая их, я смеялась до слез от новых проделок маленькой шалуньи, узнавая за ними шутки своих учеников. Именно в это время спрос на книгу увеличился как никогда. Единственный экземпляр перереходил из рук в руки, и горе было тому, кто пытался задержать его на лишний день.

Я поняла, что тема сочинения должна быть такая, чтобы она за живое брала ученика, придавала ему творческую смелость. «Что я умею делать?», «Взрослые, какими я их вижу», «В какой школе я хотел бы учиться», «О лени», «Странности в нашей жизни» — вот какие темы их подзадоривают. Теперь они уже познали радость творчества. Им понятны поиски художника, они радуются его художественным находкам.

Приобщая детей к творчеству, мы помогаем им почувствовать, что «главное в художественном произведении — душа автора» (Л. Толстой). Именно тогда они поймут, что высшей ценностью является общение с художником. Творческое общение есть смысл не только искусства, но и жизни. Такое общение превращается в дружбу — дружбу бескорыстную, свободную — с самыми умными и чуткими людьми. Стоит только вообразить: Шекспир, Маяковский, Андерсен, Чехов... Разве детям и взрослым не хотелось поговорить с этими людьми или просто послушать их, разве не хотелось бы проникнуть в их душу и познать ее? Так что же медлить! Быстрее брать книгу и читать ее. Ведь нигде человеческий гений не выражает себя более ясно и могуче, чем в своих книгах.

Л. ДЕМИНА,
учительница

друзья на время

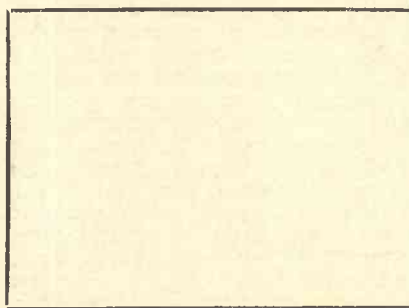
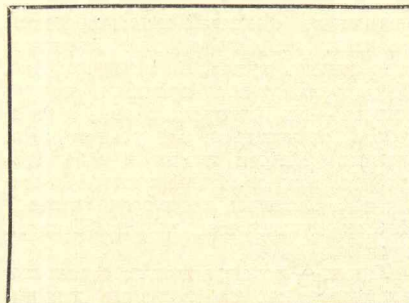
«У меня есть маленький, желторотенький воробушек, но я не знаю, успеете ли вы мне помочь. Я ему ложку в ротик с размятыми мухами, а он не ест... Как можно скорей ответьте, чем его кормить и как с ним обращаться? Он может умереть, мне его жалко, он такой беспомощный. Извините, что так плохо пишу, тороплюсь скорей отправить письмо. 29 июня 1971 года. Таня Г., Ставропольский край».

Когда Таня срочно просила о помощи, я был в Карелии, жил в небольшом поселке и каждое утро спускался от своего дома к озеру за водой. Рядом с тропинкой уже поднимался плотным кустом будущий бурьян. И вот в этом бурьяне я и разглядел мертвого скворчонка. Через день там же я увидел и второго, полуоперившегося птенца-скворца, а рядом с ним покоился пушистый птенец совы...

На тельцах птенцов не было следов увечья — видимо, они просто погибли от болезни и голода. Но кто приносил и складывал здесь погибших птенцов?

«Следствие» продолжалось недолго... Два растерянных пацана поделились со мной своим горем: вот уже с неделю они выискивают птенцов, приносят их домой, стараются накормить хоть чем, чтобы потом по-настоящему дрессировать... Птенцы, увы, погибают. И вот сейчас у них дома тоже сидит и второй день ничего не ест новый скворчонок...

Выхаживать птенцов мне пришлось часто и сейчас могу только подтвердить, что выходить желторотого птенца, взятого из гнезда, и даже птенца-слетка, который уже

покинул гнездо, но еще не научился как следует летать, очень трудно.

Но если птенец все-таки появился дома, его надо тут же вернуть обратно, хотя даже и такое немедленное возвращение птенца не всегда бывает удачным... Бывает, что птицы-родители отказываются от птенца, которого вынули из гнезда.

Дети должны знать: никаких птенцов, вынутых из гнезда или «подобранных» в лесу из жалости! К птицам мы обязаны привить настоящую любовь и глубочайшее уважение, то уважение, которое, видимо, и имел в виду доктор биологических наук Н. А. Гладков, когда называл одну из своих книг «Тише, птицы на гнездах...»

«Однажды всем классом мы пошли в поле. И вот тут увидели гнездо. Это было гнездо чайки. В нем было несколько яиц. К гнездышку мы близко не подошли, потому что это могло встревожить мать-чайку. Мы видели, что у нас над головами кружится чайка и громко кричит. Чайка нас отводила все дальше и дальше. И когда мы отошли далеко, чайка вернулась к гнезду. Когда мы вернулись домой, то спросили нашу учительницу по биологии Юлию Александровну о чайке. Она и сказала нам, что своим криком чайка уведила нас от гнезда. Вот как чайка уберегла своих будущих птенцов. Таня В., Полтавская область».

Сколько в этом письме умной сердечности, рожденной встречей с беззаветной отвагой матери ради «будущих птенцов»... И главное, что ребята узнали беспокойство за любовь, чувство, которое сильнее, чем приобретение любимого предмета.

Живая природа преподает сложную, но очень нужную настоящему человеку науку — науку ценить, беречь и нести ответственность за настоящее доверие и настоящую любовь...

Мои маленькие друзья из Карелии, которым никто не помог понять закон великой любви, пережили горечь потери. Я много раз встречал потом этих ребят, которые с раннего детства знали, что для лошади есть кнут и палка, а для курицы обязательно найдется под-

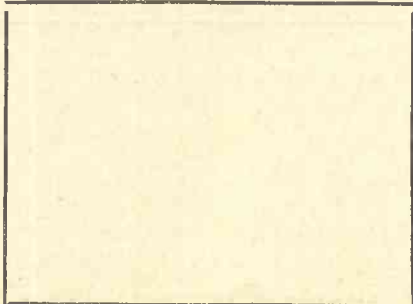
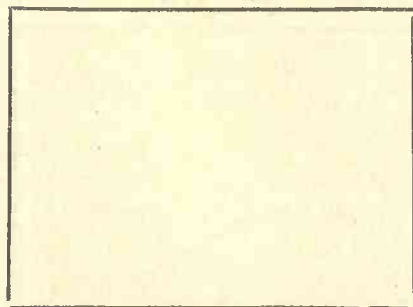

ходящая кастрюля. Мы часто вместе ловили рыбу, уходили на озеро к дальним островам, вместе пробивались через крутые ветры и спешно чинили на боковой волне вдруг заглухший мотор, и я увидел, что желание все поближе посмотреть, потрогать, заглянуть внутрь, мирно ужилось у моих отважных друзей с великой мудростью: «Тише, птицы на гнездах...» Мне чистосердечно верилось, что эти неуправляемые папанята, которым не страшны самая крутая волна на озере, буреломный ветер, теперь, увидев в лесу гнездо, поступят именно так, как поступили друзья Тани В., встретив в поле чайку...

И все-таки птенцы, ежата, зайчата, лисята попадают в наши дома. Некоторым удается их выводить, выкормить. И что дальше? Как сложится судьба лесных малышей, вскормленных дома?

«Мальчишки разорили гнездо белки. Двух голеньких, слепых бельчат сестра принесла домой. Ни сами кушать, ни сосать соску они не умели. Выручил случай. У нашей Мурки как раз появились котята, и мы решили отдать бельчат Мурке на воспитание. Сначала мы искупали в тазу вместе бельчат и котят, потеряли их друг о друга, чтобы у них был одинаковый запах. Потом положили всех в решето и поставили на печку. Кошка сначала насторожилась, потом понюхала, вылизала и бельчат, и котят и легла в решето. Так бельчата нашли себе маму. Они выросли, стали красивыми и шаловливыми. К осени котят мы раздали, а бельчата остались. Мурка быстро забыла своих настоящих детей, а к приемным очень привыкла. Белки прыгают в саду, а бедная Мурка бегает внизу и кричит... А конец печальный — бельчат съел соседский кот... Володя Ж., Литовская ССР».

«...А потом Васька вырос и стал красивой лисой. На ночь я выпускал Ваську гулять. Он всегда меня слушался и прибегал на мой зов. Но вот однажды случилась беда — Васька задавил семь кур. После этого мне не раз приходилось выслушивать упреки от родителей и соседей, но расстаться с Васькой я никак не мог. Однажды его чуть не за-

грызли собаки. И тогда я решил, что расстаться надо... Рано утром я взял лисенка и пошел в лес. Не доходя до леса, я остановился и посмотрел на своего друга. И он тоже добро посмотрел на меня своими блестящими глазами. «Прощай, Васька», — сказал я и поцеловал лисенка. Васька весело запрыгал, не понимая, в чем дело. Я снял ошейник и подтолкнул лисенка в сторону леса. «Иди. Иди. Брысь», — как мог сердито крикнул я на него. И Васька поджал хвост и побежал к лесу... Потом он добежал до полянки, остановился и долго смотрел на меня, наверное, не понимая, что случилось. Прощай Васька и будь осторожен... Алик Т., Латвийская ССР».

А помогут ли лисенку, выросшему среди людей, эти слова, будет ли он по-лисий осторожен, не случилось ли с ним уже сейчас то, что случилось с другим лисенком, который тоже вырос среди людей...

«Лиса жила у меня долго и привыкла ко мне. Потом я пошел с ней в лес и хотел отпустить на волю, но она все возвращалась. А потом ее кто-то убил. Мне так ее жалко, и поэтому я очень прошу всех ребят, берегите животных... Вася Е., Калужская область».

Слезы и горе, потери и разочарование — так обычно и оканчивается временная дружба, которую заводят наши дети с детьми леса, если эта дружба приобретается нашими детьми только для себя.

Но иногда лучше слезы, чем равнодушие, чем желание оправдать себя и «обвинить» зверей в том, что дружба не удалась.

«Однажды мама принесла нам ежа. Он болел, но у нас быстро поправился. Он до того разжирел, что не мог сворачиваться в клубок. А потом он стал скучным, весь день спал, выходил только поесть. Потом он стал облезать. Наверное, ему не хватало каких-то витаминов или он состарился. Мы решили отнести его обратно в лес — там он может вылечить себя травами или умереть на воле... Андрей Ш., Хабаровск».

В этом случае временная дружба затянулась, но конец ее все равно наступил — дети убедили себя, что

природа

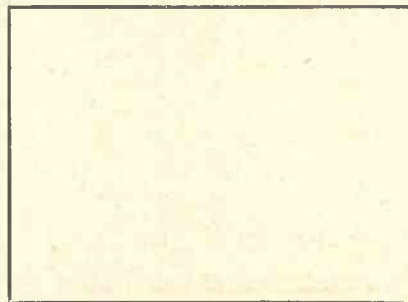
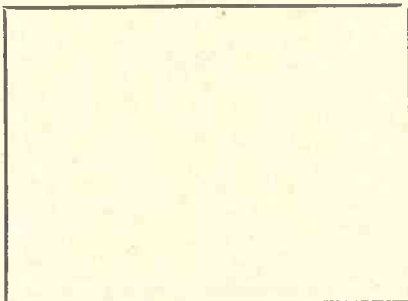
природа

на воле ему будет лучше: либо он вылечится какими-то травами, либо умрет на воле. Пришел холод, пришло равнодушие — любовь, сложившая по воле человека крылья, не вырвалась, не улетела и опять погибла...

Прочтите очень внимательно два письма, которые я приведу ниже. Здесь тоже есть и грусть и, возможно, слезы, но «дружба на время», о которой пойдет дальше речь, так же светла и чиста, как рассказ девочки из Полтавской области о чайке и ее будущих птенчиках...

«Однажды в парке я нашла грача. У него было сломано крыло. Я принесла грача домой. Перевязала ему крыло, накормила. Он сначала боялся меня. Я назвала его Яшкой. Но вот Яшка совсем поправился. И я решила отпустить его. Улетел он от меня пасмурным утром. И теперь я жду весну, жду своего Яшку... Светлана И., Куйбышевская область».

«Однажды в школу принесли филина. У филина было перебито крыло. Тогда я отнесла его домой и посадила в угол за плиту. Фильке, так мы назвали нового жильца, жильё понравилось, и он начал рассказывать по кухне. Вечером я предложила ему кусок мяса, но Филька отказался. Тогда я порезала мясо на мелкие кусочки и начала давать их филину. И он охотно принялся за еду. Филька быстро поправлялся. Когда приходили чужие люди, он сердился. Затем Филька начал понемногу летать — он уже летал из одной комнаты в другую. Мы решили, что наш питомец уже выздоровел, и хотели его отпустить. Мама слегка подтолкнула птицу вверх, но филин несколько раз взмахнул крыльями и рухнул на землю. Очевидно, крыло еще не зажило. Через неделю мы снова вынесли Фильку на балкон. На этот раз он поднялся на крыло и стал плавно летать около нас, потом щелкнул клювом, облетел аллею и снова спустился на балкон — он никак не хотел улетать. Но любовь к свободе победила. Филька снова поднялся вверх, описал круг над нашими домами и через город полетел в сторону леса. Только тут

мы заметили, что под балконом собрались люди — они тоже, оказывается, провожали нашего Фильку... Светлана А., город Трубчевск».

Птицы были спасены человеком, человек вернул им жизнь, но не стал задерживать, не успел сломать привычный ритм птичьей жизни — он вернул птицам крылья и предоставил свободу.

Грустно было расставаться девочкам и с грачом Яшкой, и с филином Филькой, но эта грусть, пожалуй, сродни той самой светлой любви к живому, когда отдаешь любви всего себя и ничего не просишь взамен. Эта грусть — великий учитель добра и человеческого бескорыстия...

Вот почему, категорически запрещая своим юным друзьям тревожить птиц на гнездах, вынимать из гнезда птенцов, подбирать в лесу птенцов-слетков, приносить домой ежей, зайчат, лисят, я часто говорю мальчишкам и девочкам в ответных письмах: «Учитесь лечить зверей, станьте тем добрым доктором Айболитом, который откликнется на любую боль, спасет зайчонка с переломанной лапкой, галчонка с подбитым крылом, выводит их, но не задержит, а тут же выпустит на свободу. Вот где настоящая дружба с животными. Учитесь беречь и спасать птиц и зверей...»

А помочь в этой глубоко человеческой науке детям обязаны мы, родители, чтобы дети еще в самом начале своей дороги по жизни узнали и научились ценить настоящие человеческие чувства: верность и бескорыстие...

А если уж добавлять что-то ко всему сказанному, то только вот какие слова:

«Я всегда думала, что расставаться с птичкой, которую спасла, вылечила, очень горько. А теперь я знаю, что это не так. Я спасла синичку и отпустила ее. Она вылетела из моей руки. Села на веточку и начала так весело чирикать, что я вместо слез улыбнулась. Спасибо тебе, синичка».

Анатолий ОНЕГОВ

При этом известии в доме неизменно воцаряется шумное ликование. Целую неделю дети одолевают вопросами: «А что мы увидим? А где мы будем сидеть?» При этом они становятся удивительно послушными и проворнее обычного выполняют даже самые скучные поручения и просьбы.

И не потому, что театр для них — это награда за хорошее поведение или за хорошие отметки в школе. Нет, такой связи нет. Просто предтеатральная неделя — это ожидание большого праздника.

А вечерами все вместе мы читаем — читаем то, что в воскресенье нам предстоит увидеть (если, конечно, это возможно). Мы читаем маленькими кусочками «Волшебника изумрудного города» и фантазируем: «А как буря унесет домик Элли? А какими будут Страшила, Дровосек и Тотошка? А Изумрудный город — какого он цвета?»

Но вот долгожданный день наступил. Дети не любят торопливости, совершенно не понимают взрослых, которые бегут в театр с такой же стремительностью, как утром на работу. Мы отправляемся в театр заранее, бродим по пустым еще коридорам, смотрим фотографии на стенах: знакомимся с театром и его историей.

Усевшись в кресла, дети ежесекундно спрашивают: «Ну скоро? Чего же не начинают?»

Если взрослый человек никогда не был в детском театре — он просто не видел настоящих зрителей. Дети бурно реагируют на все, что происходит на сцене. На детском спектакле в зрительном зале нет благоговейной тишины. Если за кулисами прячется злодей, а героиня беспечно собирает на авансцене цветочки, дети громкими криками предупреждают ее об этом.

Иногда я говорю своим: «Ну что вы кричите? Ведь вы знаете, что произойдет. Мы же читали с вами вчера книжку!» По их глазам я вижу, что они понимают все, но где-то в глубине детских душ, не терпящих несправедливости, теплится надежда: а вдруг? А вдруг все пойдет иначе?

Но вообще я их не одергиваю — пусть кричат, возмущаются, радуются. Вести себя в театре (с точки зрения взрослых) они с годами сами научатся.

Хуже другое — когда они сидят тихо, ничему не удивляясь и ни от чего не приходя в восторг.

событие семейного значения

ИДЕМ В ТЕАТР!

В антракте из зала все разбегаются — пить воду, грызть яблоки, конфеты. Дети, взрослые терпеливо выстаивают весь антракт, чтобы на ходу, под третий звонок, прожевать свое «театральное» пирожное. Я понимаю — есть в этом своя прелесть: сесть за стол, выпить любимую фруктовую воду, которая всегда связывается с праздником. Но если уж так не получается — стоит ли внушать детям мысль, что это — обязательно? Ведь этого времени, когда они еще все — на сцене, больше не будет, и не взрослый ли виноват в том, что дети могут вскочить, едва приметив в репликах близкий антракт, и броситься к выходу. Мне кажется, именно в эти 10—15 минут антракта очень важно «разговорить» детей, не разрушая настроения от спектакля. И если у вас завяжется разговор, он будет интересен и для вас, обязательно.

Малыш свято верит в реальность всего происходящего на сцене. Я помню, как мы с сыном (ему было лет пять) в первый раз пошли в театр. В антракте я предложила ему спуститься вниз с балкона, где мы сидели, к сцене. Он наотрез отказался. Оказывается, он боялся черной птицы, которая, появляясь по ходу действия на сцене, повергала главных героев в неопытный ужас. Я объяснила, что никакой птицы нет, что это актриса и что сейчас, в антракте, она тоже отдыхает, — ничего не пошло.

С годами, с опытом, эта вера перестает быть беспредельной. Червь сомнения грызет ребенка и он уже задает вопросы:

— Это настоящий заяц или сделанный из человека?

— А действительно злая волшебница сгорела в костре?

Пока не раздастся звонок, вопросы не прекращаются.

Я слышала, как один папа на подобные вопросы отвечал так, как будто лично ему поручена охрана театральных «тайн». «Зайчик? Конечно, настоящий!» — «А почему он говорит?» — «Потому что говорящий!» — «А разве такие бывают?» — «Конечно!»

Я не сторонница подобных мистификаций, тем более что, накопив даже очень небольшой театральный опыт, ребенок поймет, что его обманывали. Я подробно рассказываю детям, что знаю сама: о люках в сцене, о поворотном круге, о световых эффектах, о целых цехах, где шьют костюмы лисы, зайца, волка и рисуют величественные замки.

Но вот спектакль окончен. Дети, конечно, устали, но они покидают зал нехотя, с сожалением. Однажды наш сосед — маленький мальчик залился слезами, когда закончился спектакль. Я спросила его, почему он плачет. Может, ему не понравилось все, что он увидел? Оказалось, он плакал оттого, что все кончилось. И так горько плакал — не капризно, а именно горько.

Нам тоже немножко грустно. Но зато дома дети преобразуются. Они пересказывают домашним все, что видели, и не просто пересказывают, а показывают. Они играют в героев, тут же на ходу сочиняя свой текст. И не во всех героев играют. Наблюдая их выбор, я не раз поражалась их чуткости к мастерству актеров и драматургов.

А иногда (это бывает редко, но все-таки бывает) дети не вспоминают спектакль. Словно бы и не видели его. На вопросы домашних ограничиваются ответами: «Ничего».

Значит, спектакль им не понравился. Ну что же, это бывает. И вот тут уже вмешиваюсь я — надо расшевелить детей, заставить их говорить, чтобы и я, и они, в первую очередь, поняли, почему же театр обманул их ожидания.

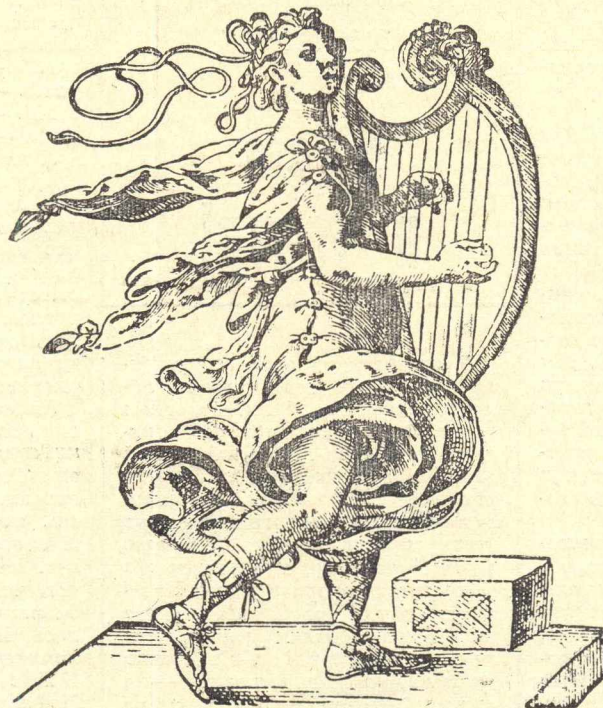
Воскресный спектакль еще долго живет в нашем доме. И вот вроде бы поутихли о нем разговоры, померкли воспоминания, а впереди уже новое ожидание нового праздника. И вдруг я слышу из коридора звонкий голос сына:

— Стой, злодей! — кричит он незримому врагу. — Я знаменитый разбойник Робин Гуд!

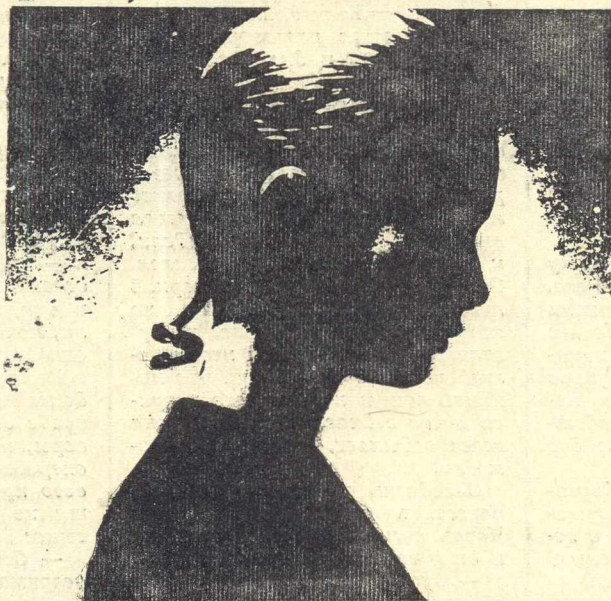
Г. ТЕРЕХОВА

музыка и каждый из нас

ТАНЯ, МУЗЫКА И...

Пусть в нашем разговоре все будет ясно с самого начала. Речь пойдет о музыке. Но мы же будем выяснять, почему одна из симфоний Шуберта называется «Неоконченной», не будем интересоваться, сколько и каких музыкальных произведений написано на сюжет «Снегурочки», и даже, как это ни странно, не станем объяснять, что же это такая за штука «соната».

Нас будут интересовать вопросы иного рода. Их у нас великое множество. И опять-таки с самого начала хочу предупредить, что далеко не уверен, сумею ли мы ответить даже на малую часть из них.

Какое место принадлежит музыке в современном воспитании и образовании? Стоит ли заниматься музыкой всем или только одаренным детям? Многие хорошие, умные, культурные люди живут вне музыкальных интересов — так надо ли тратить на музыку силы и время? Ведь нужно заниматься математикой, физикой, технической самодеятельностью, заниматься и спортом, который хотя и отнимает много времени, но укрепляет здоровье, а занятия музыкой школьника утомляют — зачем же заставлять его сидеть за инструментом? Тем более ни для кого не секрет, что, кончив музыкальную школу, многие подростки тут же теряют всякий интерес к игре на рояле или на скрипке...

А музыкальные занятия в обычной общеобразовательной школе? На них отводятся многие часы, дети прилежно отсиживают их в классах, слушают учителя, отвечают урок, а становятся ли они после этого теми, кого называют просвещенными любителями музыки? После уроков литературы, хуже или лучше, большинство из нас все-таки умеет разобратся в характерах героев романа, в композиции произведения, может почувствовать красоту пейзажных описаний или оценить благозвучие стихотворной строки. А после школьных уроков музыки? Разве мы лучше слышим теперь главную и побочную партии симфонии Бетховена? Или внимательнее следим за развитием разработки? Или... Но обойдемся без специальной терминологии. Просто спросим у ребят, становится ли после школьных музыкальных уроков музыка им ближе, дороже, нужнее?

А у тех парней, что каждый вечер торчат во дворе или в подъезде компанией в пять-семь человек и часами слушают звуки гитары и что-то такое поют,— спросим у этих парней, что для них значит музыка? Почему их тянет сюда, в полутемный подъезд, а не в сияющий

хрустальными люстрами концертный зал, к однообразным аккордам шести гитарных струн, а не к многокрасочной звуковой палитре оркестра, не к скромному колориту камерного квартета? И еще: джазовую музыку в школах не изучают, но почему к ней тянется молодежь? А танцы на вечеринках под ритмический грохот динамика или магнитофона, танцы, которые вкуче с длинными волосами так раздражают родителей и педагогов,— что это за явление? Имеет ли оно какое-то отношение к музыке вообще и к музыкальному воспитанию в частности? Может быть, тут мы выходим за пределы принятых представлений о музыке как о возвышенном и прекрасном искусстве и вступаем в сферу сомнительного толка развлечений, неразвитых вкусов и чувств? Музыка «настоящая» — сама по себе, а танцплощадка и эта «ненастоящая» музыка — тоже сами по себе?

Вопросы, вопросы, вопросы... Не сегодня они возникли. Решают их солидные люди в серьезных учреждениях; решают их и дома обыкновенные мамы и папы. Кого-то они не занимают вовсе, а кого-то мучают, как сложнейшая жизненная проблема.

В их числе — в числе тех, кто в растерянности и с надеждой размышляет о месте музыки в своей жизни, — школьница Таня Т., приславшая нам вот какое письмо:

«Дорогая редакция! Простите, если обращаюсь не по адресу. Но я читаю «Семью и школу» с большим удовольствием и благодарностью ко всем авторам журнала и убеждаюсь, что ваш журнал помогает многим и по различным вопросам. Поэтому и решила написать.

Мне 17 лет. И иногда я себя считаю обкраденной. А дело в том, что я не понимаю музыки. Я ее слышу, но не понимаю. Я чувствую, что музыка — это что-то большое, великое и красивое. Иногда я сравниваю себя со слепым, который по рассказам знает, как красиво голубое небо с синими облаками, но не может его видеть. Так и я, понимаю, что музыка — это что-то замечательное, но мне она не доступна.

Может быть, уже поздно учиться слушать и понимать музыку, ведь я уже заканчиваю десятый класс. А может быть, я не могу понимать музыку, потому что нет совершенно музыкального слуха, я даже не пою песни, только иногда тихо, как бы про себя.

Если сможете, то посоветуйте, пожалуйста, как быть, как научиться слушать и понимать музыку. Мне

говорят, что понимать музыку — это врожденный талант. От этого делается как-то страшно. Жить рядом с Музыкой и не понимать ее!
Я живу в маленьком городе, и поэтому обратиться здесь не к кому. Помогите, пожалуйста. Таня Т.»

Ну что же, можно бы Тане и помочь. Посоветовать. Дать на страницах журнала ряд рецептов. И лично я мог бы, например, на Танино письмо написать ответ в таком, приблизительно, виде:

«Верно, Таня, музыка — это действительно большое, великое и красивое. Известно, какое значительное место занимала она в жизни великих людей (следует ряд примеров и соответствующих высказываний). Очень хорошо, что ты чувствуешь, как прекрасна музыка, это значит, что для тебя не все потеряно. Не важно, что тебе уже 17 лет: учиться никогда не поздно, и учиться понимать музыку тоже не поздно. Не важно, что у тебя нет слуха: ведь ты же не собираешься стать музыкантом. К тому же известно, что слух можно развить. Советую тебе больше слушать хорошей музыки, сначала не очень трудной, потом более сложной (следует тщательно подобранный перечень классических произведений — от романса Чайковского «Лизочка» до Девятой симфонии Бетховена); больше читай книг о музыке (приводится список рекомендуемой литературы); слушай радио; слушай пластинки; посещай концерты; не мешало бы научиться играть на каком-либо инструменте (даже по самоучителю), это тоже никогда не поздно, а для постижения музыки весьма полезно. Вот, Таня, таким образом. Желаю успеха».

Не хочу сказать, что такого рода советы совсем уж бесполезны. Наверно, кому-то польза от них есть, иначе зачем же они раздаются время от времени по радио или из уст лекторов, которые выступают перед концертом артистов областной филармонии и по сорок минут говорят на тему «Как научиться понимать музыку?» Правда, я очень хотел бы познакомиться с человеком, который именно посредством таких рекомендаций пришел к музыке...

Боюсь, что Таня Т. не из тех, кто ждет ответов, подобных вышеприведенному. Дело в том, что такие советы становятся не нужны с того момента, когда человек начинает понимать одну истину: способность к восприятию искусства (в частности, музыки) — это свойство личности, и возникает эта способность не на основе «переваривания» некоей суммы знаний (в частности, музыкальных), а на основе куда бо-

лее глубокой. В этом случае вопрос: «Как научиться понимать музыку?» быстро сменяется другим: «Может ли данная личность достичь такого духовного и эмоционального уровня, чтобы музыка ей стала доступна и необходима?»

В этом «может ли» — сама жизнь, сама реальность, те условия, в каких данная личность развивалась и продолжает развиваться сейчас...

Но почему я так уверенно говорю о Тане Т., что она представляет всю сложность вопроса, с которым обратилась к редакции? Разве это ясно из ее письма?

Кое-что и в самом деле из ее письма ясно. Согласитесь, что осознание неудовлетворенности — уже есть шаг к преодолению ее.

А это признание, что «я даже не пишу песни, только иногда тихо»?

Ах, Таня, многим далеко до тебя, тем, кто не может понять, что музыка — это именно «тихо», именно «как бы про себя», в глубине, внутри, а не в динамике, стоящем на подоконнике, и не в транзисторе посреди полуденного леса!

Итак, кое-что о Тане было ясно с самого начала. Но хотелось узнать о ней больше, чтобы проблема «музыка — личность» приобрела более определенную форму.

По просьбе редакции Таня Т. прислала еще одно письмо, в котором подробнее рассказала о себе. Она живет в небольшом, районного масштаба, городке. Родители Тани — достойные люди, оба рабочие. В семье несколько детей. Родители заботятся, чтобы дети их были сыты, одеты и обуты, учились, хотят, чтобы они получили высшее образование. Как можно понять, Таня растет в хорошей семье, где царят нормальные, здоровые отношения.

По-видимому, школа, в которой Таня учится, — обычная и совсем неплохая школа, где бывают довольно интересные вечера самодеятельности, где многие увлекаются спортом, где преподают учителя и очень хорошие и не очень, как судит о них Таня. «Школу я свою люблю, она дала мне и моим друзьям очень многое».

Ну, а музыка? Была ли она в Танином окружении?

Оказывается, была. Дома ценят хорошую песню, отец любит русские романы, особенно когда они звучат по радио в исполнении Долухановой, Лемешева, Виноградова. Популярную передачу «Встреча с песней» (добавим от себя — одну из лучших музыкальных радиопередач) слушают всей семьей.

В Танином классе есть пять-шесть человек, окончивших городскую музыкальную школу, все ребята мо-

гут иногда с удовольствием спеть, с еще большим удовольствием послушать современную эстрадную музыку («Часто — плохую», — пишет Таня). В город приезжают артисты, обычно с эстрадными концертами. Раз в месяц проводятся занятия музыкально-литературного лектория, который пропагандирует серьезную музыку, и тогда музыканты областной филармонии дают полтора-двухчасовой концерт.

Тут, кажется, пора и воскликнуть: «А ведь не так-то плохо! Конечно, не Москва и не Ленинград, но у Тани было не так-то мало возможностей узнать музыку: и радио, и концерты, и музыкальная школа!..» Однако повременим с восклицаниями и снова предоставим Тане слово:

«Прививали ли мои родители детям интерес к искусству, в частности к музыке? Скорее всего, нет. Они просто не считали это важным. Так вот, родители не занимались нашим эстетическим воспитанием. И я их не могу винить в этом. Можно прожить без музыки — так думают многие. И действительно, живут, работают, делают много полезного и нужного, растят детей... И такое, я повторяю, не только в моей семье. В школе людей, увлекающихся искусством, нет. Вопросам искусства времени почти не уделяется, наверно, считают, что это дело каждого: хочешь увлекаться — увлекайся!»

И вот Таня сама — больше путем размышлений, чем следуя велению чувства прекрасного, которого она, конечно же, не лишена, — приходит к выводу, что она обкрадена:

«Тысячи людей не мыслят себе жизни без музыки, значит, она помогает жить, творить, мечтать, она делает людей духовно богаче, чище, тоньше. Почему же я не могу понимать ее?... Порой слушаешь и не замечаешь, как перестала слышать звучащее, мысли уходят в сторону. Как будто знаешь, что декламируют замечательные стихи, но они на чужом языке, они не трогают... Вы, наверно, возмутитесь моим невежеством, если я вам скажу, что не понимаю даже «Аппассионаты». Да, это так. Писать об этом очень больно...»

Нет, Таня, я не буду возмущаться. Я порадуюсь. Потому что ты и Музыка встретитесь неизбежно, пусть с опозданием на десять, на пятнадцать лет, но это вот-вот произойдет, если ты так страстно жаждешь встречи с нею. А что касается Аппассионаты — «даже Аппассиона-

ты», как ты пишешь... Вряд ли в семнадцатилетнем возрасте кто-либо способен воспринять и осмыслить это грандиозное творение — разве лишь некую толику его. Бывает, слушаешь прекрасного молодого пианиста, лауреата международных конкурсов, который очень увлеченно, с техническим совершенством исполняет Аппассионату, — и думаешь: рано за нее он взялся, он еще слишком юн, играл бы пока что-то другое...

Но вернемся к тому, что рассказали нам оба письма, и попробуем, как положено, все обобщить, сформулировать и сделать какие-то выводы.

Обыкновенный город, таких у нас сотни, если не тысячи; обыкновенная школа, каких десятки тысяч; обыкновенная семья, одна из сотен тысяч семей. И девочка Таня — одна из миллионеров. У Тани было все: любящие родители, хорошие учителя, друзья, умные книги — обыкновенное мирное, безоблачное детство, какого все мы желаем своим детям; обыкновенная светлая юность, с раздумьями о будущем, с мечтами о счастливой, полезной, по-настоящему красивой жизни. У Тани есть всё. Всё ли? Нет музыки.

«Помогите, пожалуйста».

Если бы только ей... Она-то, — повторяю это еще и еще раз, чтобы вновь проверить свою убежденность, — она-то не будет жить без музыки... Но помочь остальным — миллионам, что стоят за нею... Тем, кому семнадцать, и тем, кому семь. Поможем ли мы им? Хотим ли? Умеем ли?

Вопросы, вопросы, вопросы... Похоже, что от них не уйти. Вопросы такие, что или отговориться ответом самым общим и потому бесполезным, или начинать думать над ними серьезно, по-деловому.

Давайте пойдем по второму пути. И поэтому давайте не станем пока что, как это было обещано, делать положенных обобщений, формулировок и выводов: делать их рано.

Лучше мы продолжим беседу, поделимся друг с другом раздумьями и не испугаемся, если начнем ставить перед собой все новые и новые вопросы. Хорошо, если будут новые письма. Хорошо, если нам удастся побеседовать и со школьниками, такими, как Таня, и с родителями, и с педагогами, и с музыкантами.

«Музыка — и каждый из нас». Пусть это будет темой наших размышлений. А сумеем ли мы сделать нужные выводы и найти ответы — что ж, сообщая, может быть, и сумеем?..

Ф. РОЗИНЕР

Скажи кто-нибудь в 1631 году месье Поклену, что перед его домом на улице Сент-Оноре, украшенным резным орнаментом из апельсиновых деревьев с лакомнами-обезьянками (и, конечно же, прозванным «обезьянником»), будут останавливаться приезжие англичане, немцы, итальянцы и куда более отдаленные соседи, он принял бы это как должное. Всем могут понадобиться услуги обойщика короля, только что пожалованного званием шевалье и славного своим умением подобрать ткани для драпировок, благородный узор тисненой кожи, расцветку и сюжет изящного gobele... Простите, еще не gobelena — араццы, шпалеры, тканого ковра. Свое нынешнее название они получают немного позже, в последние десятилетия века, когда под покровительством всемогущего Кольбера красильня и ткацкая месье Гобелена на ручье Бьевр станут «Королевской мануфактурой». А пока что король обойщиков или, по крайней мере, один из восьми министров — Жан Батист Поклен, отец которого был обойщиком, и дед, и брат Николая, и даже тесть Людовик Крессе. Человеку, достигшему положения месье Поклена, трудно удивляться, что перед его домом останавливаются иностранцы. Но если бы наш воображаемый провидец продолжал настаивать и сказал, что к дому № 96, построенному на месте «обезьянника», путешественники будут продолжать стремиться и через триста лет, шевалье, возможно, остался бы доволен любезностью собеседника, но принять откровенную лезть за чистую монету... — для этого он слишком хорошо разбирался в ценах.

И тут дело не в скромности. Просто в 1631 году, да и позже, месье Поклен не ведал своей основной заслуги перед Францией и человечеством. Он продолжал стараться упорчить и расширить свое дело, не подозревая, что главное дело его жизни состоялось уже девять лет назад, когда в «обезьяннике» появился на свет Жан Батист Поклен-младший, будущий Мольер.

Отмыкая все запертые замки и раздирая пеленки (что, как известно, облегчает роды), озбоченный месье Поклен не мог раздоргать завесу будущего, иначе его беспокойство изменило бы свое направление — через двадцать один год горячо ожидаемый первенец отказался от цеховой привилегии отца ради балаганной профессии лицедея. Спасли месье Поклена от сердечного удара могло бы лишь очень крутое средство: принудить себя смотреть дальше, когда первым побуждением всякого нормального человека было бы — с содроганием отвернуться от представшей картины. И в таком рискованном случае (вслед за чередующимися сценами провалов, которые были суждены всем начинаниям его первенца, вслед за видениями неоплаченных счетов, долговых расписок и, наконец, тюрьмы, куда Жан Батист-младший попал после краха «Блистательного театра») многострадальный месье Поклен утешился бы горделивым созерцанием 28 февраля 1664 года, когда крестным отцом его внука согласился быть сам король-Солнце, Людовик XIV. Знай будущий родственник королевского крестника об этом грядущем событии, он бы, пожалуй, отнесся к склонностям сына с большим сочувствием — ведь по сути дела он был добр и принуждал наследника обивать стены ради его же блага. Но, слава богу, этого не произошло и родительское сопротивление стало тем пробным камнем, о который Поклен-младший отточил свою актерскую шпагу.

детство замечательных людей

мольер

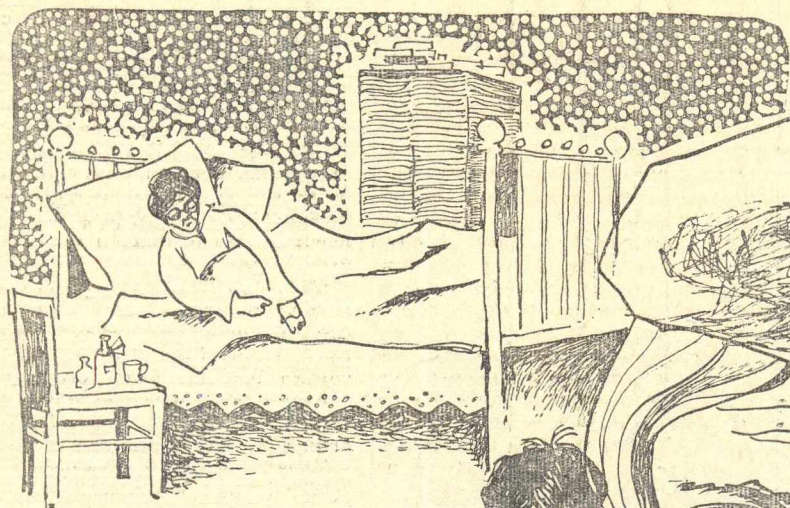
Жизнь наследного обойщика рано разделилась на две неравные части. В одной из них белокурый толстогубий и медлительный мальчик, заикаясь, переспрашивал у отцовских мастеров названия сортов фурнитурного дерева и красок для драпировочных материй, ходил в приходскую школу, зубрил латинскую грамматику и четыре правила арифметики, заучивал круг церковного календаря. А в другой, гораздо меньшей по времени — всего каких-нибудь несколько часов в неделю, — сонный Поклен превращался в маленького Мольера: душу его сотрясали властные, обжигающие переживания, он радовался и страдал, загадывал и надеялся, впадал в отчаяние и умирал от смеха. Это преобразование происходило с мальчиком на углу улицы Мокансейль в Бургонском отеле, или на Болоте, или по третьему адресу — у Нового Моста.

В зале Бургонского отеля волновал публику немыми страстями сладкоголосый, плавный Бельроз, взрывы смеха уже издали встречали красный берет Гро-Гильома, черный навоз и громадные очки Готье-Гарюиля, старушечьи чепцы Алисона. Сцена Театра на Болоте содрогалась от громового голоса трагика Мондори, а у Нового Моста хривелись, скакали и драли насмешливые глотки полишенели из балагана Кристофа Контуджи, рискованного шарлатана,

предлагавшего лекарства от всех болезней. Проводником Жана в этой стране бутаторских чудес был его дедушка Луи Крессе, который не просто потакал внуку из родственной снисходительности, а вместе с ним охотно попадал в пеструю нарусь переживаний, оставлявшую двух заведомо в опустошительном и слабоем изнеможении. Луи Крессе за руку привел Жана к подмосткам, осыпая детскую привязанность своим одобрением и отстоял право внука следовать склонностям в долгих и, наверняка, бурных спорах с рассерженным зятем. Им всем было трудно: десятилетнему Жану, упрямившемуся отцу отказать от своих планов обучения наследника и отдать его в коллеж; Жану Поклену-старшему, который от всего сердца желал своему сыну наивысшего блага (ну кто виноват, что это благо воплощалось для него в ремесле обойщика и потомственным званием придворного камердинера!); и деду Луи Крессе, решительно вставшему на сторону своего внука. Может быть, общее соглашение далось бы им гораздо легче, будь рядом кроткая и спокойная Мария Крессе, умевшая сглаживать острые углы одним своим тихим, умиротворяющим присутствием, но мать Жана умерла прошедшей весной и свое первое сколько-нибудь самостоятельное предприятие будущий Мольер начинал без ее благословения и поддержки. Как бы там ни было, начинание удалось (редкий случай в общей судьбе мольеровских затей): через пять лет Жан Батист закончил Клермонский коллеж, находившийся в ведении ордена иезуитов, где он благополучно прошел не только древнюю историю, литературу, юриспруденцию, начатки естественных наук, латинский и греческий, философию и богословие, но и фехтование, танцы, секреты придворного обращения. На торжественных выступлениях клермонцы разыгрывали пьесы Публия Теренция и Луция Сенеки-младшего, в которых Жан Батист, уж верно, не упустил случая принять участие. В клермонской затее (хотя она и была ему не по сердцу) отец уступил, теперь настал черед Жана проявить понимание и великодушие — в 1637 году он принимает присягу славного цеха королевских обойщиков. Но на большее его не хватило. Все дальнейшие действия Поклена-младшего говорят о том, что он уже решился расстаться с потомственной профессией: в 1641 году он отправляется в Орлеан и держит экзамен на степень лиценциата прав, а осенью будущего года переезжает от отца под предлогом дальнейшего усовершенствования в юриспруденции... Только нежелание расстаться со своими родительскими мечтами помогало шевалье Поклену сохранять надежду, что сын все же вернется к наследственному ремеслу и продолжит дело его жизни. Едва переждав праздничные новогодние дни, в первых числах 1643 года Жан Батист явился в отцовский дом и сообщил о своем окончательном намерении порвать и с королевскими обоями, и с адвокатской мантией — отныне он посвящает себя театру. Отец пришел в ужас, упрощивал, грозил, сулил подарки, предвещал несчастья, если непокорный сын не откажется от своего безумного предприятия. И поначалу оказался провидцем: дела Жана пошли так худо, что уже через год он был вынужден сменить свою фамилию, известную всему Парижу, и назваться Мольером — именем, которое прославляло семью Покленов по всему миру.

В. ШАТЧЕНИН

Наталья БАРАНСКАЯ

БОРИН ВЕЛОСИПЕД

Рассказ

Художник
В. Востриков

Случай этот произошел с моим братом Борей, теперь уже Борисом Николаевичем, лет двадцать назад. Отец наш, инвалид войны, часто болел. Я была маленькой. О нашей тогдашней жизни знаю по рассказам мамы, которая теперь живет со мной. Отец умер, не дождавшись своего первого внука. Мы с Борей учителя, работаем в школе нашего нового микрорайона. Теперь, когда у обоих свои дети и работаем мы с детьми, история, случившаяся когда-то с Борей, стала для меня по-новому интересной.

В первый день каникул Боря с Юркой договорились кататься на велосипеде. Встретиться решили в двенадцать. Были кое-какие дела: мама, уходя на работу, оставила пять рублей, велела купить масло, картошку и еще сдать молочные бутылки и подмести в комнате. Самое неприятное — бутылки. Пока Боря думал, как бы хорошо не тащить бутылки сегодня, а просто сходить в магазин, стало ясно, что до встречи с Юркой он успеет только подмести. Подметать просто было неинтересно, Боря попробовал дергать щетку то одной правой, то левой рукой. Пока домел до шкафа, устал. Он прислонил щетку к зеркалу и стал приглаживать вихор на затылке. По росту Боре можно дать и пятнадцать, хотя в плечах он узковат, но вихор... С вихром он не сладил, взглянул на часы — ого, без двадцати двенадцать, надо поторопливаться! Пыл так и полетела из-под щетки.

Давно они не катались: Зоя Петровна, Юрина мама, не давала велосипед — у Юрки были неважные отметки. Он хороший товарищ, не жадный, дает Боре ездить сколько хочется. Боря научился быстро, уже руль умеет отпускать, разогнавшись. Велик слушается больше Боря, и Боря любит его больше, чем хозяин: протирает колеса, смазывает, подкачивает шины.

Вот только езда на одном велосипеде по очереди — ерунда. Один стоит и ждет, пока другой объедет вокруг сквера. Поехать бы далеко вдвоем или попробовать наперегонки — вот это интересно. А когда Юра уезжает в пионерлагерь или к бабушке, Боря и вовсе остается без велосипеда. Зоя Петровна ни за что не даст без Юры. И так она всегда говорит: «Помните—велосипед вещь дорогая».

У Бори велосипеда никогда не будет. Мама так и сказала: «Не проси и забудь — это дело безнадежное». Боря все же надежды не теряет. Он считает, что мама зарабатывает не так уж мало — восемьсот рублей. Боря подсчитал — на эти деньги

можно купить массу всякой еды. Например, двести килограмм макарон или почти тонну картошки. А если взять хлеб... Нет, что говорить — математика есть математика. Но мама почему-то постоянно напоминает: «Ты же знаешь, у нас не хватает денег».

Боря подозревает, что мама просто не умеет жить. Он слышал, как одна их соседка говорила другой: «Марья Ивановна даже приличного пальто не имеет. Не говорите, она просто не умеет жить». Тогда Боря обиделся за маму. Он вдруг увидел ее — худенькую, в потертом пальто не то синего, не то серого цвета, увидел ее бледное лицо, большие серые глаза и легкие прядки пепельных волос, выскользнувшие из-под помятой фетровой шляпы. Однако чужие слова не забылись, и потом, когда он просил маму о чем-то, а она отказала, Боря воскликнул в досаде: «Нет, ты просто не умеешь жить!»

В ответ мама вдруг рассмеялась, даже слезы выступили у нее на глазах.

— Дурачок ты, — сказала она, — боже мой, какой ты еще маленький! Ты же знаешь, я работаю одна, папа болен. Он получает пенсию, верно. Но ведь нас и без папы трое. Сейчас надо платить в садик за Валюшкину дачу, сандалии ей купить, тебе — кеды. А папе нужно фрукты возить в больницу.

Боря почувствовал себя виноватым: почему он стал часто забывать о папе? Может, потому, что тот подолгу не бывает дома? А когда дома, то часто раздражается из-за пустяков. Даже на маму. И Боре кажется порой, что папа не болен, а просто стал злым — от войны, от плена, от жизни в лагере.

Вообще-то Боря понимал, что мама не может купить велосипед. Об этом он не мечтал. Он мечтал о другом — о необыкновенном случае. Например: пожар, он спасает ребенка, его награждают — не часами, а велосипедом. Или: в парке в траве он находит бумажник с деньгами. А иногда мечталось и так: велосипед дарит ему дед.

У Бори есть дедушка, папин папа. Он был очень сердит на папу, когда узнал, что папа попал в плен к немцам. А бабушка так жалела своего сына, что даже заболела и умерла. И тогда дед перестал сердиться и простил папу. И даже стал помогать его семье. Он был профессор, у него была кафедра. Но через два года после смерти бабушки дед вдруг женился на своей студентке с золотыми кудрями и ноготками, похожими на конфеты «барбарис». Звали ее красиво — Стелла, что значит «звезда». Стелла стала Бориной

бабушкой. Это было очень смешно и, конечно, приятно — она была очень хорошенькая. У Стеллы были маленькие розовые ушки, и она надевала разные сережки, к каждому платью новые.

В том же году, когда у мамы родилась Валка, у Стеллы родился мальчик. Он был очень похож на деда — такой же розовый, лысый и почти без шен. Если бы еще большие восьмигранные очки — был бы вылитый дед. Было очень смешно: новорожденный Стэффи был дядей новорожденной Вальки и восьмилетнего Бори.

Очень скоро дед перестал помогать папе. Он сказал, что теперь это ему трудно. Для Стэффи пришлось взять няню, Стелла не могла с ним справиться, а дедова домработница сказала, что Степку нянчить не будет. Все понимали, что деду теперь действительно трудно.

Надеяться на велосипед от деда особенно не приходилось. Но пометать было можно. Тем более что дед любил внуков и не забывал в дни рождения и больших праздников делать им подарки. Только подарки его почему-то всегда казались добавлением к чему-то, подаренному раньше, хотя на самом деле то, что дарилось раньше, тоже было добавлением — к чему же? Вот этого Боря никак не мог понять. Ко дню рождения дед приподнес Боре подвижной штатив для фотоаппарата и большую металлическую пряжку для пояса с непонятным гербом. А к Первому мая подарил набор рыболовных крючков и полированный футляр для настольных часов. Боре очень хотелось попросить у деда фотоаппарат к штативу и удочки к набору крючков, но мама сказала, что выпрашивать подарки неприлично.

Нет, Боря не ждал от деда велосипеда.

Боря заторопился и вместо того, чтобы собрать и вынести мусор, стал запихивать его под соседский шкаф в коридоре. Именно в эту минуту у входной двери что-то зашуршало и мягко стукнуло. «Наверное, журнал Петровым», — подумал Боря. Уехавшие в отпуск соседи поручили Боре собирать их почту. А почта опускалась в прорезь, сделанную в дверях, и падала в ящик, прибитый изнутри. Боря поставил щетку в угол и пошел за журналом.

Но в ящике лежал не журнал, а небольшой сверток, перевязанный крест-накрест суровыми нитками. Никакой надписи на свертке не было.

Боря несколько раз перевернул сверток. Кому же он? Почему нет адреса? Надо догнать того, кто бросил сверток в ящик, и спросить.

Боря открыл дверь — на площадке никого не было. Боря перегнулся через перила и посмотрел вниз. Тоже никого. Наверху ему послышалось что-то тяжелое дыхание. Боря собрался было взбежать наверх, но вспомнил, что ключ от квартиры остался в комнате, а дверь может захлопнуться.

Боря вернулся и стал развязывать сверток. Узел оказался тугим и не поддавался. Боря вспомнил, что в ванной комнате видел на полке бритвенное лезвие, и пошел за ним. Пыльное окошко под самым потолком слабо освещало ванную. В окошко виднелась часть лестницы с перилами, и Боре показалось, что он увидел на перилах что-то толстые растопыренные пальцы. Когда он перерезал нитки на свертке, он услышал, как хлопнула внизу входная дверь и кто-то, громко стуча сапогами, стал подниматься наверх. Шаги прогудели за дверью и стали затихать, а наверху послышались голоса. Но больше Боря ничего не слышал. Он развернул бумагу, и у него в руках оказалась пачка денег. Согнутые пополам сторублевые бумажки раскинулись, как лепестки внезапно распустившегося цветка. От цветка запахло нафталином.

Боре вдруг стало страшно, он вспомнил, что в квартире никого нет. Топая ногами, он пошел в комнату и заперся на ключ. Потом положил деньги на стол и стал смотреть на них, как бы ожидая, что сейчас тайна этих денег раскроется сама. Кто бросил их в ящик и зачем? Кому они предназначаются? Боря разгладил оберточную бумагу, повернул ее и тут увидел написанную лиловыми чернилами цифру «43 668». Может быть, это шифр — но как его разгадать? Боря осторожно потрогал сторублевки; потом разложил их в ряд и посчитал — десять штук. Тысяча рублей. Целая куча денег!

К любопытству и страху перед таинственным появлением денег стало примешиваться что-то новое, похожее на легкую щекотку. Боре было немного стыдно от этой щекотки и вместе с тем приятно.

— Разве кто-нибудь может прийти за этими деньгами? — спросил Боря почему-то вслух. — Нет, так не бывает. Теперь эти деньги ничьи. Это ничьи деньги, ничьи, и никто за ними не придет!

Длинный звонок ответил на это восклицание. Боря схватил деньги и замер. Сердце сначала будто остановилось и вдруг застучало так громко, что Боря не только почувствовал, но даже услышал его. И в дверь тоже застучали, сначала мелко, дробно, а потом тяжело, увесисто — кулаком или ногой: бух, бух,

бух! «Ни за что не пойду открывать, ни за что», — решил Боря. Ему стало страшно.

Стук прекратился, но сердце у Бори все еще колотилось. Вдруг на улице закричали: «Бо-о-ря! Бо-о-рис!» Да ведь это Юрка, не дождав-шись его, прибежал сам. Боря кинулся к окну, но вспомнил о деньгах, зажатых в руке, сунул их в хозяйственную сумку, поставленную мамой нарочно на виду, сумку зашнуровал под шкаф и влез на подоконник.

— Эй, это ты? — закричал он, высунувшись из окна.

— Видишь, — солидно отозвался Юрка. — Ты что, спишь?

— Нет, не сплю... Иди, я открою! Нет, не ходи — я бегу к тебе.

Боре очень хотелось сейчас же все рассказать Юрке. Но как только он оказался рядом, почему-то не нашлось нужных слов. А Юрка уже шагнул. И Боря пошел за ним. Хотя теперь ему вовсе не хотелось идти.

— Ты почему не пришел? — спросил Юрка.

Вот тут бы и рассказать все как было. Но только Боря собрался открыть рот, как заговорил Юрка.

— А я уж думал, вдруг ты заболел. Вот, думаю, беда. И на велике не с кем покататься.

— Ты, Юрка, не ерунди, — рассердился вдруг Боря, — будто ты не можешь кататься без меня. И вообще... не представляйся.

Юрка молчал. Он не умел быстро отвечать, а сейчас просто не понимал, чего это Борька злится.

— Юрка, ты знаешь, что я тебе скажу... Нет, ты мне сначала скажи — что бы ты сделал, если бы нашел деньги?

— Деньги? — переспросил Юрка. Казалось, что даже думать об этом ему лень. — Ну что... Ну купил бы мороженого.

— На всю тысячу?! — Боря даже остановился.

— На тысячу?? — Юра тоже остановился. — Почему же на тысячу? Я бы нашел пять рублей. И купил сливочный... нет, шоколадный брикет... Пополам с тобой.

— Нет, я спрашиваю, что бы ты сделал, если бы нашел много денег. Ну, несколько сот рублей.

— Не знаю. Может, купил бы ружье. Или приемник. Нет, приемник у нас есть. Ну ничего бы не купил, а положил бы на книжку в сберкасу. Да больших денег никто не теряет, — успокоенно добавил Юрка.

В это время они подошли к дверям Юриной квартиры. Но прежде, чем они прикоснулись к звонку, дверь распахнулась, Зоя Петровна схватила Юру за рукав и втащила

в переднюю. В руке у нее была бумажка, которую она сунула к Юриному лицу. На Борю она даже не посмотрела.

— Почему не сказал, куда идешь? Тут телеграмма от бабушки. К ней приехал дядя Миша. Из Берлина! Видишь? Папа срочно выезжает, вот и отвезет тебя к бабушке. Давай-ка в ванну. И надо вас собрать, и надо накормить, и погладить надо...

— Мы хотели на велосипеде... — начал Юра.

Но Зоя Петровна только рукой махнула и без слов толкнула Юрку в ванную, вошла за ним и щелкнула задвижкой. Боря дождался минутку, а потом вышел, тихо прикрыв двери, и медленно побрел домой. Прощай, Юрка! Прощай, велосипед.

Боря шел домой и решал — нашел он деньги или не нашел? Если бы он поднял их на улице, на лестнице — он бы знал точно — нашел. А сейчас... Непонятно сейчас. Странный случай. И чувствовался в нем какой-то подвох.

Однажды за столом у деда обсуждали прочитанное в газете: один школьник нашел портфель с деньгами и документами и сдал его. Стелла сказала: «Какой необыкновенный мальчик!» А домработница воскликнула: «Ну и дурак!» Тогда Боря не задумывался над этим разговором, а теперь вспомнил.

Он шел и говорил сам с собой, как бы в два голоса. Один голос говорил: «Это чужие деньги». А другой спрашивал: «Чьи же они?» Первый советовал отдать их, а второй удивлялся: «Кому же?» Первый остерегал: «Смотри, будет плохо». А второй присвистнул нахально: «Фьють! Кто же узнает?»

Вдруг Борю будто током ударило — у него есть деньги на велосипед! Он может сейчас же поехать в магазин и купить себе — любой, какой захочет, самый новейший, самый-распросамый!..

Так вдруг просто все решилось: он берет деньги и едет в ГУМ. Именно сейчас, пока еще не пришла мама.

В четыре часа Боря вышел из магазина. Он вел за руль новый, очень красивый, удивительно красивый велосипед. Рама вишневого цвета с золотой полоской, серебряный руль блестит, блестит звонок на руле, упруго идут по асфальту пахучие резиновые шины.

В нагрудном кармане Бориной рубашки лежит паспорт на велосипед со счастливым номером 777 885, а в паспорте — квитанция, где написано, что за велосипед уплачено 670 рублей. В карман брюк засунута сдача — скомканные бумажки, и где-то под сдачей те, оставшиеся,

деньги. Сдачу Боря не считал — теперь, когда у него есть велосипед, деньги ему не нужны.

Глаза у Бори блестя, щеки горят, даже уши пылают. Боря ведет машину осторожно и гордо. Он счастлив. Как жаль, что нельзя сразу же сесть и ехать — нет номерного знака. Только войдя в свой переулок, Боря ставит ногу на педаль и взлетает на скрипучее кожаное седло. Велосипед идет легко, послушно. Боря тормозит возле своего подъезда. Ловко, даже красиво, прыгивает на ходу и берется за ручку двери. И тут, как по волшебству, вся радость исчезает. Тревога охватывает Бору.

Только успевает он поставить велосипед в комнате, прислонив его к столу, как в коридоре раздается стук каблучков, легкий и частый. Мама!

Боря встает и берет велосипед за руль. Мама, открыв двери, останавливается и смотрит на Бору. Она еще ничего не спросила, но ее глаза, брови, все ее лицо — удивление. И вдруг Боря слышит свой голос, немного хриплый и спотыкающийся:

— А мне... дедушка... подарил... велосипед...

— Дедушка?! — вскрикивает мама, и вдруг губы ее начинают дрожать, она садится на стул, закрывает лицо и плачет.

— Мама, ты что... мама, — растерянно бормочет Боря. — Ну о чем ты, вот, право, какая ты странная.

Но мама уже улыбается, вытирая мокрые щеки и губы. И это не менее непонятно, чем ее внезапные слезы.

— Боренька, милый, как я рада, как я счастлива, сынок!

Теперь Боря чувствует, что у него зачекотало в носу и першит в горле. Он хочет сказать маме, но ничего не может сказать. Просто не знает, что теперь говорить.

Хорошо, что мама надевает фартук и торопится на кухню. Хорошо даже, что она спотыкается о пустую сумку, брошенную Борей на полу, и говорит недовольно: «Ты что же — ничего не купил?»

Боря хватается сумку:

— Мама, я сейчас сбегу, я в одну минуту. Да, а где же бутылки? Мама смотрит на Бору и вдруг говорит:

— А пятерку ты не потерял? Где она?

— Пятерка? Пожалуйста! — Боря сует руку в карман брюк и застывает. В кармане шуршат, как сухие листья, деньги. Много денег. А мама стоит и ждет. Боре становится жарко, он никак не может вытащить руку из кармана. А мама ждет, и брови у нее поднимаются,

Наконец Боря нащупывает какую-то бумажку поменьше и осторожно вытаскивает руку. Но вместе с рукой из кармана вылетают скомканные десятки и падают на пол. Мамино лицо темнеет так, что темнеет даже в комнате.

— А это что за деньги? — спрашивает мама тихо.

Боря молчит. Он смотрит на пол. Мама ждет, а он все молчит. Тогда мама начинает собирать деньги с полу и расправлять их.

— Здесь сто тридцать рублей, — говорит мама, положив деньги на стол, — у тебя есть еще?

Боря смотрит на маму и хочет сказать «Нет, больше нет», но мама говорит раньше, чем он:

— Дай мне, пожалуйста, все, что у тебя есть.

Боря отдает маме еще две сторублевки. Теперь она требует, чтобы он рассказал ей «всю правду — решительно все».

Борин рассказ бредет медленно, останавливаясь, спотыкаясь, проваливаясь в ямы и снова выбираясь на твердую дорогу под ясным взглядом маминих глаз. Одна за другой гибнут легенды: о деньгах, выброшенных из проезжавшего мимо роскошного «ЗИЛа», о женщине, сунувшей ему сверток со словами «Возьми, мальчик, это тебе» и тут же исчезнувшей, вернее, уехавшей на троллейбусе...

Наконец маме рассказано все, как было на самом деле. Нелегко теперь убедить ее, что это и есть «настоящая правда». Почему-то помогает оберточная бумажка с лиловым номером «43 668». Мама начинает верить.

А дальше было самое тяжелое. Боря вел велосипед по тем же улицам обратно к магазину, а рядом по тротуару шла мама. Солнце уже не играло на руле и звонке. Серые облака затянули небо, ветер нес по улице пыль и сор. Боря шагал, опустив голову и глядя только на переднее колесо. Потом мама ходила к директору магазина, потом продавец взял у Бори велосипед, а мама получила в кассе деньги.

Обратно ехали в троллейбусе молча. Мама тронула Бору за руку: «Сойдем раньше».

Боре теперь было все равно, он вышел за мамой, ни о чем не спрашивая. Она свернула в переулок, подошла к красному кирпичному дому — здесь было отделение милиции.

В большой комнате, перегороденной деревянным барьером, сидел молодой милиционер — дежурный. Боря не слушал, что говорила ему мама. Когда она кончила, дежурный позвонил по телефону, и вошел лейтенант, может быть, даже

старший, Боря не стал разглядывать погоны. Дежурный передал ему вкратце суть дела.

— Это же случай Лютикова — карманная кража в гастрономе, — сказал старший. — Составьте акт передачи денег, а потом, — старший обратился к маме, — попрошу вас пройти в двенадцатую комнату. Это очень важно: вора ловили, а хозяйина денег потеряли, — усмехнулся он.

Дежурный начал писать на листе бумаги.

— Настоящий акт, — бормотал он, — составлен в том, что я добровольно передаю...

Он посмотрел на маму.

— Лично вы передаете деньги?

— Нет, деньги нашел мой сын, вот он.

— Подойдите, пожалуйста, — попросил Бору дежурный.

— ...составлен в том, что... Как вас зовут? Борис... Фамилия?.. Что я, Борис Колыванов, добровольно передаю найденные мной... июня сего года одну тысячу рублей... Вот, прочитайте и подпишите.

Боря прочитал, удивляясь тому, как все необыкновенное, случившееся с ним сегодня, уместилось в несколько обыкновенных фраз.

— А тут нет ничего про бумагу от денег, про бумагу с номером, — сказал он.

— Да, я совсем забыла про бумагу! — воскликнула мама и вынула из сумки обертку от денег.

Старший протянул руку через барьер.

— Да, это очень важно, — сказал он, взглянув на номер. — Пройдемте со мной. Сергеев, давай сюда акт.

В коридоре старший открыл одну из дверей.

— Лютиков, товарищи по поводу сегодняшней кражи в гастрономе.

— Садитесь, пожалуйста, — рыжеватый парень в штатском проворно пододвинул к столу два стула.

— Так вы, товарищ... — Лютиков искоса заглянул в акт, — товарищ Колыванов, передаете нам найденные деньги. Расскажите все, как можно подробнее. Все по порядку, — Лютиков поднял на Бору золотистые круглые глаза.

Боря говорил сначала неохотно, как-то вяло, но вот дошло до того, как он высочил на лестницу, и тут он увидел, что старший, взглянув на маму, сделал веселое лицо — «ай да парень!» — и Боре вдруг стало интересно рассказывать, он заговорил живей, громче и даже вспомнил, как в окошко из ванной увидел растопыренные пальцы на перилах.

Лютиков слушал с большим вниманием, изредка прерывая Бору вопросами.

— А в каких купюрах состоит найденная сумма? — спросил под конец дотошный Лютиков.

Боря растерялся — как же быть. Сказать, что были сторублевки, а потом отдать всякие там пятерки и десятки, он даже не помнит, что там теперь...

— Деньги все в сторублевках, — сказала мама и, открыв сумочку, вынула ровно сложенную пачку. — А вам надо знать даже номера?

— Нет, номера не нужны. Нам надо найти владельца, поэтому важно знать, в каких купюрах.

— Если можно, скажите нам, что случилось и откуда эти деньги.

— Скажи, Лютиков, — кивнул старший.

— Есть в нашем районе один карманник. Мы знаем — ворует. А поймать не можем. Так чтобы на месте. Сегодня утром он вытащил в магазине деньги у одной старой гражданки. Она заметила, закричала, за вором погнались — военный и девушка. Он от них в переулочек. В ваш переулочек. А в это время я шел навстречу. Он меня издала признал и в парадное. У вас раньше был там проход во двор. А теперь он забит, знаете? Ну он и кинулся наверх, понял, что мы его догоняем, и бросил деньги в почтовый ящик. Если бы ты, — обратился Лютиков к Боре, — на лестницу выскочил чуть попозже, тут бы мы все сразу его обложили. И все улики налицо и вещественные доказательства — не увернешься.

— Вы его арестовали? — спросила мама.

— Нет, отпустили — вздохнул Лютиков. — Пошел я потом в гастроном про старушку узнать. А ее, говорят, увели под руки домой, плохо ей стало. А кто она, пока не знаем — заявление не поступало от потерпевшей. Подождем и будем искать.

— И найдете? — спросил Боря.

— Конечно, найдем, — улыбнулся Лютиков. — Вы нам помогли, теперь обязательно найдем.

— По номеру найдем, — сказал старший.

— А откуда вы знаете, что это за номер? — удивился Боря.

— Ну это дело нехитрое, — ответил старший — номер большой, видно, не дом, не квартира. Пятизначный, без буквы — не телефон. Вернее всего, счет в сберкассе. Да и касса почти рядом с гастрономом.

— Шла старушка в сберкассе, неслась деньги сбереженные на книжку положить, не удержалась — в магазин заглянула... — продолжил Лютиков.

— Вы все уже знаете? — Боря улыбнулся.

— Догадываемся, а там проверим. Узнаем точно, тогда известим вас,

что деньги доставлены по принадлежности.

Дверь раскрылась, вошел дежурный и положил перед старшим бумажку.

— А вот и старушка съехала, — улыбнулся старший, — по телефону принято заявление от Жаликовой Марфы Степановны, семидесяти восьми лет. А заявление сделала ее соседка, так как сама пострадавшая заболела. — И старший подвинул бумажку к Лютикову: — Сходи, надо ее успокоить. Да вот и парнишку возьми. Он нашел, пусть он и грустит — обрадует бабушку... А вам спасибо, товарищ Колыванов, — старший поднялся и протянул Боре руку. — Спасибо за помощь и вашу сознательность.

Боря смущенно пожал протянутую руку. Ему все еще было очень жаль велосипед. Правда, уже не так сильно.

Лютиков привел Бору и маму на второй этаж деревянного дома. В тесно заставленной вещами комнате, на высокой кровати, на взбитых подушках лежала старушка. Рядом на табуретке сидела другая и вслух отсчитывала капли, падающие из пазырька в стопку с водой. Больная повернула голову и взглянула на вошедших из-под опухших век.

— Вот, гражданка Жаликова, нашлись ваши деньги. Вор их бросил вот к ним в квартиру, а молодой человек принес к нам, сдал по акту.

Мама вынула из сумки деньги и положила их на одеяло поближе к рукам, сложенным на груди.

— Пересчитайте, мамаша, — сказал Лютиков, — и распишитесь вот тут в получении.

— А что считать, милый, раз люди на чужие деньги не полстились, а мне принесли, что ж их считать. Лютиков смущенно кашлянул.

— Распишитесь за меня, миленькие, — попросила старушка, — я грамотная, да лежа бесподручно. Спасибо тебе, мальчик, за деньги. Я вот заболела с горя да с перепугу. А еще пуще с досады на себя. Лежу и все казнясь — вот, думаю, старая дура, зачем с такими деньгами в магазин пошла, слюбопытничала. Деньги-то от сынка моего. В Заполярье работает — жена, двое ребят. Отписали, что приедут в отпуск нынче летом. И деньги прислали — кое-что купить, а остальное беречь до ихнего приезда. А у меня книжка есть в кассе, я и надумалась — давай положу на книжку... Очень вы меня утешили, спасибо вам. Мальчику вашему надо бы дать одну бумажечку-то, не осерчаешь ты на меня за это?

— Что вы, что вы — не надо, — забеспокоилась мама. — Он нашел и отдал, так и должно быть.

Боря все слышал.

— Мне не надо ничего, — сказал он тихо. — Я ведь добровольно... Я сам захотел...

— Ну простите, коли я что не так, не обессудьте.

— Поправляйтесь, выздоравливайте поскорей, — ответила мама. — А нам пора. Мы ведь еще и не обещали. До свидания!

И оставив старушек и Лютикова, который все же настаивал на собственноручной подписи в акте, мама и Боря вышли.

Был тот час, когда на улицах зажигаются фонари. Свет их смешивался с угасающим светом дня. Высоко над темнеющими крышами стояло зеленоватое вечернее небо. Из палисадников и дверей потянуло прохладой. От нагретого за день асфальта пахло еще пылью и бензином. В окнах засветились оранжевые абажуры, и от окна к окну потянулись тонкие звуки скрипки.

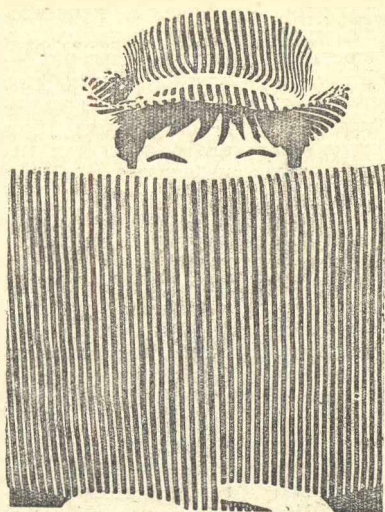
Усталые и голодные мама и Боря шли домой.

Боря думал: завтра же он возьмет документы из школы и отнесет заявление в техникум. Как кончит — пойдет работать на автомобильный завод... Черная блестящая машина несется по загородному шоссе. Мелькают деревья, мосты, деревни. За рулем Боря, уже взрослый. Рядом с ним Валька. Нет, рядом — папа. Впрочем, пусть папа сзади, с мамой. А впереди с ним Валька.

А у мамы свои думы: снова придется варить макароны — ведь картошку Боря не купил... Она так и не взяла у него пять рублей. Может, он и потерял их во всей этой перепляске... Ну, как он? Ничего, теперь ему уже не так плохо, как было тогда, когда они возвращались из магазина...

Так идут они рядом — длинный мальчик и худенькая женщина. И хотя они молчат и шагают не в ногу, все равно они вместе.

Вместе, по-разному

Существует научный термин — «индивидуализация учебного процесса». Под ним понимается и обеспечение различного темпа учебной работы в соответствии со способностями учащихся, и то, что сильному ученику нужно упражняться меньше, а слабому больше, и то, что учебные тексты должны быть лучше приспособлены к возможностям каждого ученика: для слабых адаптированы, для сильных усложнены и т. д.

Но как практически достичь этого? В некоторых странах классы формируются на основе общих интеллектуальных запросов детей. Конечно, работа с учениками примерно одного уровня развития намного упрощается, становится целенаправленной и качественно глубже, но нельзя не учитывать, что у тех, кого считают более развитыми, появляется снобизм, а слабые классы чувствуют свою ущербность и малоперспективность; плохо и то, что слабый класс остается без благотворного влияния сильных учеников.

Ученые кафедры педагогики Тартусского государственного университета считают более верным и перспективным другой путь — особый подход к каждому ученику в обычном классе. Программа неизменна для всех — меняется только сложность заданий. Особенно важны при этом самостоятельные занятия. Именно на них выявляются способности учащихся. Чтобы скорость выполнения заданий была единой, более сильным ученикам даются задания трудней. Такая работа требует большого педагогического такта; нельзя показывать ученику, что он безнадежно слаб, надо всегда убеждать его, что после этого задания он получит другое, гораздо более сложное.

Опытom доказано, что такой подход дает хорошие результаты. Поднялась средняя успеваемость. Выработалось умение работать самостоятельно, повысился интерес к предмету, индивидуальная работа понравилась и сильным ученикам и слабым, появилась у учеников привычка к самостоятельному мышлению.

(«Советская педагогика», № 11, 1971)

«Черный барьер»

Нередко слышишь жалобы от родителей: «Не хочет мой сын читать книги. Как ни заставляю, все бесполезно. Слушает с удовольствием, а как возьмет книгу сам, так она и выпадает из рук!»

В чем здесь дело? Чтобы понять это, надо разобрать весь путь приобщения ребенка к книге. Начинается он с первого класса. Ребенок знакомится с азами грамоты и встречается с первой книгой — букварем. Когда он привыкает складывать из отдельных слогов слова, ему кажется, что он уже научился читать. Но вот ему попадаетея книга, пусть даже детская, но не учебник, не специально приспособленная. Здесь много картинок, и сплошной текст идет иногда несколько страниц подряд. Мало у такого ребенка хватит сил преодолеть этот «черный» барьер. А что не получилось сразу, в дальнейшем требует гораздо большей затраты сил. Вот и получается, что ребенок не может переступить даже через первый порог. А тут еще взрослые, не разобравшись, начинают его ругать, обвиняют в лениности, заставляют читать насильно.

Чтобы научить ребенка самостоятельно читать книгу, современная программа трехлетнего начального обучения выделяет внеклассное чтение как особый учебный раздел. Сюда входят и уроки внеклассного чтения, и массовая внеурочная работа с книгой, и педагогическая пропаганда чтения в семьях учащихся.

Новая программа начинает с первоначального знакомства детей с книгой и кончает умением пользоваться простейшей справочной литературой.

Теперь проблема «читает — не читает» у тех учащихся, что уже прошли полный курс внеклассного чтения под руководством учителя, полностью снята.

Конечно, без помощи семьи, без постоянного наблюдения родителей над чтением детей новая программа не будет иметь того эффекта, который должен получиться в итоге.

(«Народное образование», № 11, 1971)

на цвет товарищи есть!

Школа построена. Просторные светлые классы, кабинеты, установленные специальным оборудованием, мастерские, спортзал и удобные, широкие коридоры. Все, на-

жется, готово к приему учеников. Все ли?

Этот вопрос могут задать архитекторы, специализирующиеся по окраске интерьеров школьных зданий. Ни для кого не секрет, что дети, и особенно младшие, относятся к вещам по их цвету. Нравится цвет — и сам предмет вызывает положительные эмоции, не нравится — и предмет раздражает.

В школе постоянно используют цветные наглядные пособия. А такие пособия легче всего рассматривать на бесцветном, ахроматическом фоне или близком к нему. Роль такого фона должны играть стены, находящиеся в поле зрения учеников. Задняя стена и потолок могут быть окрашены в любой насыщенный цвет. А вот передняя стена и боковые обязательно должны быть серого цвета. Классная доска — зеленого, столы и парты не очень насыщенного цвета, желательно находящегося в гармонии с цветом стен и классной доски. Подобная смена цветов будет снимать зрительное утомление и благоприятно сказываться на восприятии детей.

Занятия в старших классах проводятся по кабинетной системе. Кабинеты отличаются друг от друга и по характеру труда (умственный, физический), и по интенсивности. Математический, физический, химический требуют от ученика большого умственного напряжения, а от учителя — внимания к каждому ученику, строго индивидуальной работы с каждым. Окраска таких кабинетов должна отвечать прежде всего этим требованиям. Больше всего сюда подойдут холодные, строгие цвета. А вот для кабинетов по литературе, истории, географии, требующим от ученика большого эмоционального настроя, подойдут цвета более теплой гаммы. Хотя и здесь и там должно выполняться общее правило — помещения однородные по характеру труда лучше окрашивать одинаково, чтобы не было излишней пестроты. То же относится и к спортзалу. Установлено, что периодическое воздействие красного, оранжевого и желтого цветов благотворно влияет на мускульную работоспособность. В то же время в спортзале внимание ребят должно быть сосредоточено на выполнении того или иного упражнения. Их ничто не должно отвлекать. А этому способствует холодная окраска стен, потолка и пола. Снаряды, с которыми предстоит заниматься, должны, наоборот, привлекать к себе внимание, должны возбуждать. Вот они-то и могут быть окрашены в красный, оранжевый и желтый цвета. В эти же цвета должны быть окрашены и подходы к спортзалу.

Особый подход нужен и кабинетам черчения и рисования. Лучший фон для различения цвета — серый. Таким фоном для ученика рисующего или чертящего является крышка парты. Конечно же, она должна быть серой.

Короче, основное общее требование при решении школьного интерьера — гармония цветов!

Всем известна пословица: «На вкус и на цвет товарища нет». Сейчас уже не подлежит сомнению, что вторая ее часть несостоятельна — на цвет товарищи есть!

(«Техническая эстетика», № 11, 1971)

старинные наставления

награда суеверию

В одной придорожной гостинице остановился вор, надеясь чем-нибудь поживиться. Прошел день, другой, но случая все не подворачивалось, и вор уже подумывал улизнуть, не платя денег. Дождался он праздничного дня, когда легче убраться под шумок, и — к воротам. А у ворот, как на грех, сидит хозяин в новом роскошном хитоне и скучает в одиночестве. Вору ничего не оставалось, как притвориться, будто и он никуда не собирается — тоже вышел посядять у ворот да поглизеть на дорогу. Вот сидели они, разговаривали о том, о сем, как вдруг вор разинул рот, словно собираясь зевнуть, и завыл по-волчьи. Изумился хозяин и спрашивает: «Что это с тобой?» А тот отвечает: «Видно, прогневал я светлых богов — время от времени нападает на меня странная зевота: раскрою рот, чтобы зевнуть, а что-то во мне так и взывает по-волчьи. Три раза зевну и оборачиваюсь волком! И пока кого-нибудь не укушу или не перепугаю до смерти, остаюсь в этом мерзком облике». С этими словами взвыл он во второй раз. Хозяин вскочил на ноги и — к дому. А вор ухватил его за хитон и кричит: «Не уходи, заклиная тебя богами! Возьми на сохранение мой плащ, а не то мне нечем будет прикрыть наготу, когда я вновь превращусь в человека!» Тут он раскрыл рот и со страшными гримасами принялся зе-

вать в третий раз. Затрясся хозяин, сбросил хитон, за который держался вор, метнулся за дверь и заперся изнутри. А вор подхватил дорогую одежду и бежать!

Такое — и гораздо худшее — случается с суеверными.

мечты и действительность

У одного бедняка был сосуд с медом. Отправляясь ко сну, взял он его и поставил поближе к ложу. Улегся, пригрелся и размечтался: «Вот продам мед и куплю десять коз. Через пять лет станет их несколько десятков, а еще через пять — сотни. Продам коз, разживусь сотней быков. С такой силой не трудно управиться с любым полем. Соберу урожай, выжду, пока зерно вздорожает, и разбогатею всем на зависть. Выстрою дом с золотой кровлей, заведу кучу слуг и женюсь на первой красавице. А появится сын, назову его Панкалос — Прекрасный» и воспитаю прилежным, послушным и обходительным. Но уж если он мне, своему отцу, посмеет перечить, возьму палку и не посмотрю, что он сын такого богатого господина!» С этими словами схватил он палку и огрел воображаемого послушника — удар пришелся как раз по сосуду...

Так бывает с теми, кто не замечает границу между мечтой и реальностью.

благоразумный крестьянин

Один крестьянин возделывал поле у проезжей дороги и наткнулся на сосуд с золотом. И нет чтобы обрадоваться — раздосадовался и громко воскликнул: «Вот ведь несчастье!» Мимо проезжали путники, которые объединились в дороге для большей безопасности и в защиту от скуки. Заслышав слова крестьянина, ближайшие к нему остановились и спрашивают: «Что за несчастье? Не можем ли мы помочь?» — «Да вот, нашел то, к чему совсем не привычен. Тут не далеко и до беды». «Что же оно такое?» — поинтересовались путники. «Пожалуй, и вам будет лучше держаться от него подаль-

ше, — отвечает крестьянин. — Возьму я лучше этот сосуд, да зарю его поглубже». — «Скажи хоть, что в нем,» — настаивали путники. Приставали, приставали, пришлось крестьянину открыться: «Деньги, — говорит. — Да если б монета-другая, еще полбеда, а тут и не сосчитаешь!» — «Ну, — закричали путники, — от такого несчастья мы тебя рады избавить!» Забрали они золото с собой, а крестьянин остался обрабатывать поле. Путники проехали еще немного, завернули в рощу и решили передохнуть. Одни отправились поискать хворосту для костра, а другие остались набрать воды, распаковать припасы, охладить вино в ручье... Вот те, что ушли за хворостом, как-то между собой стакнулись и рассудили: если на всех деньги делить, не так уж и много достанется — избавимся от остальных, вдвое больше получим. Напали врасплох на своих случайных товарищей и всех перебили. А затем разделили деньги и, чтобы заглушить совесть, принялись за вино. Но вино оказалось отравленным — те, что оставались, тоже не смогли устоять перед страшным соблазном.

Для одного смерть — нищета, для другого — деньги.

Юпитер и любопытный

В один из забытых, давным-давно минувших годов, когда мир был еще совсем юным, расплодилось видимо-невидимо змей, ящериц и прочего гада. Сам Юпитер с великим трудом собрал их и упрятал в мешок. А потом позвал одного из смертных и сказал: «Для твоего блага пойди и брось мешок в море». Человек взвалил ношу и отправился в путь. А по дороге думает: «Вот выброшу я мешок в море и никогда не узнаю, что в нем такое было. Дай хоть в полглаза взгляну!» Раскрыл мешок, а змеи так и полезли наружу. Испугался человек, кинулся их вновь собирать, да не тут-то было — одну змею поймает, а сотня вылезет. «Помоги мне, ослушнику! — взмолился любопытный. — Сделаю так, чтобы мне было легче ловить все, что ползает, скачет и прячется между камней!» Услышал Юпитер и превратил любопытного в аиста — с тех пор он и ловит змей, ящериц и лягушек.

На то, чтобы совершить поступок, иной раз хватает мгновенья, а исправить его — не хватает жизни.

скорый суд

Рассказывают, что голубь и голубка запаслись на черный день изрядным количеством пшеницы. Случилось это в дождливое время, и пшеница была разбухшей. Пока в округе хватало пропитания, голуби не прикасались к запасам, а как стало поголоднее, собрались взяться за отложенную пшеницу. Но зерна уже успели усохнуть на солнце и от всего запаса на взгляд осталась чуть ли не половина. Увидел голубь, решил, что голубка ленилась разыскивать пищу, и прогнал ее, пригрозив заклевать, если посмеет вернуться. А в скором времени опять пошли дожди, пшеница вновь разбухла и приняла прежние размеры. Тут голубь понял, что судил скоро, да несправедливо, но было уже поздно.

Правильно говорят — гнев не искусный советчик.

цель и средства

Решили птицы выбрать себе короля и поставили такое условие: кто выше всех к солнцу взлетит, тому и быть первым. Вот взметнулась в небо вся несметная птичья стая, а одна маленькая птичка уцепилась за хвост орла, дождалась, пока все отстанут и сам орел из сил выбьется, вспорхнула чуть выше и — вниз. Кричит: «Я первая! Я выше всех взлетела!» — «Но ты почти все время держалась за хвост орла», — устыдили ее остальные птицы. А ей хоть бы что: «Неважно, — отвечает. — Главное, что я взлетела выше орла. Значит, я — король!» — «И вовсе не безразлично, какими средствами достигается цель, — ответила за всех мудрая сова. — Каждому ясно, прирожденный король — орел, а ты — разве что королек». С тех пор так и зовется эта маленькая птичка — королек.

говорят дети

Андрей, 5 лет

— Жил-был котик. Папа у него был собачкой. Звали собачку Жучка... И вот пошли они в дальние края греться. Пришли, а там холод...

Вдохнул тяжело:

— Какое уж тут грение...

Лена, 2 года

Мама открывает минеральную воду:

— Ой, смотрите! Водичка сердится!

Алмаз, 6 лет

Спорит с приятелем:

— Я больше тебя купался — у меня трусы мокрые!

Лена, 6 лет

За обедом.

— Этот кусок какой-то неловкий: никак не навилывается.

Занимается музыкой:

— Этот номер мне задали наизусть, а этот — безизусть...

Галя, 3 года

Просится на руки:

— Мама, у меня сердце

разрывается на части, что я ножками иду!

Отец в командировке. Галя спрашивает, когда придет папа. «Через пять дней, — отвечает мама. — Вот столько дней, сколько у тебя на руке пальцев».

— А я хочу, чтобы он приехал через мизинчик!

Юля, 3 года

Рассказывает, что в детсаду делали уколы. Спрашивают, как она себя вела.

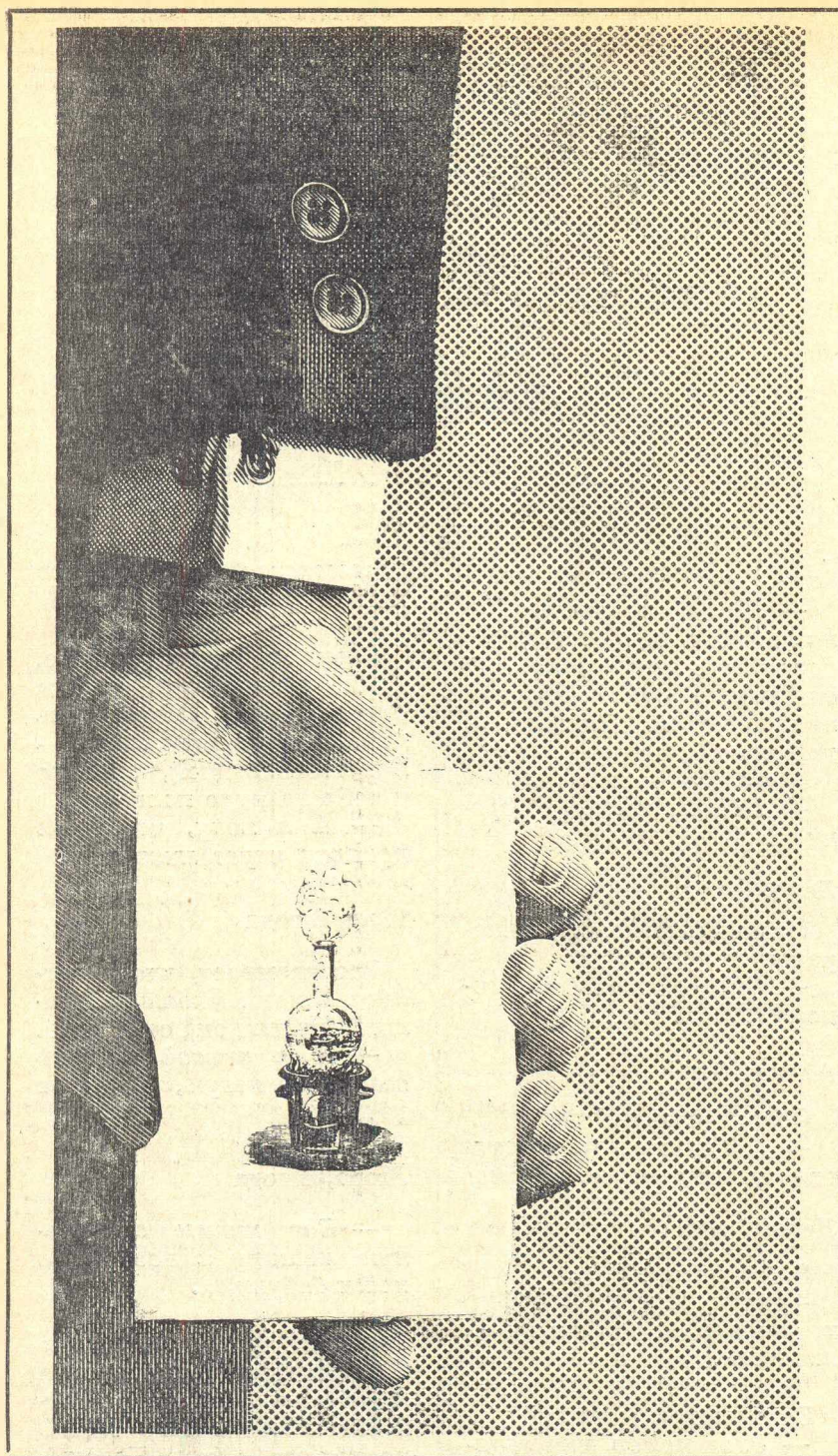
— А я правой ножкой встала на левую, чтобы не убежать.

Люба, 3 года

— Вот купим стиральную машину и поедем на ней к бабушке...

Записали наши читатели: О. Краснова (Башкирская АССР), А. Захаров (Куйбышевская область), И. Абдрахманов (г. Казань), Т. Чекмазова (Тульская область), В. Левенец (г. Иваново-Франковск), М. Ланкин (Полтавская область), Н. Яковлев (Новгородская область).

Шерлок Холмс — химик

Несколько необычный взгляд на героя Конан Дойля

Английский писатель Артур Конан Дойль (1859—1930) приобрел мировую известность своими рассказами и повестями о Шерлоне Холмсе. Его произведения о приключениях знаменитого сыщика многократно, большими тиражами издавались и в дореволюционной России, и в Советском Союзе. Знаменитый писатель создал литературного героя, который стал более знаменитым, чем его создатель. Именно с Конан Дойля начался подлинный расцвет столь популярного в наши дни детективно-приключенческого жанра литературы. Он дал ему жизнь и движение, заставил читателей с увлечением следить за полными динамики и драматизма приключениями. После Конан Дойля было опубликовано бесчисленное множество детективных романов, лучшие из которых превосходят по сюжетной изобретательности и литературному мастерству произведения о Шерлоне Холмсе. Но ни один из персонажей детективных произведений (и, пожалуй, приключенческой литературы в целом), созданных предшественниками и последователями Конан Дойля, не завоевали такой широкой популярности и признания, как Шерлок Холмс.

Созданный авторской фантазией, герой вышел за пределы литературы и стал для читателей как бы живым человеком. До сих пор многие из них пишут письма по адресу «Лондон, Бейкер-стрит, № 221-б, мистеру Шерлоку Холмсу» с просьбами расследовать тот или иной таинственный случай. Литературоведы изучают и деятельность Холмса, выполняют исследования: «Холмс и природа», «Холмс и музыка» и т. д. В Лондоне существует Мемориальный музей — квартира Холмса — реконструкция жилья знаменитого детектива. Другой холмсовский музей создан сыном Конан Дойля в Швейцарии.

Шерлок Холмс не состоял на государственной службе, не был инспектором уголовной полиции — сотрудником Скотланд-Ярда. Он — частное лицо, детектив-любитель. «Я сыщик-консультант», — говорит он о себе. Загадочные преступления и другие таинственные происшествия он расследует и раскрывает научными методами — «по правилам дедукции». Умение наблюдать явления, «искусство делать выводы и анализировать факты», «специальные знания» всегда обеспечивают успех его криминалистической деятельности. Но под маской бесстрастного, хладнокровного аналитика скрыт гуманный, добрый, благожелательный к людям защитник терпящих бедствие и несправедливо обвиненных. Он благороден, бескорыстен, всегда готов помочь неимущим клиентам. Холмс нередко отказывает в просьбах богатым аристократам и в то же время ревностно занимается делом какого-нибудь бедняка. Известный теоретик-марсист, основатель и руководитель итальянской коммунистической партии Антонио Грамши, анализируя образ Шерлока Холмса, характеризовал его как «ученого-психолога». Выдающийся советский писатель и ли-

тературовед Корней Чуковский отметил в одном из своих трудов: «Намный рассказ о Шерлоке Холмсе есть, так сказать, наглядный урон о могуществе человеческого разума. Каждый из них есть гимн победительной логике...» Сын Д. И. Менделеева — Иван Дмитриевич Менделеев в воспоминаниях о своем отце сообщает, что «Дмитрий Иванович с интересом читал и перечитывал Дюма-отца, Габрио, Конан Дойля...»

Конан Дойль в многочисленных произведениях о Шерлоке Холмсе обрисовал знаменитого сыщика как сильного, смелого, широко образованного, всесторонне одаренного человека. Он не только ученый, но и музыкант. В часы досуга Холмс виртуозно играет на скрипке, увлекается музыкой средневековья, часто посещает оперу и концерты. Но главное занятие Холмса, параллельное его криминалистическим исследованиям (не знаю, замечают ли это читатели, увлеченные детективным сюжетом), — химия. Шерлок Холмс, по замыслу автора, прежде всего — ученый-химик.

Первая наша встреча с героем — знакомство доктора Уотсона (от лица которого ведутся почти все рассказы о сыщике-консультанте) с Холмсом — происходит в химической лаборатории: «В этой высокой комнате на полках и где попало поблескивали бесчисленные бутылки и пузырьки. Всюду стояли широкие столы, густо уставленные ретортами, пробирками и бунзенсовскими горелками с трещащими язычками синего пламени... В дальнем углу, пригнувшись к столу, с чем-то сосредоточенно возился какой-то молодой человек. Услышав шаги наши, он оглянулся и вскинул с места.

— Нашел! Нашел! — ликующе крикнул он, бросившись и нам с пробиркой в руках. — Я нашел наконец реактив, который осаждается только гемоглобином, и ничем другим! — Если бы он нашел золотые россыпи, и то, наверное, его лицо не сияло бы таким восторгом».

Таким увлеченным химиком-экспериментатором увидел впервые Шерлока Холмса не только доктор Уотсон, но и читатели, так как «Этюд в багровых тонах», опубликованный в 1887 году, откуда взяты эти строки, был первым рассказом Конан Дойля, с которым в мировую литературу вошел образ сыщика-ученого.

Антизная деятельность Холмса продолжалась довольно долго (в каждом рассказе о нем автор точно датирует события) — от 1880 до 1914 года. И во многих произведениях, относящихся к различным этапам жизни сыщика, Конан Дойль пишет о нем как о химике: «Его руки были вечно в чернилах и в пятнах от разных химических... Он обладал способностью удивительно деликатно обращаться с предметами — я не раз это замечал, когда он при мне возился со своими хрупкими алхимическими приборами» («Этюд в багровых тонах»).

«Комнаты наши были вечно полны странными предметами, связанными с химией...» («Обряд дома Месгрейвов»).

«Холмс приступил к опытам, за которыми часенно проводил ночи напролет. Когда я уходил к себе, он стоял, наклонившись над ретортой и пробирками; спустившись к заставке, я застал его в том же положении» («Медные буки»).

Характеризуя многогранные знания Холмса, доктор Уотсон неоднократно отмечает: «Химик он первоначальный...», «Знания Холмса в области химии — глубинные», «Его познания в ботанике были обрывочные, в химии — оригинальные».

А сколько химических веществ и понятий упоминается в рассказах о Холмсе: алкалоиды, гваяновая кислота, креозот, опий, амальгама, йодоформ, ляпис, алюминий (в те годы — новинка!), фосфор, угарный газ, нураре, никель, нитригидрид и т. п. Конечно, это опять-таки связано с обширными познаниями героя в области химии.

Одна из комнат общей квартиры Холмса и Уотсона была превращена в лабораторию. Здесь стоял «сосновый стол, покрытый пятнами от едких кислот», на стене — «прожженная кислотой полка с химикалиями» («Камень Мазарини»), таблицы, схемы. Холмс не любил надолго отлучаться из дома — «без альбому газетных вырезок, без химических препаратов и привычного беспорядка он чувствовал себя чуждо» («Три студента»). После удачного расследования он стремился как можно скорее возвратиться в свой «химический уголок».

Шерлок Холмс и увлекался, и в то же время тяготился криминалистикой. Он говорил: «Если бы мне удалось победить профессора Мориасти, если бы я мог избавиться от него общества, это было бы венцом моей деятельности, я считал бы свою карьеру законченной и готов был бы перейти к более спокойным занятиям, вести образ жизни, более соответствующий моим наклонностям, и серьезно заняться химией» («Последнее дело Холмса»). Таким образом, он считал, что его основная наклонность — химия. Аналогичных свидетельств можно было бы привести много. Но и сказанного достаточно! Поэтому ограничимся еще только одной цитатой. Утомленный неудачным расследованием загадочного преступления, Холмс говорит Уотсону: «Так вот, я решил дать голове полный отдых и занялся химическими опытами... Когда мне удалось наконец разложить углеводород, я вернулся к нашей загадке и все заново обдумал» («Знак четырех»). Здесь конкретно указано, что в химических занятиях Холмс был близок к химии нефти, к технологии нефтепереработки. «Разложение углеводородов» — это не что иное, как крекинг-процесс, или пиролиз. Поразительное совпадение! Разложением углеводородов Холмс занимался в 1888 году (повесть написана Конан Дойлем в 1890 году). И в том же 1888 году выдающийся русский инженер и ученый В. Г. Шухов получил патент на аппарат для дробной перегонки нефти, а в 1891 году — на свою знаменитую, первую в мире крекинг-установку («прибор для расщепления нефти»). Таким образом, работа Холмса была на уровне передовых идей того времени.

Но что удивительно! Шерлок Холмс почти совершенно не использует химических исследований для раскрытия преступлений. Только в одном рассказе («Морской договор») мы видим его производящим анализ в связи с очередным загадочным происшествием. Уотсон, придя домой, застаёт сыщика «в халате за приставным столом, занятого химическим исследованием... Над голубоватым пламенем бунзенсовской горелки в большой изогнутой реторте неистово кипела какая-то жидкость... В правой руке он держал полоску лакмусовой бумаги.

— Вы пришли в самый ответственный момент, Уотсон, — сказал Холмс. — Если эта бумага останется синей, все хорошо. Если она станет красной, то это будет стоить человеку жизни.

Он окунул полоску в пробирку, и она мгновенно окрасилась в ровный грязновато-алый цвет...»

Возникает вопрос — для чего же Конан Дойль, создавая яркий образ Холмса, сделал его химиком, постоянно занятым химическими исследованиями, мечтающим о прекращении детективной деятельности с тем, чтобы «серьезно заняться химией»? Ответ может быть только один. Писатель задумал своего героя именно как ученого-химика, принужденного стать «сыщиком-консультантом» для того, чтобы, используя свои способности к «дедукции», иметь заработок, так как иных средств к существованию у него не было. Вместе с тем Конан Дойль, совмещая в одном лице ученого и сыщика, подчеркивал тем самым, что только высокообразованный, разносторонне развитый человек, владеющий методами такой точной науки, как химия, может успешно действовать в области криминалистики. Иными словами, можно сказать: именно химия, с ее научными методами проникновения в тайны вещества, сделала Холмса гениальным сыщиком. Но даже завоевав мировую славу как детектив, он продолжал свои химические исследования и стремился посвятить свою жизнь и труды только химии.

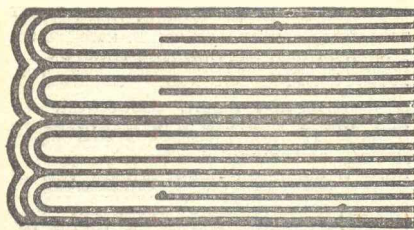
Шерлок Холмс продолжает жить и действовать и после кончины Конан Дойля. Сын писателя — Андриан Конан Дойль в содружестве с Джоном Диксоном Карром продолжает писать рассказы о Холмсе, используя для них темы, намеченные, но неразвитые его отцом. Два рассказа из его книги «Подвиги Шерлока Холмса» напечатаны в 1964 году в журнале «Наука и жизнь». Советский писатель Роман Ким опубликовал в 1966 году в журнале «Наш современник» два биографических рассказа о самом Конане Дойле, сюжетно связанные с Шерлоком Холмсом. А польский писатель В. Голембович «заставил» Холмса использовать его обширные познания в химии для расследования преступлений. Его книга «Химические приключения Шерлока Холмса» вышла в свет в Варшаве в 1964 году. К сожалению, она не переведена на русский язык и не издана в СССР; только два рассказа из нее опубликованы в журнале «Химия и жизнь» в 1965 году. Но рассказы В. Голембовича имеют лишь внешнее сходство с произведениями Конан Дойля. В них почти нет освещения блестящих методов криминалиста Холмса — «наблюдательности, логики и дедукции». Польский писатель, умело используя общеизвестный образ и имя Шерлока Холмса, увлекательным повествованием успешно решает задачу популяризации и пропаганды химических знаний.

Разговор о Шерлоке Холмсе — химике хочется закончить признанием его современно (и вполне реально!) коллеги по занятиям этой наукой — видного советского ученого, члена-корреспондента Академии наук СССР И. Е. Старика: «Особое впечатление на меня произвели в девятом классе уроки логики, которые талантливый педагог проводил на примере увлекательных рассказов Конан Дойля. Впоследствии эти занятия оказали большое влияние на мою творческую деятельность в области радиохимии. Оказалось, что при изучении поведения веществ, когда за ним невозможно наблюдать, применим тот же метод, какой использовал Шерлок Холмс».

Так вымышленный химик-детектив помогает в работе современным ученым-химикам!

К. КОСТРИН,
профессор технологии химии
г. Уфа
Художник В. Бахчанян

ОТЕЦ И СЫН

М. ГОРЬКИЙ И СЫН. (Архив А. М. Горького, т. XIII). М., «Наука», 1971.

На суперобложке — фотография: усталый, задумчивый Алексей Максимович обнимает красивого юношу, почти подростка, тоже в задумчивости подпершего рукой подбородок. Но глаза его живы, почти веселы, в них сквозит любопытство: а какова она, жизнь? Это сын А. М. Горького Максим. Сняты отец и сын в одну из их встреч — жили они долгие годы порознь. Но и в эти долгие годы ниточка, их связывавшая, не порывалась.

Книга «М. Горький и сын» — не роман из жизни писателя, не исследование его отношений с единственным сыном. Это сборник документов, переписка. Письма А. М. Горького представлены в томе полностью, письма М. А. Пешкова — выборочно. Поэтому читатель только иногда становится свидетелем диалога между отцом и сыном. Большею частью он сопричастен монологу отца, обращающегося к сыну — маленькому мальчику, школьнику, подростку, юноше и наконец молодому человеку.

Письма, составившие сборник, так красноречивы, выразительны, что, читая их одно за другим, ощущаешь книгу документальным повествованием, со страниц которого встают живые образы, проходят жизни людей цельных, красивых, накрепко привязанных друг к другу, родных по духу, с годами все крепче и крепче ощущавших свое родство.

А. М. Горький расстался с сыном, когда тот был семилетним мальчиком; расстался и не расставался. Несмотря на жизнь в разных городах, а порой и в разных странах, он виделся с Максимом, участвовал письмами своими в повседневных его де-

лах. Не было события в жизни мальчика, на которое бы не откликнулся Алексей Максимович. Он никогда не выпускал его из поля зрения, всегда думал о нем и при встречах и в переписке формировал душу будущего человека, любовно растил в нем хорошее.

В письмах к мальчику рассыпаны его признания: «Очень люблю тебя», «Очень люблю тебя, хороший мой», «Обнимаю тебя, дорогой и милый сын», «Я тебя сильно люблю» — и так из письма в письмо. И все же, разговаривая с мальчиком, Горький никогда не сюсюнал с ним, а развивал в нем осознание себя мужчиной, старался поставить вровень с собой. Раньше чем подписаться под письмом, он часто заканчивал его словами: «Крепко жму твою руку...», «Ну, до свиданья! Крепко жму твою руку», «Крепко целую тебя и жму твою руку», «Жму твою руку, милый мой сынишка». А тот, кому жал мысленно руку отец, был семи- или восьмилетним мальшом. Обращаясь к Максиму, Алексей Максимович неоднократно в письмах называл его «друг мой». Что это? Игра с ребенком в отношения взрослых людей или продуманная система воспитания? Наверное, и то и другое.

У Горького не было связанных с возрастом так называемых «запретных тем». Он сам старался объяснить ребенку понятия, выходящие за пределы семейного или детского обихода, и тем включал мальчика в большую жизнь.

Уезжая по заданию партии большевиков в Европу, а оттуда в Америку, Горький писал восьмилетнему Максиму в конце января или начале февраля 1906 года из Финляндии: «Приехать не могу, потому что должен ехать в другую сторону и далеко. Увидимся, когда в России будет конституция... Что такое конституция — спроси у мамы». И через два месяца ему же из Швейцарии: «Милый ты мой сын! Я очень хочу видеть тебя, да вот — нельзя все!

Ты еще не знаешь, что такое «долг перед родиной» — это, брат, не шутка. Спроси маму — что я делаю, и ты поймешь, почему я не могу теперь видеть тебя, славный мой!»

При такой системе воспитания естественно, что слово «революционер» стало близко и понятно мальчику. Ему хотелось самому быть революционером. Отец учел это. Узнав, что Максим на море испугался, Алексей Максимович написал ему: «А ты, Максим, в лодке-то струсил и заплакал! Вот так революционер!» Это письмо шутовское, но оно должно было задеть ребенка за живое. А во многих других письмах отец приучал мальчика к мысли, что он должен стать одним из строителей новой

жизни. «Когда ты вырастешь, — писал Алексей Максимович десятилетнему сыну, — и сам начнешь строить новую жизнь — поймешь, что я жил на земле не даром, — чего и тебе желаю».

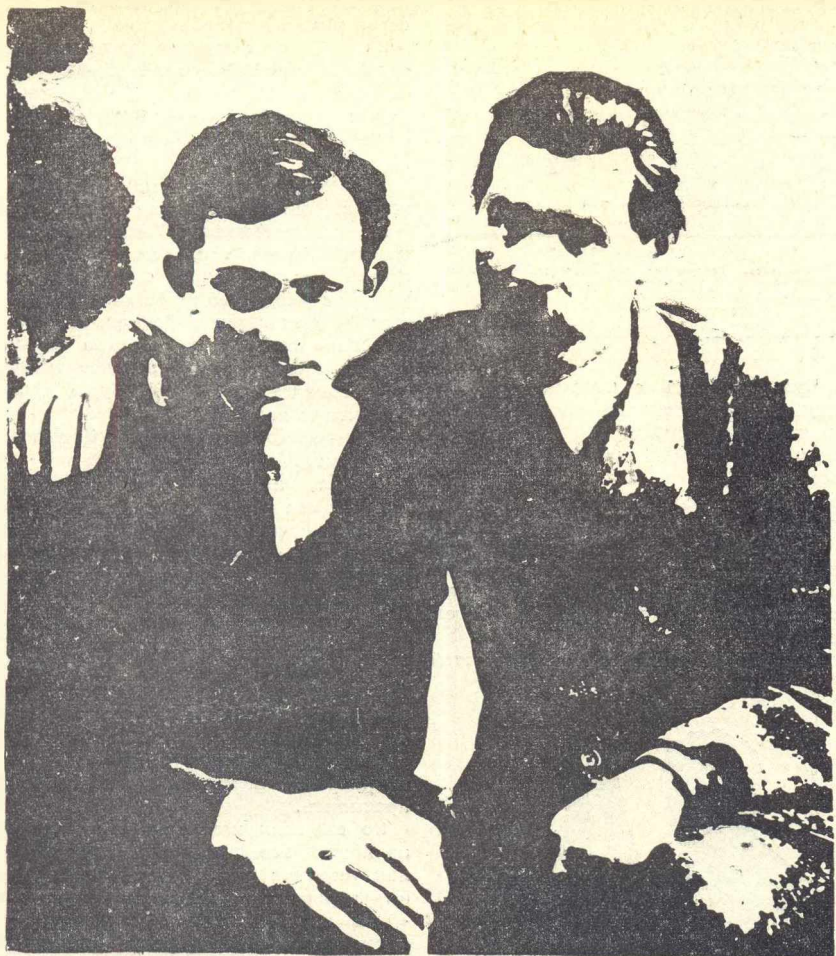
Жить на земле не даром! Что это значит? Для того чтобы прожить жизнь не даром, надо прежде всего стать настоящим, хорошим человеком. Максиму не было и семи лет, когда отец объяснял ему: «Человек, который не умеет работать, — дрянной человек. А ты — должен быть хорошим человеком».

Алексей Максимович пользовался любым поводом, чтобы привлечь внимание сына и людям героического склада, развить в его душе самые лучшие нравственные качества. Он писал Максиму 23 декабря 1908 года: «Если ты хочешь, чтобы вокруг тебя были хорошие люди, — попробуй относиться к ним внимательно, ласково, вежливо — увидишь, что все станет лучше. Все в жизни зависит от тебя самого, поверь мне». И через месяц, 21 января 1909 года: «Слушайся сердца, когда оно подсказывает тебе такие решения, которые клонятся к твоей невыгоде и к выгоде других».

Когда Максим был еще маленьким, о серьезных вещах отец с ним говорил иногда шутовски, иногда загадками и тем самым привлекал к этим вещам его внимание. Мальчику шел девятый год. Алексей Максимович прислал ему из Швейцарии в Ялту письмо, написанное на двух открытках с видами Шильонского замка. Подробно рассказать Максиму о том, что в этом замке в XVI веке томился Франсуа Бониваре (как известно, его впоследствии воспел английский поэт Джордж Байрон в поэме «Шильонский узник»), в наслах написанных открытках Горький, конечно, не мог. Но и красочными открытками, и тем не очень понятным и загадочным, что он написал в своем письме, отец привлеч внимание сына и к замку, и к его узнику. «В этом замке, — читаем мы на оборотной стороне открытки, — сидел один честный человек. Видишь, как хорошо быть честным, — дают бесплатную квартиру». Строчки интригующие. Прочитав их, мальчик вряд ли не обратился к окружающим с вопросами: «Что это за бесплатная квартира?», «Почему ее дают честному человеку?» и, наконец, «Кем же был тот честный человек, о котором пишет отец?». А те, в свою очередь, отвечая на них, должны были рассказать ему о бесстрашном, честном человеке, в очень давнюю пору защищавшем интересы народа...

Говоря современным языком, письма Горького представляли собой поток информации, который шел от него к сыну. Информация эта содержа-

лась не только в письмах Алексея Максимовича. На протяжении многих лет он слал Максиму марки и открытки. Причем выбирал он их тоже всегда «с прицелом». Изображенное на них становилось поводом для самой различной «информации». Так стало с открытками, на которых был изображен Шильонский замок.

Первые географические понятия Горький «доводил до сведения» Максима задолго до того, как тот мог получить их в школе. В мае 1905 года он писал мальчику из Петербурга в Ялту: «Попроси маму купить тебе хорошую карту России, а я тебе пришлю глобус, и ты увидишь, как далеко мы живем друг от друга — ты на берегу одного моря, а я другого».

Алексей Максимович посылал мальчику открытки с видами Финляндии, Швеции, Швейцарии, США, Канады, Италии, даже Новой Зеландии. И не было случая, чтобы он не обратил внимания Максима на особенности этих стран: географические, истори-

ческие, историко-культурные, не сообщив никаких-то сведений об их природе, животном мире и пр. Узнав о том, что десятилетний мальчик заинтересовался дикарями и ищет сведения о них, Горький написал ему: «Я пришлю тебе книг о дикарях, но немного погодя, потому что не помню названий и должен выписать из России каталог, а потом уже книги».

Посылаю тебе карточки дикарей и еще разные открытки, собирай их, это полезно.

Потом, когда будешь учить географию и историю, эти карточки помогут тебе скорее запомнить нужное, и гораздо интереснее будет учить».

Сам Алексей Максимович почти не учился в школе, до всего дошел сам, своим опытом и умом. И можно только удивляться, каким самобытным и интересным не только воспитателем, но и педагогом он оказался, расширяя круг представлений своего сына, пробуждая его интерес к знанию.

Если извлечь из писем Горького на-

звания книг, которые он присылал или рекомендовал читать Максиму, — получится интереснейший каталог детской и юношеской библиотеки, над которым стоит задуматься (в большей степени, чем это делается) и тем, кто в наше время издает, распространяет и пропагандирует книгу среди будущих граждан.

Под влиянием отца, оставлявшего ему большой простор для самостоятельности, у Максима формировались собственные интересы, собственные вкусы. А отношения его с отцом складывались так, что он испытывал потребность поделиться с ним своими думами, чувствами, запросами. Горький всегда был чуток и откровенным излияниям Максима и направлял его очень осторожно — в форме не запретов или разрешений, а всегда аргументированных советов. Так было и с кругом чтения. «Анну Каренину» Максим начал читать, с точки зрения Алексея Максимовича, слишком рано. Но узнав об этом, отец не запретил ему читать этот роман Л. Н. Толстого, а, вскользь высказав свое мнение, заметил: что ж, если хочешь — читай. По-другому реагировал Горький, когда тринадцатилетний Максим, как и многие ребята в его возрасте, потянулся к художественной литературе на исторические темы и прислал отцу в ряду других списков книг, которые ему хотелось бы прочитать. Алексей Максимович хотел, чтобы сын его знал подлинную историю родной страны. От ложных представлений он старался его уберечь. Поэтому он ответил отказом на просьбу выписать многие книги из тех, что просил мальчик, но тут же убедительно объяснил причину своего отказа.

«Милый мой старикан! — писал Алексей Максимович 24 января 1911 года. — Книги я тебе выписал, но — не все те, на которые ты указал».

Так, например, не выписал ни одного русского исторического романа, указанного тобою, потому что это все книжки бесталанные и лживые. Со временем я подберу тебе все русские исторические повести и романы, которые можно читать без скуки, без рисна вывихнуть мозг и засорить память ложью. Таких книжек — очень мало у нас...» Назвав в своем письме на первый случай несколько русских исторических романов (в том числе «Князя Серебряного» А. К. Толстого), которые читать стоит, писатель и в отношении их оговаривается: «Да и то читать их следует, предварительно познакомившись с русской историей, чтобы самому видеть, где автор сочиняет и обманывает читателя».

Под влиянием отца «вкус к книге» у Максима Пешкова развился сравнительно рано. Он не только любил чи-

тать, но и научился хорошо разбираться в прочитанном. Читал Максим и современную его отроческим годам взрослую литературу. Был прилежным читателем произведений своего отца. В суждениях о прочитанных книгах его мнение часто совпадало с мнением Алексея Максимовича. Сходились они во взглядах и на многие явления общественной жизни.

Теперь Горький уже не «играл» с сыном, обращаясь к нему как к взрослому. Лет с тринадцати-четырнадцати Максим стал его сознательным и верным другом, единомышленником. Понимали они друг друга с полуслова. Сохранились письма и Алексея Максимовича и Максима, в которых они выражали свое отношение и к первой мировой войне. А. М. Горький писал сыну 26 сентября 1914 года: «Тут страшат не физические потери людьми, а утрата духа живого, рост ненависти человека к человеку, а — отсюда — общее понижение европейской культуры. Вот это страшно!»

Как у тебя в школе?.. Вероятно, всех товарищей прострелило патриотизмом? Патриотом быть не худо, вовсе не худо, но — тупым и глупым патриотом — это беда...» Уже после этого письма состоялась встреча отца и сына в Москве. Когда отец уехал, Максим записал в дневнике: «Приехал папа. Как неожиданно и как вовремя. Как приятно, что он смотрит так же, как и я, на войну...»

И отец, и сын чувствовали приближение революции и радостно ожидали ее. Когда произошла Февральская революция, Максим был в последнем классе гимназии. Великая Октябрьская социалистическая революция застала его студентом первого курса Московского университета. Между Февралем и Октябрем произошло политическое самоопределение Максима. В апреле 1917 года он стал членом партии большевиков.

В книге «М. Горький и сын», помимо переписки Алексея Максимовича с сыном и маленькими внуками, напечатаны воспоминания жены Максима Алексеевича И. А. Пешковой, его школьного учителя, одного из соратников В. И. Ленина, наркома здравоохранения Н. А. Семашко, писателя А. С. Новикова-Прибоя, который в годы гражданской войны был начальником того «санитарного поезда», в котором сын Горького ездил в Сибирь за хлебом для московских рабочих. Все эти материалы помогают воссоздать образ М. А. Пешкова, узнать, что собой представлял этот так рано умерший человек (он прожил всего только 37 лет), и увидеть А. М. Горького-отца.

Л. ЖАК

„а я везде с тобой...“

*Детские книги о дружбе,
которая...
больше, чем дружба*

Что случилось с мальчишкой? Откуда эта робость, это волнение, возникающее всякий раз, когда он видит девочку, которой прежде просто не замечал?

И вчерашний беспечный озорник задумывается...

В поисках ответа ребята часто тянутся к книгам, потому что даже самым близким людям не всегда расскажешь, что творится в твоём сердце.

Каждая хорошая книга для детей

о любви непременно раскрывает ребятам красоту этого чувства. Его чистоту и целомудрие.

Юрий Томин назвал свою книгу «Восемь дней в неделю». Это повесть о школе, об учительнице, о мальчишках и девочках — ее учениках. И о любви. Скорее даже — о самом начале любви.

Аня и Володя дружили с первого класса. Они всегда были вместе.

А класс посмеивался, класс насмешничал. Просто так, беззлобно, ради шутки, ради красного словца. И вот уже Аня уходит из школы одна, впервые не дождавшись Володи. А слово «любовь» становится для нее самым обидным словом. Оно вселяет тревогу, вызывает неловкость, будто делается что-то запретное.

«Значит, она влюблена в Климова?

Значит, любовь — такая?

Значит, любовь — это когда двое должны все скрывать, таиться, не показывать друг другу, что им интересно вместе. А другие будут выслеживать, подслушивать, подглядывать и смеяться неизвестно над чем?

Выходит, любовь — это когда двое, как мишень в тире: каждый может по ним стрелять сколько вздумается. Только в тире часто промахиваются, а здесь — всегда в яблочко. Зачем она нужна тогда, эта любовь?»

Вмешался взрослый — умный, тактичный. И насмешки временно прекратились.

Но все-таки находитесь мальчишка, начавший все сначала. И вот на белом кирпиче трансформаторной будки вспыхивает красная надпись: «А+В=люб...» Ничего не видя от боли, гнева, обиды, бросается Володя к этой надписи и попадает под колеса грузовика... После этого Аня решает уехать из родного города.

Так печально заканчивается повесть, в которой писатель ведет с ребятами серьезный разговор о неосознанной жестокости, способной привести к беде. О хрупкости, незащищенности первой любви.

Если в повести Ю. Томина ребята причиняют боль Ане и Володе по недомыслию, то Шурин из рассказа Р. Погодина «Алфред» сознательно издевается над влюбленной в него девочкой.

«Мы его отлупили — в кровь, — так начинается рассказ. — Но легче от этого все равно не стало. Спроси меня: за что? Я, пожалуй, и ответить не смогу толком. Знаю одно — били мы его за дело.

Деревня наша называется Светлый Бор. Другой такой деревни по красоте нет, наверное. Речка Тихоня вся блестит, будто это не речка вовсе, а солнечный луч. Потом леса. Слышали по радио, как играет орган? Словно ветер запутался между стволов, рвет-

ся вверх на простор, а сосны держат его и гудят басовито. Людям кажется, будто они всё знают про лес, а начни говорить, и выходит, нет таких слов, которые объясняют красоту леса.

Дороги в нашей деревне мягкие. Ноги грузнут по щиколотку в горячей пыли...

Воздух у нас ароматный, густой. Старики говорят, что из нашего воздуха можно пиво варить.

Альфред, наверно, не понимал такой красоты.

А Любка, прежде гордая, независимая, терпит все. Потому что для Любки он самый лучший, самый умный, самый красивый. Она счастлива своей любовью. Пусть даже неразделенная. Пусть горькой.

Ради Алфреда — так прозвали в деревне Шурика — готова Любка рассориться со всем миром. Ради него забывает она своих друзей-мальчишек. Ради него лезет в сад деда Улана, пренебрегая уговором — никогда не рвать яблоки в этом саду. Но ее самоотверженность и простодушие, ее внимание и забота наталкиваются на эгоизм, бессердечие, подлость.

На наших глазах вершится предательство. Гибнет любовь. Такое нелегко забыть. Особенно если любовь — первая.

А главное, трудно что-либо изменить, если не воспитана с детства душевная чуткость, способность к восприятию прекрасного.

Это особенно хорошо понимаешь, читая рассказ.

«...Альфред, наверно, никогда не видел, как цветут яблоки...»

Закрывается книга М. Бременера «Тебе посвящается...» Прочитан последний рассказ, который называется так же, как и вся книга.

Рассказ о любви и поэзии.

Любовь перевернула мальчишину душу, поломала всю старую, детскую жизнь. И обернулась поэзией. Пусть неумелыми, но вдохновенными стихами.

Одна красота породила другую.

И в этом сила бременеровского рассказа.

Он, этот рассказ, светится изнутри чистым и трепетным светом молодости, светом пробуждающейся человеческой души.

Рассказ не стирается в памяти и наводит на размышления.

Вспоминаешь людей, которых знаешь, прочитанные книги. И убеждаешься: действительно первая любовь — великий дар. Она не проходит бесследно, это та почва, на которой взращивается добро.

Может, не сразу появятся всходы, но раньше или позже — непременно появятся.

В пятнадцать-шестнадцать лет обо-

стрываются все чувства. И рождаются новые, которых не было прежде. Возникает чувство ответственности за все живое и всех живущих.

Ребята становятся сильнее и мужественнее. Они духовно взрослеют. Как Йоно Трангош из книги К. Ярунковой «Брат молчаливого Волка». Молчаливый Йоно, который беззаветно и преданно любит свою сверстницу Яну, синеглазую Яну — самую прекрасную девушку в мире...

Хороших книг о первой любви не так уж много. Тем более важно, чтобы не прошли они мимо наших взрослых ребят.

Г. РУМЯНЦЕВА,
старший библиотекарь
Государственной республиканской
детской библиотеки РСФСР

ДЕНЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Фаиль Искандер. ДЕНЬ ЧИКА. Повесть. Журнал «Юность», № 10, 1971.

Долго ли это — один летний день с нераннего утра до непозднего вечера?

Далеко ли это — от дома, через огород, по берегу речки, которую вообще-то следует называть канавой, минуя старый фруктовый сад и потом в гору, с которой так хорошо виден город, его ржавые крыши и среди них вот он — твой собственный дом рядом с торчащим над ним зеленым копьём кипариса?

Трудно ли это — пройти путь от двора до горы, набрать сосновой смолы, сварить из нее так называемую мастику (ее потом жуют, пуская пузыри), подражаться — нет, не просто подражаться, а принять давно ожидаемый вызов и вступить в бой в присутствии зрителей?

И что такое быть старшим — не просто по возрасту, а по взятым на себя обязанностям и правам? И что такое понимать других — помогать, жалеть, оберегать? И что такое вдруг увидеть — когда у красной сосны стоит именно она, девочка с синими глазами в желтеньком сарафанчике, — почему это так красиво?..

Обо всем этом и еще о многом другом написал свою повесть «День Чика» Фаиль Искандер. Он написал о юных и для юных, притом что его новая вещь напрямую связана с его же взрослым циклом «Последнее ле-

то», один из рассказов которого — «Богатый Портной и другие» — был ранее опубликован в журнале «Новый мир».

Это там можно было узнать, кто они такие, старшие с того двора, откуда отправились в «великий поход» за смолой Чик и Оник, Лёсик, Ника и Сонька. Кто такой отец Оника, по прозвищу Богатый Портной, какие у Чика отец, тетя, дядя и какая у него собачка Белочка — «самая веселая и добрая собака», которую вот тут, в «Дне Чика», по причинам достаточно веским в поход за смолой не взяли. И кто такой отец этих самых рыжих, встретить которых на горе опасаются Чик и его друзья, — этот странный человек, называющий себя «последним русским дворянином и первым советским хиромантом».

Это там вы впервые оказались в небольшом южном городе, где дом есть одно целое со двором и двор есть одно целое с домом — и не только потому, что тут никто и никогда не запирает окон и дверей, а прежде всего потому, что здесь дышит, занимается всякими делами, волнуется, напекает, глазееет, все знает обо всех и обо всем открытая общая жизнь...

Нет сомнений: Искандер пишет о своем — о своем городе и о своем детстве. О том, что было. О том, что ушло — и осталось в нем самом. Осталось цветом, вкусом, запахами, звуками, лицами, голосами. Словом, всеми теми бессмертными подробностями и даже попросту мелочами, без которых нет памяти, потому что память без них мертва и нема. Вот почему для него важно, и как явилась на ветках пропущенная сборщиками сахаристая желтая мушмула, и то, что по неписаным законам не полагалось поднимать с земли палый инжир («это признак нищеты») и следовало поднимать лишь «груши, яблоки и другие достаточно плотные фрукты»; вот почему он сообщает, какой ценностью был в те времена тяжеловесный царский пятак, который при игре в «расшибалку» (у Чика и его друзей она называлась «нанидкой») разбивали столбик монет, и как сложно было тогда, в предвоенную пору, добыть школьную тетрадку — в особенности с глянцевиной бумагой, и как гордились в тех домах, где был патефон с пластинками...

Но во всем этом не только правда его личной писательской памяти — есть тут и верность восприятию мира, присутствующему детству. В пору, когда нам «новы все впечатленья бытия», мы впитываем их жадно, богато, остро — всеми своими чувствами и навсегда. Вот почему нам, когда мы становимся взрослыми, всегда кажется, что в пору детства яблоко было слаще, снег белее, вода свежее.

Искандер пишет об одном дне одного детства. Простом, обычном — и непростом, необычном, потому что в эту пору человеческой жизни у времени другая емкость и другая цена.

Здоровому нормальному подростку никогда не скучно, потому что он занят самым важным на свете делом — он познает жизнь и себя в этой жизни. Здоровый нормальный мальчишка к вечеру устает до того, что валится с ног — не только потому, что его силы еще невелики, а потому, что он проживает каждый свой день без пустых часов — все время жадно берет и столь же безоглядно отдает. Самый «граду» его существования повышен, душевный «обмен веществ» ускорен, диалектика проб, опсибон, открытый драматична.

Повесть «День Чика» написана сжато и соразмерно. Ее сюжет прост и не ветвится. Но в нехитрой истории похода за смолой, как в желуде, таится целый маленький роман. И в этих пятерых, тоже как в желуде, заложены характер и судьба.

Конечно же, они дети, а не маленькие взрослые: Искандер верен правде возраста. Но он пишет о том, что человек начинается очень рано, что он — всегда единственный, всегда отличный от других — уже существует в ту пору, когда его еще не хотят или не умеют принимать всерьез.

И еще. Искандер за то, чтобы детям было предоставлено право на собственную жизнь, он за то, чтобы эта жизнь развивалась по своим внутренним законам — не подавленной, обремененной доверием и разумной мерой свободы.

Подумать только: угляди Богатый Портной со своего балкона тот момент, когда Чик и его команда отправились в путь, подними шум, удержи — и не было бы этого дня, который — прожитый — останется навсегда. Останется памятью о достигнутой цели, об испытании сил, о малых и больших открытиях, сделанных по дороге. Чик понимает это лучше других: думая о Лёсике, слабом, хромоногом, заикающемся мальчишке, что тот «за этот день столько увидел и столько достиг, что можно было им гордиться», и что «он всю жизнь будет помнить этот поход за мастикой», он, Чик, в сущности, думает обо всех, и прежде всего о самом себе. Ведь и он, Чик, в свою очередь и увидел и достиг, потому что он не просто сходил в гору за смолой, а прожил этот день полно — как человек среди людей. Прожил честно и от собственного имени.

Пятеро с одного двора. Их, обычных подростков, мальчиков и девочек, связывают отношения развитые и весьма сложные. Искандер дает нам понять самую структуру этой

детской компании с ее иерархией сильных и слабых, в простоте ее взаимных притяжений и отталкиваний. Нет, он ничего тут не запутывает и не переосложняет, но он, к примеру, пишет про «треугольник», состоящий из Чика, Ники и Соньки — с почти совсем неосознанной влюбленностью Чика в Нику, с Никиной зарождающейся женской уверенностью красивой девочки, с самоотверженной и безнадежной преданностью неказистой Соньки тому же Чику, от которой тому как-то неловко, притом что он привык на нее рассчитывать... Он не боится написать вызывающего щемящую жалость налеку Лёсика, его неловкую старательность, его конфузливую благодарность Чику за то, что тот взял с собой, помогает, не смеется. Он в одно касание, но так зримо пишет ловкого, находчивого на слово, но чуть-чуть равнодушного к другим Оника...

Дети как дети? — да, дети как дети. Но для Искандера важно, что эта маленькая группа являет собой такую разность несходных характеров, такой спектр отношений к себе, к жизни, друг к другу.

Правда, в повести едва ли не все пропущено через восприятие Чика, увидено его глазами. Но Чику можно верить. Об этом мальчишке все время хочется говорить — человеку, потому что в своем главном он уже состоялся. И Искандеру это тоже важно — важно по мысли всей повести, которая говорит о детстве очень всерьез, как о времени, с которого надо вести отсчет существования личности. Как о времени, которое есть не приготовление к жизни, а уже самая жизнь.

Чик — смешной мальчишка. Он хитрый, любопытный, простодушно-философичный, по-детски самолюбивый. И Чик — хороший человек: добрый, жалостливый, деликатный. Ответственный. Честный — и прежде всего перед самим собой. И храбрый. И терпеливый. Весь открытый другим, весь поглощенный своими мальчишескими делами, он в то же время наблюдает, сопоставляет — познает. Все, что происходит вокруг него, мгновенно вступает в напряженные контакты с системой его нравственных правил, которые он, как оказывается, уже успел нажить. Он, Чик, так их сам не называет, но они в нем работают.

Он не уклоняется от драки с большим толстым Бочо, хотя драться тут, на территории противника, в окружении его приспешников, невыгодно и опасно, — и он же протягивает пятак, чтобы чудом побитый им Бочо приложил его и «фонарю», багрово наливавшемуся на лбу. Он изо всех сил охраняет тайну Ники: у девочки арестован отец, но никто из ребят во

дворе этого не знает и, по мнению Чика, знать не должен. Он самоотверженно отдает себя в жертву ценку волкодава — пусть тот его терзает, пока остальные ребята перебегают через двор, где живет этот восторженный и вообще-то добрый, но чересчур всерьез кусачий пес. Сварив мастику и вытянув ее колбаской, Чик делит ее на пять равных частей и говорит Онику «кусай первым», хотя он, Чик, и привел всех сюда, и нашел самый большой натек смолы, и руководил сложным технологическим процессом приготовления мастики. Он не забудет поддержать ветку мушмулы, чтобы все вдосталь нарвали с нее ягод, и много-много раз отодвинет с дороги Лёсика колючие плети кустарника, чтобы неловким ногам Лёсика было побольше свободного места.

Да, он, Чик, говоря теперешним языком, «лидер» — вожак, главарь. Как часто окружающее дает нам примеры лидерства, основанного на злом праве, на злой силе, когда подчиняет себе других тот, у кого крепче кулаки, богаче запас ругательств, меньше совести и доброты. Чик никого не подчиняет, да и не хочет подчинять — он просто ведет других так, чтобы им было лучше, легче, интереснее. Он не утверждает себя за чужой счет — он впереди, потому что больше других на себя берет.

Повесть Фазила Искандера вроде бы из тех, что принято называть «добрыми». Но если среди них очень часто попадаются и сладкие и упрощающе-благостные, то эта отзванивает умным скрытым юмором и горчит оттенком задумчивой печали. День Чика, который он проживает на наших глазах, в самом деле отстоит от нас на три десятилетия, отрезан войной, отдален переменами, весь окрашен цветом иного времени. Искандер не вздыхает о том, что то время было лучше, — он просто знает: оно было другим и оно прошло. Сменилось иным. И новые мальчишки и девочки глядят теперь на город с этой самой горы. Пружинят у них под ногами упругие подметки баскетбольных кефов и блестят своими никелированными заклепками застиранные до белесости джинсы. По вечерам двор Чика с зеленым копьём кипариса у ворот пустеет, потому что загораются в комнатах экраны телевизоров и совершаются какие-то электронные тайны за полированными панелями «Спидол» и «Ригонд». Другие дела, другие словечки, другие песни... Другой мир. И другие дети в этом мире. Люди, которым тринадцать сего дня.

Искандер думает о них, когда пишет о своем Чике. Он хотел бы знать, в какой у них сейчас цене то, что в

этот далений ушедший день сделало именно этого мальчишку старшим и главным, — в цене ли у них, когда кто-то просто хороший человек?..

В. ШИТОВА

нужна ли неправда?

Р. Нойберт. ЧТО Я СКАЖУ МОЕМУ РЕБЕНКУ? Перевод с немецкого. М., «Медицина», 1971.

Даже в семьях, где и воспитанию относятся вдумчиво и ответственно, взрослые чувствуют себя беспомощными перед вопросом ребенка: «Откуда берутся дети?» В ответ на этот вопрос, в сущности столь же естественный и закономерный, как и все детские вопросы, мало кто решается говорить правду — идет в ход ложь «во спасение». Убедиться, насколько ошибочен такой путь, можно, прочитав брошюру немецкого профессора Р. Нойберта «Что я скажу моему ребенку?», которая недавно вышла на русский язык.

Имя Рудольфа Нойберта уже знакомо советскому читателю: не так давно вышла у нас двумя изданиями его «Новая книга о супружестве». Уже по тому, что ее перевод на русский язык был сделан с пятнадцатого немецкого издания, можно видеть: книга отвечает насущным интересам многих читателей. На ее страницах автор, опытный врач-гигиенист, естествоиспытатель и социолог, вел откровенный разговор о проблемах брака в его различных аспектах. И вот перед нами новая попытка поговорить на «запретную тему».

...Разве в том дело, насколько легко удастся вам вывернуться, когда ребенок, доверчиво глядя на вас, спрашивает, откуда он взялся? А многие родители считают удачей, если сумеют отвлечь малыша от «нехороших» мыслей. Нет, объясняет автор брошюры, отговорками, вымыслом вы упустили возможность положить первый кирпичик в фундамент, на котором день за днем, год за годом должны созидать нравственное начало в душе будущего человека, чистое, уважительное отношение к любви, браку, семье. Правду ребенок все равно узнает. Очень возможно, она дойдет до него в грубом, непри-

глядном виде. Тогда исправлять что-то будет трудно. Лучше, если ребенок услышит правду от родителей, — точнее, ту ее часть, которая доступна пониманию в его возрасте. Это создаст иммунитет и против «уличных» сведений, укрепит доверие к родителям, будет способствовать тому, что и в дальнейшем со всеми своими сомнениями ребенок придет к матери, к отцу.

Доктору Нойберту принадлежит мысль заменить общие рассуждения о половом воспитании конкретными рекомендациями. Название брошюры определяет круг советов, которые найдет в ней читатель. Сведения о возрасте, в каком дети уже могут интересоваться, как они появились. Указание, что этот вопрос обязательно возникает с рождением младших братьев и сестер, с подготовкой в семье к этому дню, с изменившейся фигурой матери, которая ждет ребенка. Предупреждение: нужно учитывать особенности детского мышления. Так, если ребенок заинтересуется, почему дети вначале растут в теле матери, он будет удовлетворен ответом: «Потому что они такие нежные и маленькие, что требуют защиты и тепла».

Разумеется, каждая мать, каждый отец сумеют найти свои слова, вовсе не обязательно в разговорах с детьми цитировать книжку Нойберта. Но стоит задуматься над причинами, почему так редко, по его мнению, родители сообщают детям правильные сведения: «Часто они не владеют даже самыми элементарными фактическими знаниями. Кроме того, тема представляется им слишком щекотливой». Пока это так, «пока человек естественную историю продолжения человеческого рода считает «щекотливой», — предупреждает автор, — он не может давать разъяснения детям по этому вопросу. Родителям необходимо внимательно изучать, читать, думать до тех пор, пока в их сознании не исчезнет всякое сомнение, пока они не увидят, что предмет, который они считали «щекотливым», не является таковым». Это серьезное условие, приступить к его выполнению можно, ознакомившись с литературой, которая приводится в конце книги.

И тогда откровенность ответов, рекомендуемых Нойбертом, станет естественной. И легче будет справиться с основной трудностью — уяснить себе, что «дети не видят никакой связи между возникновением маленьких детей, с одной стороны, и любовью, наслаждением и страданием — с другой». Понятным станет, как нелепы и вредны попытки взрослых затуманить суть проблемы, которая для детей еще просто не возникла. А уловив

неискренность, неуверенность, запомнив, что маленькую сестру «купили за денюжки», ребенок потом узнает нечто иное и решит: раз скрывали, говорили неправду, значит, здесь что-то нехорошее, таинственное. Спрашивать больше нельзя, стыдно. Но узнать как-то надо. Так возникает повышенный интерес к той стороне жизни, от знания которой мы так стремимся уберечь детей своей ложью «во спасение». Получается как раз наоборот.

Т. ВЛАДИМИРОВА

В единоборстве со стихией

В. И. Войтов. МОРСКИЕ РОБИНЗОНЫ. М., «Мысль», 1971.

В этой книге автор собрал историю о мореплавателях-одиночках. Он пишет и о широко известных советскому читателю плаваниях Бомбара и Чичестера, и о забытых путешествиях Пиджена и Жербо, и о мало кому знакомых приключениях Блэнберна и Хори. Автор говорит, что известно уже более 200 мореплавателей-одиночек, о многих из которых он пишет, но, понятно, далеко не обо всех.

Что заставляет людей пускаться в такие длительные, тяжелые, рискованные плавания? Причины оказываются весьма различными. Жербо бежал на просторы Мирового океана от ненавистной ему буржуазной цивилизации; Тумелен стремился повидать девственную природу; Ридинг хотел установить рекорд на яхте-крошке; Слокама подтолкнула к плаванию безработица среди капитанов парусных кораблей; Колдуэлл хотел повидать жену, отделенную от него более и не менее, как Тихим океаном. Были плавания, предпринятые с рекламными целями или ради выигрыша пари. Но так или иначе все путешествия мореплавателей-одиночек показали огромные возможности человека, могущего выжить, выстоять, победить в самых невероятных ситуациях, в самых, казалось бы, безнадежных положениях. Эти плавания учат мужеству, выносливости, находчивости, терпению. Читая книгу В. Войтова, понимаешь, что мореплаватель-одиночка должен все уметь и все знать. Он должен быть настоящим моряком, спортсменом, опытным навигатором, мастером, способным починить поврежде-

ния на яхте или плоту; он должен уметь готовить, ловить рыбу, хоть немного разбираться в медицине, а также уметь делать все то, чего нельзя предусмотреть заранее.

В. Войтов убедительно показывает, что плавание одиночек — не увеселительные прогулки, а трудные и опасные предприятия, нередко кончающиеся гибелью мореплавателей. Каждый год на коралловых рифах Тихого океана разбиваются яхты мореплавателей-одиночек, и каждый же год новые смельчаки уходят в океан...

«Морские робинзоны» читаются с большим интересом почти в любом возрасте, но особенно благодарную аудиторию они найдут, наверно, среди подростков и юношества. Книга насыщена увлекательной информацией.

Вл. КРЕЧЕТОВ

недавно выпущено...

Абрамов Ф. Братья и сестры. — Две зимы и три лета. Романы. Л., «Сов. писатель», 1971. 582 с. с илл. 100 000 экз. 1 р. 6 к.

Вистунов Е. У опасного поворота. Л., Лениздат, 1971. 231 с. 90 000 экз. 28 к. (Очерки о воспитании подростков).

В мире интересного. Сост. Д. Ф. Чистопьянов. Минск, «Нар. асвета», 1971. 110 с. с илл. 86 000 экз. 14 к.

Гордон Д. Почему мы не проваливаемся сквозь пол. Пер. с англ. Предисл. Ю. Н. Работнова. М., «Мир», 1971. 272 с. 64 к. (Ученый популярно рассказывает о свойствах материалов и конструкций).

Жизнь в кино. Ветераны о себе и своих товарищах. Сост. О. Т. Нестерович. М., «Искусство», 1971. 391 с. с илл. 1 500 экз. 1 р. 70 к.

Жогин Н. и Мельникова Э. Закон обо мне и мне о законе. Что должны знать молодые люди о советских законах. М., «Молодая гвардия», 1971. 328 с. 100 000 экз. 44 к.

Зайгарник Б. В. Личность и патология деятельности. М., Изд-во Моск. ун-та, 1971. 100 с. 7 120 экз. 40 к.

Зарубин Г. П. Вода, которую мы пьем. М., «Знание», 1971. 79 с. 100 000 экз. 15 к.

Ковалев А. Г. Воспитание чувств. М., «Педагогика», 1971. 94 с. 40 000 экз. 13 к.

Могилевская С. Театр на Арбатской площади. Ист. повесть. Худож. Г. Калиновский. М., «Дет. лит.»,

1971. 207 с. с илл. 75 000 экз. 50 к. (Для детей среднего возраста).

Осокин В. Российскую землей рожденный. Ист. повесть о М. Ломоносове. Худож. А. Голицын. М., «Мол. гвардия», 1971. 160 с. с илл. 100 000 экз. 30 к.

Петров Р. Сфинксы XX века. Изд. 2-е, доп. М., «Мол. гвардия», 1971. 255 с. с илл. 65 000 экз. 55 к. (Очерки об иммунологии).

Соколов-Минитов И. С. Звуки земли. Рассказы о птицах. Рис. Г. Никольского. М., «Дет. лит.», 1971. 128 с. с илл. 100 000 экз. 88 к. (Для младших школьников).

Соловейчик С. Десять тысяч уроков. Школа: какая она, какой станет в девятой пятилетке. М., «Дет. лит.», 1971. 32 с. с илл. 100 000 экз. 48 к.

Старинные исторические песни. О царе Иване Васильевиче Грозном, Кузьме Минине, атамане Степане Разине, Емельяне Пугачеве, генералиссимусе Александре Суворове и других героях истории российской. Вступит. статья и сост. В. П. Аникина. Рис. Л. Фалина. М., «Дет. лит.», 1971. 63 с. с илл. 100 000 экз. 11 к. (Для детей среднего и старшего возраста).

Султанов М. Н. Ядовитые животные: яды и противоядия. М., «Знание», 1971. 47 с. с илл. 77 980 экз. 9 к.

Сухомятинский В. А. Рождение гражданина. М., «Мол. гвардия», 1971. 336 с. 9 л. илл. 100 000 экз. 88 к.

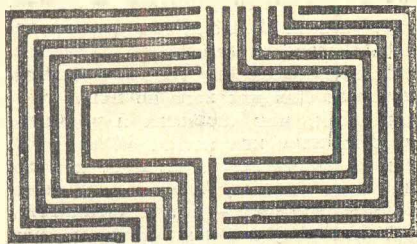
Ураков И. Г., Гарнавский Ю. Б. и Куликов В. В. Берегите друг друга. Как сохранить психическое здоровье. М., «Знание», 1971. 80 с. 100 000 экз. 15 к.

Успенский Л. Слово о словах. Очерки о языке. — Почему не иначе? Этимол. словарь школьника. Л., «Дет. лит.», 1971. 717 с. 1 р. 24 к. (Для детей среднего и старшего возраста).

Учитель в моей жизни. Очерки, письма, воспоминания. М., «Правда», 1971. 64 с. 75 000 экз. 12 к.

Фадеева Е. И. Взрослые и дети. Обзор литературы для родителей. М., «Книга», 1971. 46 с. 30 000 экз. 9 к.

ВОТ ЭТО БЫЛА ЛЮБОВЬ

*Продолжаем разговор:
«Подросток на экране
и перед экраном»*

Не о том хочется писать, что маловато сейчас хороших фильмов для детей и юношества. Увы, маловато! За четыре предвоенных года вышли — «Белеет парус одинокий», трилогия о Горьком, «Федька», «Яков Свердлов», «Дума про казака Голоту», «Джюльбарс», «Концерт Бетховена», «Дети капитана Гранта», «Золотой ключик»... даже не верится! Однако были фильмы и в последние четыре года.

И не в том беда, что дети предпочитают «Неуловимых мстителей» «Иванову детству». «Капитан Сорви-голова» всегда был в большем спросе, чем «Капитан Фракасс».

Думаешь о другом.

На совещании, организованном редакциями журналов «Семья и школа» и «Искусство кино», одиноко прозвучало выступление педагога И. Вайля:

«Учителя должны хорошо ориентироваться в искусстве кино, знать шедевры и просто хорошие картины, созданные нашим кинематографом, должны помочь ребятам их понять и полюбить».

Не знают. Не полностью понимают. И — не по-настоящему любят.

Мы сетуем на грехи в преподавании литературы. Но литературу

как-то знают. И, не всегда понимая, верят, что стоит ее понять, полюбить.

Мне много лет доводилось встречаться — не со школьниками, со студентами. Они краем уха слышали о Довженко, об Эйзенштейне, ровно ничегошеньки не знают о шедеврах советского и мирового кино (исключения, вроде школьного кино клуба в г. Калинин, только подтверждают правило).

Может быть, потому не знают, что шедевры не показывают? Показывают. И в кинотеатрах, и на телеэкране. Было бы желание увидеть. Желания нет. И оно не стимулируется.

А, может быть, она и не стоит внимания, эта скучная история одного из искусств, пусть «самого важного»?

Так ведь не скучная.

Начало советского кино... Голодные, фанатически влюбленные в новый строй и в новое искусство юнцы... Дзига Вертов, молчаливый, одержимый человек, — его имя сейчас на устах у всех кинематографистов мира... Школа Кулешова, где снимали фильмы без пленки, а у «героини» были рваные туфли на ногах... Знаменитая эйзенштейновская «пятерка», помогавшая великому художнику сотворить лучший фильм планеты — «Броненосец «Потемкин»...

Шествия заводов, институтов, воинских подразделений с плакатами «Мы идем смотреть «Чапаева!»

Умирующие с голоду люди, создающие под обстрелом в ленинградской блокаде кинолетопись величайшей оптимистической трагедии...

Вот в дневнике погибшего в боях поэта Михаила Кульчицкого (советно упоминать и свое, но — что поделать!):

«...24 мая 1939 года. В кино на «Чапаеве» испанцы кричали: «Смерть фашистам!» Их успокоили: «Сейчас их убьют...» 23 июня. «Юность Максима». Вот это фильм!»

...Из ничего лондонского квартала является маленький комедиант, играющий в незатейливых пантомимах. И вот — волшебство, почи-

ще, чем превращения графа Монте-Кристо: мир возносит вчерашнего эстрадника Чарли на высоты, едва ли не шекспировские, да нет, выше шекспировских.

И об этом не знают. Вырастают — не зная. И (бывает) учат других детей, равнодушные к великому искусству. Я не только о школе. Я еще больше о семье.

Мало знать фамилии людей, сделавших «Чапаева» или «Балладу о солдате». Не в фамилиях дело.

Надо, стоит знать кино — как искусство.

Все живут прелестью пушкинского стиха. Знают упоение чеховской прозой. Горьковским словом. Шолоховским пейзажем.

Но ведь никто, кроме заядлых кинематографистов, не учитывает слова «как» — в кинематографе. Как сделан расстрел на одесской лестнице в «Потемкине». Как приходим мы к вселенной в глазах лежащего на земле бойца («Судьба человека»). Как танцуют деревья в фильме Тарковского. Как пронзительны пейзажи в «Голом острове».

Можно этого не знать. Но чувствовать, дышать — да как бедно жить без этого!

Отсюда, из этой слепоты к художеству кино и возникает культ погонь, азарт перестрелок, владеющих душами юных зрителей. Подумать только, по многу раз смотрят «Верную Руку, друга индейцев», этот до тошноты суррогатный перепев майн-ридовской поэзии.

Открыть бы глаза миллионов детей (и тех, кто их учит — и дома, и в классе) на большой, поистине увлекательный мир!

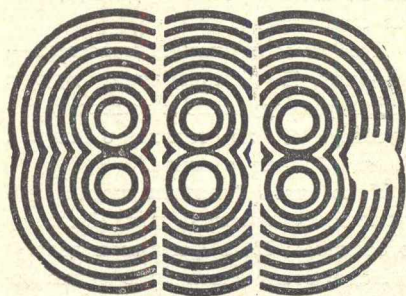
Перед войной на спектакле «Борис Годунов» в ленинградском ТЮЗе, когда Борис Чирков — Самозванец вышел на сцену, на весь театр прозвучал потрясенный голос первоклассника:

— Мама, мама, смотри! Максим — со шпорами!

Вот это была любовь!

Леонид ТРАУБЕРГ,
кинорежиссер,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

мир не кукольный, но живой...

М. П. Мусоргский. ДЕТСКАЯ.
1. С няней. 2. В углу. 3. Жук.
4. С куклой. 5. На сон грядущий.
6. Кот-матрос. 7. Поехал на палочке. Исполняют Нина Дорлиак и Святослав Рихтер.

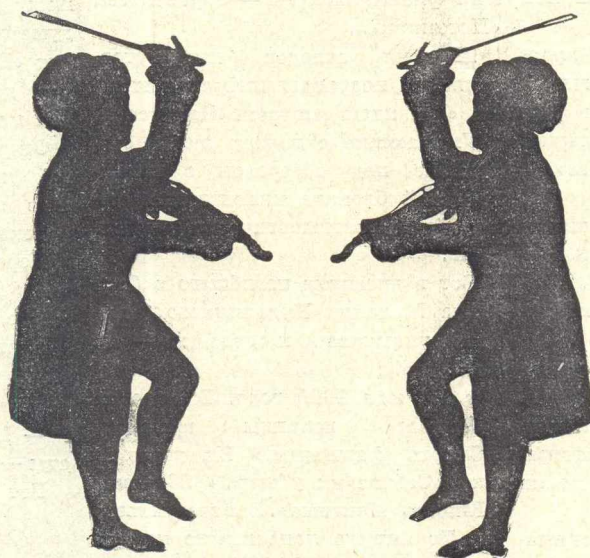
Опера была закончена. Летом 1870 года он отдал готовую партитуру «Бориса Годунова» в дирекцию императорских театров. Особой надежды на скорую постановку оперы у Мусоргского не было. Слишком смелым было уже само обращение к опальной пушкинской трагедии, до сих пор еще не представленной на сцене.

В последние два-три года Модест Петрович Мусоргский, едва перешагнувший порог тридцатилетия — счастливый возраст для творчества, понял, что наконец-то он нашел свой путь в искусстве. Чего он хотел от музыки, к чему стремился? Всего себя отдать людям — иначе он творчества себе не представлял. Только до конца прочувствованное и выстраданное самим рисновал он отдать на людской суд. С каким несказанным жаром работал он эти годы! Сам не переставал удивляться. «Сколько неведанных, неслыханных миров и жизней открывается!.. Трудны достижения, боязно подступиться к ним, но когда подступишь — откуда дерзость берется! — и хорошо тогда бывает». Он считал, что открыть это неведомое ему должно помочь слово. Как никому другому, близок был Мусоргскому завет Даргомыжского: «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды». Мусоргский стремился, чтобы его музыка была художественным воплощением живой челове-

ческой речи во всех характернейших изгибах ее. Потому-то так чутко прислушивался он к звучащим вокруг него словам — шумному говору площадей в праздники и к беседам в петербургских салонах, где ему случалось бывать, и велеречию семинаристов и к степенному говору крестьян, который был для него не менее притягателен, чем любимая и родная с детства народная песня. «Жизнь, где бы ни сказалась, правда, как бы ни была солона, смелая искренняя речь к людям — вот моя закваска, вот чего хочу и в чем боялся бы промахнуться».

В «Борисе Годунове» он не промахнулся — это композитор знал твердо. А когда он почувствовал это впервые по-настоящему? Да, наверное, тогда — два года назад.

Жив был еще Александр Сергеевич Даргомыжский. Как всегда, собиралась у него группа молодых композиторов во главе с Милием Алексеевичем Балакиревым. Кроме Мусоргского приходили Николай Андреевич Римский-Корсаков, Александр Порфирьевич Бородин, Цезарь Антонович Кюи, иногда и другие композиторы. Появлялся шумный, всегда увлеченный чем-то новым Владимир Васильевич Стасов. Для них четверых вместе с Балакиревым он был наставником, старшим другом, чутким советником. Бывали на вечерах и сестры

Пургольд — младшая, Надежда Николаевна, позже ставшая женой Н. А. Римского-Корсакова, очень недурно играла на фортепиано, старшая, Александра Николаевна, поразила его тогда при первом знакомстве у Даргомыжского не только своим чистым, удивительно искренне звучащим сопрано, но и всем своим мягким и тонким обликом. Тогда они все вместе разучивали только что написанного Даргомыжским «Каменного гостя». Мусоргский, у которого был недурный голос, пел Лепорелло и Дон Карлоса, Александра Николаевна — Донну Анну и Лауру. «Каменный гость» порастил молодого композитора. С такой смелостью переложил Даргомыжский на язык музыки подлинный текст маленькой трагедии Пушкина. Его гибкий, точный речитатив, схватывающий буквально каждый оттенок поэтического текста, был необычайно близок Мусоргскому. Именно так и надо писать, казалось ему.

Однажды он принес Даргомыжскому только что написанный романс. Тогда он назывался «Дитя» (нам он известен под названием «С няней»). Романс этот, текст которого написал сам Мусоргский, был навеян воспоминаниями его детства, проведенного в селе Карево Торопецкого уезда Псковской губернии. Как свежи еще были его впечатления от фантастических, страшных и веселых сказок, которые рассказывала ему крепостная нянька. Вот он просит нянюшку рассказать о буне — лесном чуде, и самому страшно становится, как только вспомнит жуткую сказку. Нет, уж лучше на ночь послушать другую — ту, смешную, про царя, который «как споткнется, так гриб вырастет», и про царицу, которая «как чихнет — стекла вдребезги». А про буку-то пусть уж не рассказывает. И, как ему казалось, музыке удалось передать живое ощущение психологии ребенка.

До сих пор помнил Модест Петрович, в какой восторг пришел Даргомыжский, услышав песню. Он сразу же великодушно признал успех молодого композитора. «Ну, этот заткнул меня за пояс», — радостно говорил старый мастер. Тогда-то и подумалось: не промахнулся. Вместе с другими недавно написанными романсами Мусоргский отдал и этот Сашеньке Пургольд. Та чудесно их пела.

Александр Сергеевич советовал ему обязательно продолжить работу над детским циклом. Но сразу он как-то не смог. Мусоргского увлекла тогда необычная идея — написать оперу на подлинный текст гооголевской комедии «Женитьба». Он даже написал первый акт. А потом — почти два года напряженнейшей работы над «Борисом Годуновым», когда ни о чем

другом композитор думать не мог. Теперь, когда партитура была закончена, ему вспомнилось пожелание незабвенного Александра Сергеевича.

Детская жизнь — ведь это тоже один из «неведомых миров», почти что не тронутый музыкой. Правда, и до Мусоргского писали музыку для детей. У Гайдна была чудесная «Детская симфония», у Шумана — «Альбом для юношества», предназначены они были для детского исполнения и восприятия. У того же Шумана были еще и «Детские сцены» — музыка о детях, написанная для взрослых, поэтичная попытка выразить внутренний мир маленького человека. Задача же Мусоргского была еще смелее и ответственнее (иных он не знал и не хотел знать): поведать об этом вовсе не кукольном, а живом и своеобразном мире через детскую речь, через все оттенки формирующегося сознания ребенка. Поэтому и тексты и новые песни он сочинял сам, вспоминая и свое детство, внимательно прислушиваясь и присматриваясь к тому, что делали и говорили знакомые ему дети — племянники Гога и Танечка, дети его друга Дмитрия Васильевича Стасова. Маленьких Стасовых он особенно нежно любил, видно, им он дарил неистраченную отцовскую любовь. А они, малыши, платили ему тем же, радуясь каждому его приходу, каждой рассказанной им сказке, любили, когда он играл вместе с ними. Ему, неприкаянному, не имеющему собственного семейного очага, эта детская любовь была особенно дорога.

Сочиняя новые романсы, думал он и об Александре Николаевне. Может быть, если бы не она, они так и не появились бы. Конечно, никто кроме нее не сможет их спеть по-настоящему.

В течение октября—декабря 1870 года один за другим появились четыре романса: «В углу», «Жук», «С кунлой», «На сон грядущий». Вместе с первым, посвященном Даргомыжскому, «С няней», они составили вокальный цикл. По предложению Владимира Васильевича Стасова, Мусоргский назвал его «Детская».

Первый цикл исполняла Александра Пургольд. Поначалу она заметно волновалась. Еще бы, передать речитатив Мусоргского, очень новый по тому времени, найти точную интонацию поющих-произносящих слов ребенка или сердитых реплик няни — необычайно сложно. Да еще спеть в присутствии самого автора, перед талантом которого певица так прелюбопытствовалась! Постепенно волнение прошло. А сам композитор слушал Сашеньку с восхищением. Как точно схватила она смысл каждой песни, как умеет передать своим чудесным голосом и радость ребенка, и его

удивление необычайным, впервые в жизни открывшимся, и его детские страхи и первую обиду, а то и маленькую ложь, в которую сам готов поверить. Может быть, особенно удалась нольбильная, которую, подражая взрослым, поет маленькая девочка своей кукле — Тяпе.

«Это именно то, что я задумал. Вы меня вполне поняли, пойте именно так, не изменяя ни интонации, ни выражения, и я буду вполне доволен», — растроганно сказал он певице.

Сценки из детской жизни понравились решительно всем друзьям. Восторжались и Стасов и Римский-Корсаков, и даже Кюи, часто порицавший Мусоргского за «норявости» инструментального сопровождения, на этот раз остался доволен. Художник и архитектор Виттор Гартман, один из близких друзей композитора, говорил, что «Детская» — ряд истинных сцен, которые надо исполнять в декорациях и костюмах.

«Просто поразительно, сколько в этих маленьких шедеврах оригинальности и новизны. Все, что есть поэтического, наивного, милого, немножко лунавого, добродушного, детски горячего, мечтательного и глубоко трогательного в мире ребенка, — является тут в формах небывалых, еще никем не троганных... Что за маленькие созданыца, стоящие целых симфоний и опер!» — писал В. В. Стасов.

В 1872 году «Детская» была издана. Рисунки для обложки сделал Илья Ефимович Репин. А вскоре Мусоргский узнал, что его «Детская» необычайно восхитила и растрогала Листа, пристально следившего из далекого Веймара за успехами молодой русской композиторской школы.

Еще раньше появилось желание написать о детях еще. Были написаны два новых романса «Кот-матрос» и «Поехала на палочке». Были задуманы и другие, наброски их композитор проигрывал друзьям. Но записать не успел: новый грандиозный замысел привлекал его внимание — начиналась «Хованщина». Полностью «Детская» была издана только после смерти композитора. В двух последних песнях, как заметил впоследствии академик Б. В. Асафьев, «виднее дети в их повадках ребяческих. В первых же сценах — детская, вводимая в жизнь, душа, и сквозит описание происходящего, наблюдаемого извне, стук-стук-стук во внутренние переживания ребенка».

Такими представляются они и нам, эти семь маленьких романсов, уникальный песенный цикл Модеста Петровича Мусоргского, составляющий гордость русской вокальной классики.

Н. ТАНАЕВ

приглашение
к танцу

**ВСЕГДА НОВО
И ПРЕЛЕСТНО**

Однажды в Москве, в Концертном зале имени Чайковского состоялся необычный вечер. Выступали не профессионалы, не участники художественной самодеятельности, а просто деревенские жители. Энтузиаст танцевального фольклора А. П. Чижова, побывав на деревенских праздниках самых различных областей и районов России, пригласила людей, которых она видела, в столицу. Ехали семьями,

селами — молодежь, старики, старухи. Никто не ставил их танцы, никто не учил их, как лучше сделать то или иное движение. Танцевали они так, как издавна танцуют все у них в деревне, а зрелище было необычайно увлекательное: такого разнообразия форм, красок, ритмов, созданных обычаями, темпераментом, художественным чутьем народа и вообразить было невозможно.

Вот северные танцы — спокойствие и величавость, в движениях женщины особая плавность. И в танцах восточных народов женщины отличает плавность движений, но там они парят, а здесь как бы плывут. Умение использовать небольшое количество движений для создания образа, строгость в сочетании с достоинством создают ощущение почти эпической простоты и силы. Жители приволжских дере-

**Виолетта БОВТ,
народная артистка СССР**

вень вносят в танец задор и беспешабность, удал молодечества. Появляются «подскоки» и «присядки», неожиданные ритмические паузы, переходы, «перебросы». Чем ближе к югу, тем непосредственнее пластика танцующих, через танец выступают индивидуальные характеры, а в то же время узор танцев становится сложнее, замысловатее, «карусели» и хороводы поражают хитрым рисунком. В уральских танцах опять степенство и достоинство, но сильный темперамент так и готов прорваться и разлиться буйным потоком...

Неисчерпаемо богаты, разнообразны формы русского народного танца, но тем не менее есть в этом разнообразии то общее, что определяет его национальный характер, то, что никогда не позволит спутать его с польским, молдавским, испанским, немецким. Это общее подмечать в особых приемах, ритмической интонации, стихии танца, подчас необъяснимой словами, — ее надо почувствовать. Помните, как в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого Наташа, восхитившись, как наигрывает дядюшка на гитаре «Барыню», не выдержала, захотела танцевать. И подперши руки в боки, сделала движение плечами: «Где, как, когда восала в себя из того русского воздуха, которым она дышала — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этот воздух, откуда она взяла эти приемы, которые раз de ch le давно бы должны вытеснить? Но дух и приемы были те самые, неподражаемые, не изучаемые, русские...» Право, лучше и не скажешь о том, как человек в танце выражает себя: не только свой индивидуальный характер, но свое национальное чувство, кровную близость к родной природе, любовь к ней.

Мне пришлось видеть, как танцуют кубинцы. Это было во время карнавала, когда казалось: жизнь остановилась, потому что все были захвачены карнавальным весельем, всемогуществом танца. Поразительна эта страстность, бешенность ритма, эта совершенно неизвестная, непринятая в русском народном танце откровенность, полная раскрепощенность в проявлении чувств. На одной площади после того, как вышли из круга взрослые танцоры, появилась малышка лет пяти-шести. Уже изнемогшие от восторгов, мы замерли. Это было невероятно, но девочка танцевала не хуже взрослых — точнее, вывереннее были ее ритмы, непринужденнее движения и — та же страсть! Вот тогда я поверила, что танец рождается вместе с человеком, что можно родиться с «танцем в крови».

О, это очень сложная и не совсем еще изученная область — национальный танец. Он устойчив и неистребим, как и национальный характер. Гонения, чужеземные влияния (у нас это было и при Алексее Михайловиче, когда скомоорохов и плясунов велено было сажать в колодки, бросать в тюрьмы, а при Петре I началось насильственное насаждение в обществе западных танцев на знаменитых ассамблеях) не в силах искоренить потребность в народном танце, не в силах заставить народ забыть свой танец.

Но это не значит, что танец не подвержен влиянию времени. На него влияют изменения бытового уклада, расширение международных связей, убыстрявшийся темп жизни, равноправные отношения мужчин и женщин.

На последнем обстоятельстве стоит остановиться особо. Говорят, танец — это всегда объяснение в любви. А ведь в разное время в любви объяснялись по-разному. Олеарий, путешествовавший по России в первой половине XVII века, записал: «Русские не берутся за руки и не водят друг друга, как это делают немцы, у них мужчины и женщины пляшут сами по себе». По грузинским обычаям мужчина не только не касается женщины в танце — даже прикосновение к краю ее одежды уже считается невозможным. Грузинка плывет, парит над партнером. Все стремительнее движения мужчины, бесстрашным, могущественным воином, не знающими преград рисуется он перед женщиной, ее же движения остаются по-прежнему невозмутимо грациозными, пленительно спокойными. И танец может быть бесконечным, потому что надо снова и снова завоевывать признание женщины. В молдавском танце женщина кладет руки на плечи партнера, а он, обняв ее за талию, кружит, приподняв над землей. Я не знаю, в каком веке родился этот танец, когда стало возможным вот в такой форме выражать свое расположение друг к другу. Поразило меня другое. Я видела этот танец не в исполнении артистов, а во время праздничного гулянья в одном из молдавских сел. Наслаждалась непосредственностью, неподдельной веселостью танцоров, но больше всего меня восхитила красота вот этой формы общения парней и девушек. Надо было видеть, как доверчиво клала девушка руки на плечи парню, как бережно и сильно он ее обхватывал — была в этом красота целомудрия, обаяния той чистоты, которую нарочно не изображишь, не сыграешь.

Да, надо сказать, что определенная черта народного танца —

поэтизация отношений мужчины и женщины. Для бытового танца, который произошел и происходит от народного (сочинители твиста, шейка, летки-енки используют характерные движения, пластику танцев различных народов), эта черта не только не безразлична, она оказывается своего рода «пробным камнем», мерилом качества, залогом долговечности. Мне кажется, что стремление к твистам и шейкам, подчеркивающим сексуальные черты танца, остынет, как бывает с модой...

И еще раз хочется вспомнить о моде. Поскольку в последние десятилетия многие бытовые танцы рождались под влиянием танцев Латинской Америки и Африки, возможно, некоторые думают, что свои народные танцы можно забыть. Наверное, все читатели согласятся с тем, что народные танцы прекрасны. Однако, идя на танцплощадку, танцуют то, что модно в настоящее время, и танцуют так, «как танцуют все». Может быть, для некоторых любовь к народному танцу как к театральному зрелищу, — сама по себе, а некрасивое разнузданное подчас кривляние во время «бытового» танца — само по себе...

Нет! — Отвечаю я на это. Современный танец и танец народный — не так далеки друг от друга, как кажется иным. Разве случайно, что именно в наше время сложились такие выдающиеся коллективы, как ансамбль народного танца под управлением Моисеева, «Березка», «Жок» и другие коллективы, пользующиеся большим успехом и у нас в стране, и за рубежом. И успех этот говорит о живом интересе к народному танцу, о его современности. После гастролей одного из наших танцевальных коллективов английская газета «Дейли диспетч» писала: «Русский танец все еще является самым волнующим в мире».

Конечно, он продолжает волновать нас и не только на сцене.

Я уверена: кто искренне любит танец, кто хочет научиться танцевать — я имею в виду не профессионалов, а самых обыкновенных любителей, всю нашу молодежь, — не может пренебрежительно относиться к народному танцу. Та искренность, полнота самоотдачи, чувство собственного достоинства, которые характерны для народных танцоров, та способность проникнуться образом танца, всегда особенным, неповторимым, выразительным, — разве это не самое необходимое условие для каждого, стремящегося овладеть искусством современного танца?..

ЧЕМУ НАДО УЧИТЬ И ЧТО НАДО ЧУВСТВОВАТЬ

В нашем дворе был один странный мальчик. Очень странный. Вообразите только — он всегда здоровался. Выходил во двор, приближался к нашей компании, занятой игрой в ножички или классическую пристеночку, и произносил приветливым, ровным голосом: «Здравствуйте!»

Действительно, здравствуйте! Будто и так не видно, что он пришел. Еще бы ножкой шаркнул, поклонился и кепку снял. Ну, понятно в школе, там заставляют здороваться с учителями и вообще со старшими. Тянуть руку, говорить всякие жалкие слова, вроде «пожалуйста», «простите», но среди своих-то, что за церемонии! Подумаешь, фон-барон, принцесса Турандот! Мы часто смеялись над этим мальчиком. Мы его дразнили, «доводили» — так это у нас называлось. А ведь мы вовсе не были злыми детьми и не испытывали никакого удовольствия от грубости или наносимых кому бы то ни было обид, да и чувство естественной справедливости было у нас весьма сильно развито. И играли мы в героев бесстрашных, благородных и добрых. Что не мешало нам вбегать в музейные залы в шапках и галошах, захватывать в трамвае лучшие места в присутствии нагруженных сумками женщин, грызть семечки в кинотеатре, развалившись при этом со всем комфортом, к которому только располагали деревянные скрипучие кресла. Теперь, вспоминая о былых наших подвигах, о том, как мгновенно «отбрили» мы старушку, рискнувшую сделать нам однажды замечание или довели до слез своего учтивого сверстника, я испытываю жгучее чувство стыда. Не только перед самим собой. Но и перед всем серьезным, прекрасным, настоящим, что только

узнал я за свою жизнь. Будь это произведение искусства, явление природы или пример отношений между людьми.

Ибо понимаю теперь, как много было в наших невинных шалостях и беззлобных проказах того, что называется неотесанностью и невоспитанностью. А свойства эти вовсе не так уж простодушно безобидны, как можно предположить. Достаточно и того, что в основе без труда проглядываются эгоизм и своеволие, пусть неосознанные, так сказать, наивно натуральные, от этого не менее агрессивные по отношению к окружающим и не менее оскорбительные. Ведь даже если мы и не трогали никого, лужая в кинотеатре подсолнухи, гогоча и устраивая дурацкую возню, все равно наш вид, наша манера вести себя обижала и оскорбляла людей, с настроением которых мы несколько не считались. Мы просто не замечали его. И не думали о нем.

Так вот, прихожу я теперь к логическому выводу: обычай, именуемый вежливостью, более всего тем и хорош, что в нем ощущается забота о других. Альтруизм в нем заметен — то самое качество, без которого, как полагают ныне ученые, человечество несомненно вымерло бы. Воспитанный человек может страшно куда-то торопиться, ему как говорится, позарез, и все-таки он не полезет, расталкивая окружающих, к дверям автобуса по той простой причине, что он признает и за другим право торопиться, спешить и волноваться. Ничего нарочитого, чрезмерного, показного настоящей вежливости не требует — ни жеманных поз, ни изысканных пантомим, ни велеречивых изъяснений. Одного она требует — заранее осознанного, как нечто само собой разумеющегося уважения к

ближнему. Не потому, что он академик, герой, мореплаватель, или плотник, а потому, что он *человеческая личность*. Не менее — вполне вероятно — интересная, чем мы с вами. Ну, а поскольку к себе самим мы естественно и непринужденно требуем внимательного, благожелательного отношения, то не логично ли исполниться такого почтения и по отношению к окружающим. Поступай с людьми так, как хочешь, чтобы с тобой поступили». Чернышевский называл такую систему отношений «принципом разумного эгоизма». Термин может нравиться или не нравиться, важен принцип: нормальная жизнь в обществе, жизнь среди людей предполагает необходимость сочетать свои намерения и желания с намерениями и желаниями тебе подобных.

Век наш нервный. Это общее место, но это так. Ритм современной жизни, обилие информации, новые условия быта, сокращение одних расстояний — между городами — и увеличение других — между домом и работой — создает атмосферу нервных перегрузок. А в этой атмосфере достаточно малейшей искры, чтоб вспыхнул скандал, традиционное выяснение отношений о том, «кто в очках», «кто в шляпе», и вообще обмен унижительными, обидными и совершенно ненужными репликами, потому что через полчаса, поостыв, препиравшиеся сами о них сожалеют. Так вот в такие минуты я всегда думаю о той великой страхующей роли, которую призвана играть в современном мире обыкновенная учтивость. Позволю себе пример из жизни страны, в которой она присуща всем гражданам, от мала до велика. Путешествуя по Польше, я не раз был очевидцем ситуаций, называемых нынешним языком конфликтными. Кто-то кому-то наступил на ногу, кто-то занял чье-то место, за кем-то кто-то пытался ухаживать, не имея к этому достаточных оснований, — всякий раз с секунды на секунду готова была разразиться ссора, и всякий раз, так и не разразившись, она утихала. А все потому, что классические слова «прошу пана», «проше пани» срывались у собеседников с языка автоматически, раньше, чем в голову могли прийти какие-либо другие более непосредственные выражения. Эти слова и впрямь, как в детском нравоучительном рассказе, обладали волшебной силой. Они служили как бы клапаном для сбрасывания высокого давления страстей, они становились буфером между двумя взаимодействующими индивидуальностями.

«Ах, вот вы куда, — слышу я

иронический голос — Вам, значит, нравится формальная вежливость, то самое умение расшаркиваться, тот самый внешний лоск, за которым, как известно, кроется душевная пустота?» Знакомые аргументы. Между прочим, свою юношескую грубость мы часто оправдывали как раз тем, что хорошему человеку, мол, вовсе незачем расссыпаться в уверениях и почтениях, он и так хорош, это вот поддецу есть нужда маскировать свою сущность разными церемониями. Все-таки странная логика, хотя и подержанная многократно в ту пору художественными произведениями, где борьба со стилями была неизбежно совпадала с клеймлением хороших манер. Однако откуда такое доверие к несложным парадоксам, не справедливее ли предположить, что за хорошими благожелательными манерами и душа кроется хорошая, благожелательная, а за внешним разухабистым разгильдяйством и натура скрыта грубая и хамская. И какое кому дело до «золотых россыпей» моей души, если во время спектакля я смачно грызу мороженое, а едва дождавшись закрытия занавеса, бегом устремляюсь через весь зал за галошами... Хорошие манеры, даже если затвержены они автоматически; обходительность, даже если проявляется она по привычке без непосредственного душевного внимания; все равно выгодны обществу. Ибо женщине, например, которой в переполненном автобусе уступили место, совершенно все равно, сделано ли это из каких-то неожиданных к ней симпатий или же из естественного само собой разумеющегося джентльменства. Второе даже предпочтительнее, пожалуй, поскольку на симпатии рассчитывать каждый раз не приходится.

Между прочим, мне вдруг пришло в голову, что если некие злонамеренные субъекты и впрямь маскируют свои истинные желания при помощи хороших манер, то это опять-таки аргумент в пользу вежливости, которая даже несимпатичную личность способна некоторым образом облагородить. А уж как украшает она хороших людей — эта трогательная, чуть старомодная предупредительность, являющая собой несомненное отражение внутренней душевной деликатности. В 1934 году Первый съезд советских писателей пришли приветствовать метростроевцы. В рабочих спецовках, в шлемах с электрическими лампочками, с тяжелыми отбойными молотками на плечах. В делегации были и девушки — рослые, сильные, румяные, кровь с молоком. И вот когда они взошли на

сцену, поэт, сидевший в президиуме, бросился вдруг к одной из метростроевок для того, чтобы помочь ей удержать отбойный молоток. Зал рассмеялся. Поэт и впрямь был смешон, худыми своими руками пытаясь подхватить тяжелый инструмент. Но воспитанный в правилах старомодной вежливости, был он и обаятелен в своем бессознательном инстинктивном желании подставить плечо под чужой груз, в своем наивном порыве, так свойственном русскому интеллигенту. Да, интеллигенту-человеку, в котором хорошие манеры суть проявление тончайшей отзывчивости и недремлющей совести.

Того, в ком с детства воспитана такая душевная организация, не надо отдельно и особо учить правилам этикета. Он сам встанет со стула, когда к нему подойдет женщина, потому что разговаривать сидя со стоящей женщиной он не может инстинктивно. Это не нужно объяснять, это надо чувствовать. Вот почему отдельные специальные уроки вежливости, о которых мечтают некоторые читатели, кажутся мне бесполезными.

Всякий раз, когда разговор заходит о воспитании и доброжелательности, я неизменно вспоминаю одну сцену, происшедшую на маленькой пристани впадающей в Ильмень-озеро реки Полисть. Люди ждали парохода. Колхозники из окрестных сел и добродушные городские туристы, путешествующие по профсоюзной путевке. Пароход запаздывал, на озере поднялся шторм, и надежда вступить на палубу сделалась призрачной. Однако он все-таки появился. Как только спустили трап, городские туристы внезапно переменились. Они кричали, потрясали какими-то очень важными, с их точки зрения, документами, претендовали на некую свою особую исключительность и лезли на пароход, создавая при этом страшную давку, так что прибывшим пассажирам спуститься на берег не оказалось никакой возможности. А новгородские колхозники спокойно, терпеливо и торжественно ждали своей очереди, не стараясь никого опередить и не желая для себя никаких исключений. Они не знали предписаний хорошего тона и удивились бы, наверное, что по академическим застольным законам рыбу не полагается есть ножом.

Истинная вежливость, благородная и сдержанная, была им введена. И свойственна.

Ан. МАКАРОВ

Художник Н. Эстис

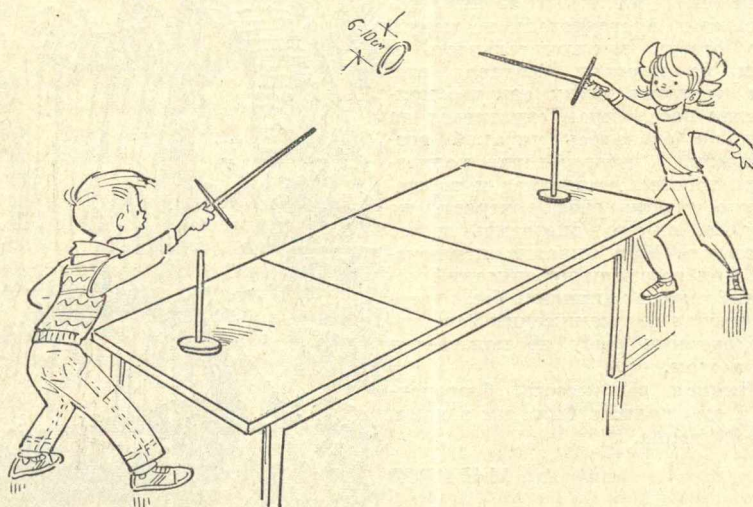
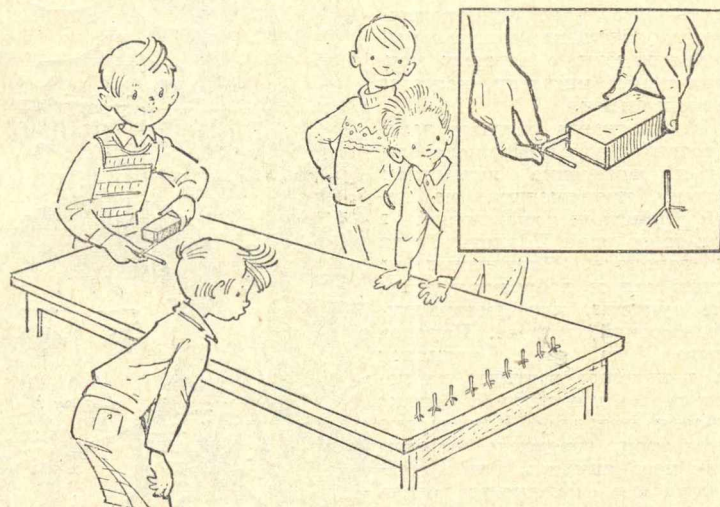
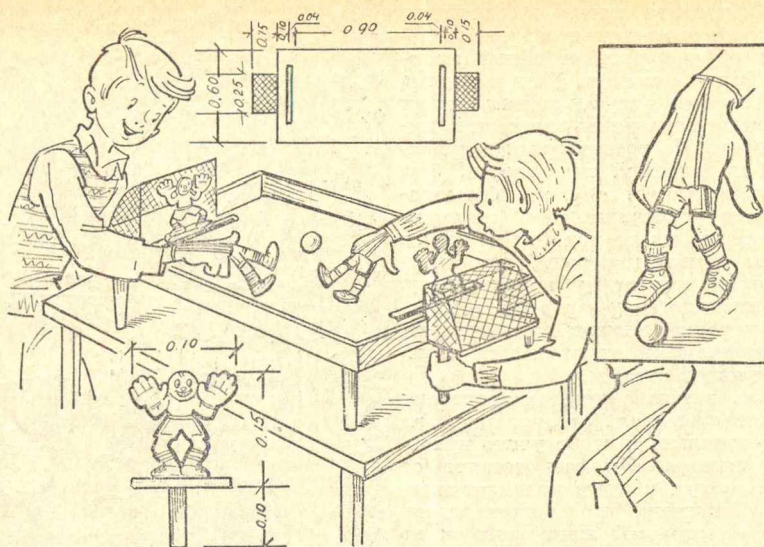

футбол

кегельбан

серсо

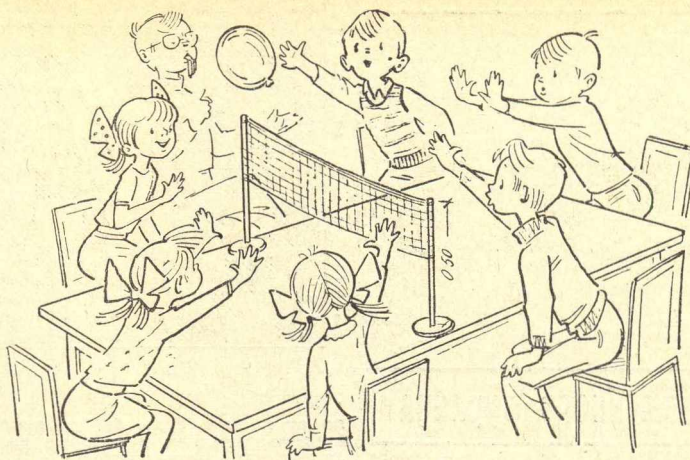
На стол ставятся две стойки высотой в 30 сантиметров. У игроков в руке метательный мяч — палочка с перекладиной. По очереди играющие бросают кольцо, стараясь, чтобы оно попало на стержень соперника (за это — очко). Но кольцо может перехватить соперник, и тогда очко получит он.

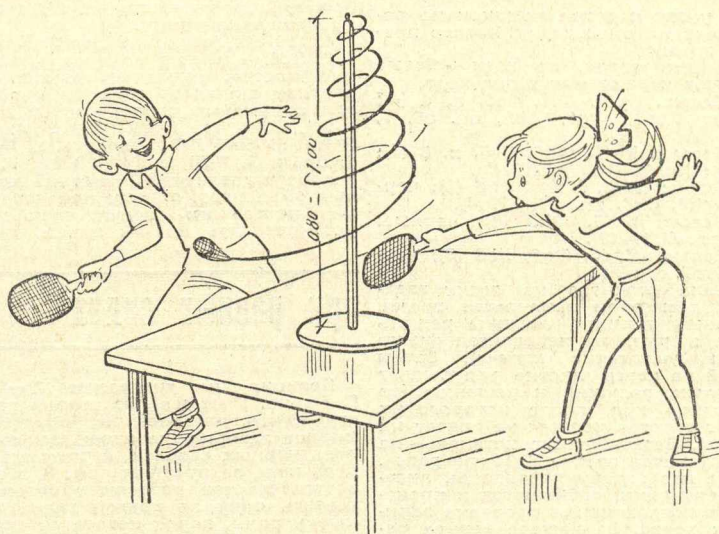
волейбол

В команде — по три человека. (Но если стол большой, состав можно увеличить). Сидящие в центре играют обеими руками, а сидящие по краям — одной рукой. Достаточно легкого щелчка, чтобы надувной резиновый шарик взвился над сеткой. Счет тот же, что в настоящем волейболе.

спираль-теннис

Поставьте на стол палку высотой 80—100 сантиметров. К вершине ее на тонкой бечевке прикрепите целлюлоидный шарик, закрепленный в сетке. Ракеткой надо стараться ударить по шару так, чтобы он сделал вокруг палки не меньше, чем три витка. Если это удастся — получаешь очко. Побеждает набравший 15 очков.

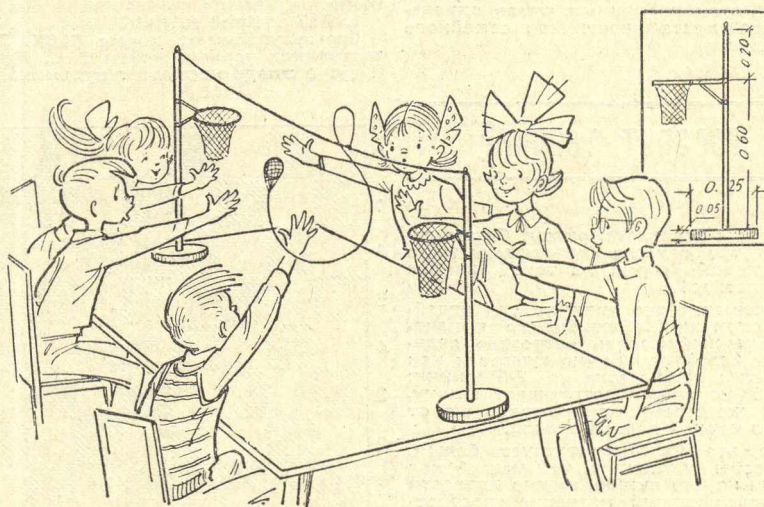

баскетбол

В команде 3—5 человек (это зависит от длины стола). Играть можно только одной рукой. Задача, конечно, забросить целлюлоидный шарик в корзину соперника и защитить свою.

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта

Художник А. Орлов

для семейного турнира

Кто у вас в семье чемпион по решению шахматных задач? Хотите провести турнир?

Вот пять задач, во всех — белые начинают и дают мат в два хода.

А. Белые: Kpf7, Ff1, Се6, п. 6 (4); черные: Кра8, Фq1, Сb8, пп. а6, 7, 2 (6).

Б. Белые: Kpf5, Фh6, Се5, п. 6 (4); черные: Kph8, Лf7, п. h7 (3).

В. Белые: Kpf8, Лh1, п. q6 (3); черные: Kph8, Сg8, пп. g7, h7 (4).

Г. Белые: Kpf6, Фh3 (2); черные: Kph5, пп. f7, h4 (3).

Д. Белые: Kрс5, Фq2, Ка6 (3); черные: Кра7, п. g3 (2).

Сначала ставится на доску задача А, при этом замечается время. Участники турнира должны решать задачу в уме, не передвигая фигур (задачи достаточно легкие). Затем каждый на своем листе записывает ход белых, ведущий к решению (то есть такой ход, после которого ни один из ответов черных не спасет их от мата). Десять минут истекло — на доску ставится задача Б. И так далее.

Когда все задачи исчерпаны, листки с решениями собираются и производится коллективная проверка записанных ходов. За каждое верное решение начисляется 2 очка. Затем по количеству набранных очков определяются места участников семейного турнира.

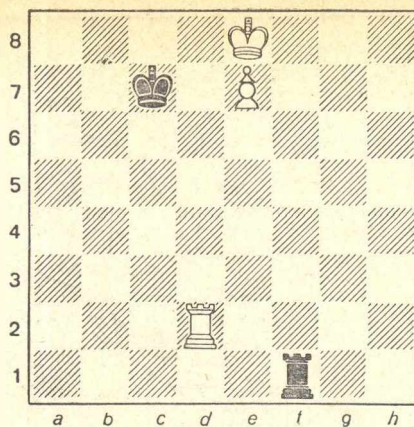
что говорит теория?

Как вы полагаете: смогут белые довести тут партию (диаграмма 1) до выигрыша? Теория на такой вопрос отвечает: да!

Положение это типично для ладейных окончаний. Важные его признаки — черный король «отрезан» ладьей от белой пешки (не сумеет к ней подойти); пешка уже на 7-й линии; белый король поддерживает пешку, в то же время прикрываясь ею от шахов черной ладьей с тыла.

Все это благоприятствует белым. Но чтобы обеспечить решающий ход пешки на 8-ю линию, нужно провести маневр, носящий название «построение моста».

1. Лс2+, еще дальше отгоняя коро-

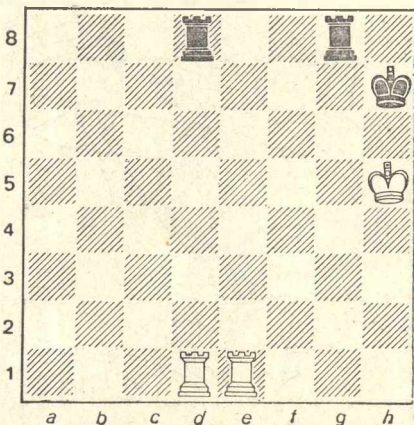
ля от пешки. Если бы на диаграмме был ход черных и они, не допуская этого шаха, пошли бы 1. ... Лс1, то последовало бы 2. Лf2!, обеспечивая белому королю выход на f7, а затем превращение пешки.

1. ... Kpb7 (если Kpd6, то 2. Kpd8). 2. Лс4! — начало маневра «построение моста». Белые собираются уйти королем с поля e8 и принимают меры для отражения шахов черной ладьи. 2. ... Лf2 3. Kpd7 Лd2+ 4. Кре6 Ле2+ 5. Kpf6 Лf2+ (если 5. ... Ле1, то 6. Лс5 и 7. Ле5) 6. Кре5 Ле2+ 7. Ле4, и победа очевидна. Последний ход белых объясняет, почему при «построении моста» им следует свою ладью устанавливать на 4-й линии.

при равных силах

Позиция на диаграмме 2 — эту Д. Ринка. У каждой из сторон по две ладьи, что, казалось бы, предвещает мирное завершение игры. Однако король черных стеснен, к тому же очередь хода за противником. И оба эти обстоятельства позволяют белым создавать одну за другой такие сильные угрозы, перед которыми черные в конце концов оказываются бессильными.

1. Ле7+ Kph8 2. Kph6! Белые угрожают ходом Лh7X. Это заставляет черных пойти 2. ... Лqe8. И тут в эту же наступает кульминация.

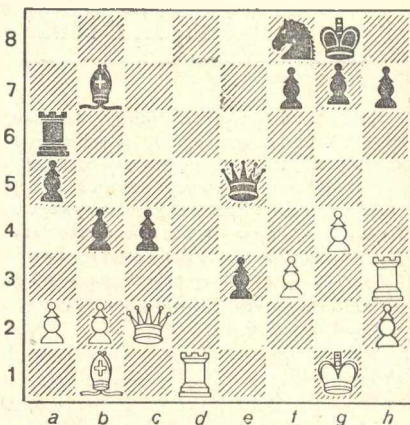
онный момент: после неожиданного хода белых черный король быстро получает мат.

Вы, разумеется, хотите сами найти этот решающий ход?

самый красивый ход

«Красивый ход!» — говорят, когда шахматист жертвует противнику пешку или фигуру. Особенно впечатляет ход с жертвой ферзя. Конечно, это случается не часто, но бывает. На диаграмме 3 — позиция из партии двух сильнейших шахматистов 20-х годов — М. Видмара (белые) и Р. Тейхмана. Найдите, как Видмар в несколько ходов заматовал короля черных.

Югославский гроссмейстер Видмар за свою шахматную карьеру сделал немало красивых ходов, но один из них заслуживает отдельного рассказа.

Как-то Видмар и Капабланка отлаживали партию. Положение было выигрышным у кубинца, и он спросил Видмара:

— Вы действительно собираетесь доигрывать?

— Возможно — да, а возможно — нет. Проанализирую дома позицию и тогда вам сообщу. Зачем мне решать это сейчас?

Нанануне доигрывания Видмар убедился, что спасения у него нет, и решил сдаться. Он отправился в турнирный зал, чтобы сказать это Капабланке. Однако того не было, а их партия уже расставлена, и судья пустил часы кубинца.

Прогуливаясь по залу в ожидании Капабланы, Видмар вдруг заметил, что стрелка на часах его партнера вплотную подошла к черте, где фиксируется просрочка времени. Судья уже готовился присудить победу Видмару. Победу в партии, которую он пришел сдать!

— Айн момент! — вскрикнул Видмар и, бросившись к столу, опрокинул своего короля. Этим он показал, что сдается. Он успел сдаться за секунду до просрочки времени Капабланкой.

«Это был самый красивый ход из всех, когда-либо сделанных в шахматной игре!» — писали тогда газеты.

Ю. БАРСКИЙ

мы рисуем на асфальте!

Как это происходит,
можно увидеть
на 4-й странице вкладки

Имея под рукой столько сообщений о где-то проводимых конкурсах рисунков на асфальте, легко было смекнуть, что и у нас в Кишиневе это можно сделать.

Но одной только нашей редакции пионерской газеты это было не под силу, и мы пошли во Дворец пионеров делиться идеей.

Оказалось, что руководитель юных художников Виктория Ивановна Варбэ только об этом и мечтает вот уже сколько времени.

Дело пошло. Время было весеннее, начало апреля. Договорились: рисовать на асфальте пятнадцатого, в воскресенье.

Виктория Ивановна обзвонила школы, прося к телефону преподавателя рисования.

— Проводим конкурс рисунков на асфальте. В воскресенье. От вас требуется человек десять. Первых-вторых, третьих-четвертых классов. Накануне соберемся у нас во Дворце. Обо всем подробнее расскажем там. До субботы!

Мы носились по магазинам, доставая цветные мелки. Дело оказалось трудным, мелков не было. Просили у школ. Подсчита-

ли — убедились: достанется по одной коробке на двоих.

Что еще?

Планку, чтобы чертить рамки. Мел.

Подарки: наборы цветных открыток, книжки о художниках. (Только к третьему конкурсу мы стали покупать, кроме этого, шоколадные медали и ладить к ним ленточки, чтобы можно было вешать медали на шею. Каждому участнику, а не только победителям!)

На первый конкурс пришел около пятидесяти ребят. (Опять-таки потом догадались приглашать и старшую группу детского сада).

Еще в субботу мы примерно рассказали художникам, что нужно рисовать. Оказалось, собственно, всё, что угодно...

Место для конкурса выбрали, кажется, удачно — асфальтовую площадку перед зданием музея живописи и скульптуры в Центральном парке «Победа». Расчертили прямоугольники, разложили мелки... Оркестр из Дворца пионеров сыграл туш, дети начали рисовать.

И тут пошел дождичек, маленький, весенний — квадраты стали рябыми. Родители — а они пришли все, словно рисовать надо было им — раскрыли зонты. Над студией раскинулась зонтичная крыша.

Зрители не уходили: зрелище было занятное — малыши корпели над разноцветными прямоугольниками.

У колонн музея стояли приглашенные художники: известный молдавский живописец Михаил Греку и Глеб Саинчук, тоже живописец, но более известный своими сатирическими ма-

сками. Они были главными в жюри конкурса.

Да, кстати, на всех четырех углах парка были вывешены плакаты, сделанные художником редакции. Плакаты гласили, что в парке проводится конкурс «Мы рисуем на асфальте» — так мы его называли, так называем и сейчас.

Прошло 30 минут — прозвучал гонг, художники встали и отряхнули ладони.

На территорию рисунков вступил Михаил Греку, бормоча слова Пикассо: «Когда мне было восемь лет, я рисовал, как Микеланджело; мне понадобилось восемьдесят лет, чтобы я научился рисовать, как ребенок...» За точность фразы не ручаюсь.

Первое место заняли самые непосредственные работы, неуклюжие, но зато яркие и милые, как и сам ребенок. Жюри судило строго.

Под оркестр вручали подарки.

Конкурс стал традиционным — так он теперь и именуется в газетах. Плакаты печатаются в типографиях, участников конкурса в прошлый раз было 150 (и 300, если не больше, пап, мам, бабушек и дедушек), о конкурсе знают во всей Молдавии. Даже приезжали к нам из других городов поздравить с опытом.

А что тут заимствовать? Обзвоните школьных художников, соберите детей, отыщите площадку... Только насчет мелков вам придется побеспокоиться заранее...

В. ЧИРКОВ,
сотрудник газеты
«Юный ленинец»
г. Кишинев

Главный редактор
Л. М. ИВАНОВА

Редакционная коллегия:

М. В. ГОГОЛЕВА, В. В. ДА-
ВЫДОВ, М. В. ЖИЛИНСКАЯ,
О. М. ИВАНОВА, И. И. КАРПЕЦ,
Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТО-
ВА, Т. В. МАТВЕЕВА, И. П. РУ-
ДЕНКО, В. А. РЫБАКОВ,
Э. С. СОКОЛОВА, А. Г. ХРИП-
КОВА, О. Э. ЧКАЛОВА.

Оформление номера
Юрия Колюшева

Художественно-технический
редактор Т. Мухина

Издательство «Педагогика»
Академии
педагогических наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

Адрес редакции:
119823, ГСП,
Москва, Г-117,
Погодинская улица, 8
Телефоны редакции:
245-23-69, 245-03-73, 245-12-14

Рукописи и фотоснимки
не возвращаются.

Литературных консультаций
редакция не дает.

Подписано к печати
9 февраля 1972 года. А07131
Тираж 1 400 000 (1—600 000) экз.
Заказ 117. Бумага 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+0,42).
Уч.-изд. л. 10,84

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» им. А. М. Горького
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны
в Ленинградской типографии № 3
имени Ивана Федорова,
Звенигородская, 11.

образ „прекрасной франции“

«...Париж является целью для всех. Каждый стремится сюда, имея на то свои собственные основания». Так писал когда-то Бальзак. Стремление в Париж и завоевание Парижа — это тема французской литературы первых десятилетий XIX века и тема жизни сотен бедных и честолюбивых юношей из провинции. Сотни безвестных Жюльенов и Растиньяков разыгрывали сюжеты Бальзака и Стендала в жизни. Из большинства, конечно, не получилось ничего. Но, вероятно, каждый из них, смотря за бальзановским Растиньяком, мог бы представить себя на вершине холма над распростертым внизу Парижем, воспевающего с упоением: «Ну а теперь мы с тобой повоем!»

Дерзновение стало основой художественного творчества Домье с самого начала. Уроженец Марселя, он в детстве был перевезен отцом в Париж; он мог бы считать себя парижанином. Но для провинциала, чтобы сделаться настоящим парижанином, мало было в Париже жить, нужно было добиться успеха. Отец Домье, стекольщик и поэт, лавров в Париже не пожинал. Таким образом, юный Оноре Домье выходил на художественное ристалище защитником фамильной чести.

Он начал свой путь в искусстве с карикатур. Разглядывая их теперь, мы понимаем, что работу над ними Домье подчинил осознанной им и намеренно грандиозной сверхзадаче. Эта сверхзадача — в создании сатирической галереи современной жизни во всей ее полноте и обилии разнообразных деталей. Посредством казалось бы самого преходящего и «недолговечного» из жанров Домье намеревался осуществить и осуществил архитектурно-величественный замысел.

Время расцвета Домье-карикатуриста — царствование Луи-Филиппа, короля, «рассевшегося тушей над страшной и задушившего ее» (Виньи). Этот король-мещанин венчает общественную пирамиду, созданную сатириче-

ским воображением Домье. Король-бурдюк, Король-груша. Снова и снова осмеивает Домье этого предводителя хора шутов. Вниз от короля по иерархической лестнице располагаются поразительно живые манекены — олицетворенные силы социального механизма, досконально изученного Домье. Кружатся в шутовском хороводе политики и адвокаты, офицеры и лавочники. Актуальные политические ситуации заставляют Домье придумывать все новые и новые фигуры. Вот политический деятель Тьер, «всегда готовый произвести революцию, как только слетит с занимаемого места, и затопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки» (Маркс). Огромную голову Тьера Домье водружает на торс Наполеона, взятый в ракурсе, характерном для парадных портретов императора. Бонапартистский ореол вокруг Тьера уничтожается навсегда.

Карикатура Домье «Маски 1831 года» напоминает страницу фантастического атласа по физиогномике. Просто в несколько рядов лицом друг к другу расположены лица-символы. Хрестоматийные маски жестокости, тупости, надменности.

Многие годы работа в политической прессе, требующая острого и безошибочного чувства актуальности, целиком поглощала Домье. Слава его была беспрецедентна. В старину бы сказали, что Париж был у его ног. Литографии Домье распространялись по столице мгновенно, на завтра над ними хохотала вся Франция. Домье-карикатурист оказывал прямое воздействие на публику. Он разрушал политические репутации и низводил с пьедесталов героев дня, сам оставаясь героем дня в течение двух десятилетий. Тьер, по свидетельству современников, был знаком им в лицо не по портретам и фото, а по карикатурам Домье. Среди многого другого, завещанного Домье будущему, — рожденный им образ политического художника, художника-газетчика (в сегодняшнем понимании).

Вся Франция была за или против Домье. Но даже и те, кто был всецело за, воспринимали его подчас поверхностно. В сознании широкой публики Домье стоял в одном ряду со своими коллегами-карикатуристами, остроумцами и ремесленниками-виртуозами. Первыми заявили, что в лице Домье Франция имеет великого художника, писателя — Бальзак и Бодлер.

С годами Домье все меньше занимался карикатурой, все чаще брался за кисть. Живопись Домье не нашла у современников никакого признания. Домье-живописца подавлял карикатурист Домье. И только когда годы легли между Домье и его мятежной молодостью, к нему пришло второе дыхание. Он был по-прежнему

чуток к «вечным времени» и создал лучшие свои произведения в старости.

Завоеванный и утраченный им Париж вновь предстал Домье — теперь как художественная задача. Автором первой серьезной статьи о Домье был поэт Бодлер. Позиция Бодлера проникнута темами и образом Парижа. Это был уже не тот Париж, которому со страниц Бальзака бросали вызов честолюбцы. В поэзии Бодлера обрел язык новый, промышленный Париж. Город, овеянный атлантическим туманом и гарью заводов; город притонов и трущоб. Жерты большого города населяют бодлеровский Париж — нищие старухи и старики, живущие в третьеразрядных номерах или ночующие под парижскими мостами. Они посещают дешевые балаганы и ездят в третьем классе, таком, каким его написал Домье. Этот открытый Бодлером Париж Домье значительно переосмыслил. В живописи Домье нет городских пейзажей. На некоторых его картинах Париж присутствует как сон, как некая всепроникающая атмосфера.

Словно сквозь дымку прошлого увиден Париж на картине «Прачка»: где-то на том берегу реки еле заметные люди и зипажи. Таким видел Париж и сам Домье из окон своей квартиры на набережной Сен-Лу. Прачки работали под самыми оннами квартир художника. Он слышал непрекращающийся стук вальнов. Нагруженные грудями мокрого белья, прачки поднимались от воды на набережную по узким и крутым металлическим лестницам. У них были распухшие руки. Многие из них знали Домье в лицо и здоровались с ним. Прачкам Домье посвятил несколько картин. Здесь воспроизводится самая знаменитая из них. Всех поразил размер картины («не больше двух открытых ладоней»). Миниатюрный размер, конечно, не случаен. Он (от обратного) доказывает монументальный характер замысла Домье. Художник, низводивший с пьедесталов, Домье задумал воздвигнуть памятник. Он создает удивительно многоплановый образ. Благородство труженицы, спокойная величавость матери и очарование парижанки сливаются для Домье в собирательный образ (едва ли не символ) женственности, переосмысленный как образ родины. Тема родины, постоянно присутствующая у Домье, здесь достигает пронзительного и чистого звучания.

«Прачка» — этот шедевр французской живописи — была отвергнута ежегодным Салоном, где хотел ее выставить Домье. Сегодня она висит в Лувре. Это образ «прекрасной Франции», доставшийся Домье ценою честного и горького пути.

В. АЛЕКСЕЕВ

мы рисуем на асфальте!

О конкурсе,
ставшем в Кишиневе традиционным,
читайте на 63-й странице

Фото В. Сафулина

